

ТЕМНАЯ ПРИНЦЕССА

ИМПЕРИЯ НАЙТС-РИДЖ: КНИГА 1 / 1

T.ME/DARKSOULBOOKS

Трейси Лоррейн

Я играла с огнем. Я знала это.

Я та, кто зажгла спичку.

Но возможности обжечься все равно было недостаточно, чтобы остановить меня.

Я танцевала не только с дьяволом.

Но и с его братом... и нашим врагом.

Все должно было рухнуть к моим ногам... это было неизбежно.

Я просто не ожидала, что это произойдет так быстро.

Перевод группы

t.me/darksoulbooks

При поддержке канала:

t.me/bookgossip

1

КАЛЛИ

Глубокий рокот двигателя — это первое, что я осознаю, когда прихожу в себя.

Мое тело болит, а в голове туман, пока я лежу там, мое сердце набирает скорость с каждой проходящей секундой.

Мой папа будет очень зол.

Вероятно, не самые полезные мысли, пока я заперта... Я предполагаю, что на заднем сиденье фургона, но вот оно что.

Он велел мне подождать. Он сказал мне, что придет.

Знал ли он, что это может произойти?

Имеет ли это вообще значение?

Упираясь ногами в пол, я пытаюсь сесть, но вскоре понимаю, что это бессмысленно. Со связанными за спиной руками и тем, что находится в моем организме, что затуманивает мои мысли, мое тело не будет слушаться так, как я хочу.

Перевернувшись на живот, чтобы облегчить боль в руках, я испускаю пронзительный крик разочарования.

Каким-то чудом мне удастся снова погрузиться в сон под мягкое покачивание фургона, пока меня везут черт знает куда.

Меня спасает только то, что мой телефон у меня в кармане. Папа может выследить меня. Они найдут меня. И когда они это сделают, тот, кто похитил меня, будет чертовски мертв.

Конечно, это при условии, что у меня не будет шанса сначала сделать это самой.

Возможно, я не обучена, как Стелла, или у меня за плечами нет опыта жизни в Ловелле, как у Эмми, но, когда доходит до этого, в моих жилах бурлит кровь Чирилло. Я отказываюсь преклоняться перед теми, кто думает, что они достаточно умны, чтобы сделать это.

— *Ты потерпел неудачу, — заявляет Стефанос холодным и жестким голосом.*

— *Я ничего из этого не мог вспомнить.*

Тишина плывет из кухни туда, где я останавливаюсь на лестнице.

Мама, папа, дядя Дэмиен и тетя Селена в отъезде, поэтому мы играем в доме Алекса и Деймона. Или, по крайней мере, были там, пока я не извинилась и не вышла из комнаты Алекса, чтобы взять напитки.

Все мальчишки играют в какую-то дурацкую зомби-игру на Xbox, и мне безумно скучно. Ну, все мальчишки, кроме Деймона. Он не приходил к нам с тех пор, как мы вернулись из школы.

Мне грустно думать, что он предпочел бы быть один, чем играть со своими друзьями. Но я не могу сказать, что я удивлена. Он всегда был таким.

— Алекс не потерпел неудачу, — продолжает Стефанос. — Когда твой дедушка услышит об этом, он—

Раздается громкий треск, прежде чем Деймон появляется в коридоре, но он не видит меня. Он вообще не поднимает глаз, слишком увлеченный бегством к двери.

— Николас, гремит Стефанос, заставляя меня действовать, когда Деймон распахивает дверь и выбегает наружу.

— Деймон, подожди, — зову я, как только выхожу из дома, но он уже на полпути через сад, его гораздо более длинные ноги поглощают пространство, когда он убегает.

Мои ноги набирают скорость, когда он исчезает за деревьями, в их логове.

Его сердитый крик достигает моих ушей, прежде чем раздается громкий хлопок и еще один крик, на этот раз от боли.

Ускользая в тень, я задыхаюсь, когда он появляется передо мной, слезы текут по его щекам, костяшки пальцев покрыты кровью, а грудь вздымается от напряжения.

— Оставь меня в покое, — рявкает он. Но я делаю обратное. Я подхожу ближе.

Его глаза расширяются от шока, а из глубины горла вырывается предупреждающее рычание.

— Я не боюсь тебя, Деймон. Просто позволь мне помочь.

Я резко просыпаюсь и инстинктивно пытаюсь отползти подальше от грохота где-то рядом со мной. Я ни черта не вижу из-за того, что они натянули мне на голову, когда схватили меня.

Мое сердце учащенно бьется, а руки дрожат за спиной, когда из фургона доносятся низкие мужские голоса.

— О Боже мой. О Боже мой, — всхлипываю я.

Я понятия не имею, где я, кто меня похитил — хотя могу рискнуть предположить об этом — или чего они от меня хотят.

Мне просто нужно продолжать полагаться на то, что мой телефон все еще у меня в кармане и все еще включен.

Они придут за мной, я знаю, что придут.

Раздается еще один удар, от которого мое сердце подскакивает к горлу и по мне пробегает дрожь страха, превращая мою кровь в лед.

Дверь открывается, и свет, наконец, проникает через мешок у меня на голове, хотя этого недостаточно, чтобы я могла видеть что-либо, кроме ткани перед моим лицом.

У меня покалывает кожу, когда я осознаю, что тот, кто стоит там, пристально наблюдает за мной, прежде чем фургон проваливается под их весом, и меня тащат по полу и вытаскивают наружу.

Возникает драка, которой мне не хватало, когда они впервые схватили меня, и я

брыкаюсь и кричу, делая все, что в моих силах, чтобы причинить кому-то боль, привлечь хоть какое-то внимание.

Моя нога натывается на что-то твердое, прежде чем глубокий, наводящий ужас голос ворчит что-то, чего я не понимаю.

— *Figlio di puttana. (Сукин сын.)*

Я ахаю, когда вокруг меня громко звучит подтверждение того, кто меня похитил.

— Отвали от меня к черту, — кричу я, продолжая метаться.

— Хватит, — гремит голос с акцентом, прежде чем меня поднимают на ноги и толкают вперед.

До меня доходит аромат океана, и когда я сосредотачиваюсь, крики чаек вдалеке заставляют мой лоб нахмуриться.

Если бы мне пришлось гадать, куда они меня привезут, то я бы сказала, на какой-нибудь темный и грязный склад у черта на куличках. Не на чертов пляж.

Но тогда, наверное, я действительно не знаю, как действуют мужчины вокруг меня, учитывая, что я провела свою жизнь, защищенная от этой части реальности, не говоря уже о наших врагах.

Ничего не сказано, пока меня ведут... куда-то.

Хватка на моих руках снова усиливается, кончики пальцев впиваются в больные места сзади.

Гнев раскаляется докрасна у меня в животе, но что, черт возьми, я должна с этим делать? Без моих рук, без моего зрения я чертовски бесполезна.

Поэтому я продолжаю позволять им подталкивать меня вперед и надеюсь, что смогу найти другой выход из положения, когда меня отправят туда, куда они захотят.

Я думаю о папе, о Нико, Тео, Деймоне. Они взбесятся, как только поймут, что я пропала, и устроят ад, чтобы вернуть меня, я знаю, что они это сделают.

Есть вероятность, что к закату я вернусь в свой подвал, как будто этого никогда не было.

Я надеюсь.

Я, спотыкаясь, прохожу через дверной проем, прежде чем тускнеет свет и стихает шум разбивающихся волн и чаек, пока меня не выпускают в комнату, снимают то, что связывает мои запястья, и дверь захлопывается за мной, замок защелкивается секундой позже.

В спешке я тянусь к мешку на моей голове и снимаю его.

Я моргаю пару раз, когда мое зрение проясняется, не веря в то, что я вижу.

Я в спальне. Действительно хорошая спальня.

— Что за черт? — шепчу я, глядя на огромную низкую кровать, покрытую девственно белыми простынями. Вся мебель из побеленного дерева, есть полки с безделушками и пара украшений.

Я стою посреди всего этого, не веря своим глазам.

Это... это чей-то дом.

Какого черта итальянцы привезли меня сюда? Я уверена, что последнее, о чем они действительно заботятся, — это комфорт принцессы Чирилло.

Почему я не в темной и сырой камере, где меня будут пытаться?

Почему я—

Где-то за дверью раздается громкий хлопок, и я вздрагиваю.

Эта комната может быть милой, но я не могу забыть произошедшее... как бы долго это ни продолжалось.

Они похитили меня. Накачали наркотиками. Бросили меня на заднее сиденье фургона и привезли... куда-то, намного более приятное, чем я ожидала, но все же. Не в этом дело.

Направляясь к дверям, мой подбородок опускается, когда я обнаруживаю, что снаружи не сад, а настоящий гребаный пляж.

Очевидно, что мы все еще в Англии, потому что я не смотрю на золотой песок и глубокий синий океан. Но даже несмотря на это, это действительно чертовски красиво.

В поле зрения нет ни одного человека, только бескрайнее синее небо и море.

Это только усиливает мое замешательство.

Здесь есть мебель, огромный камин и все, что может понадобиться каждому, чтобы насладиться этим безумным видом. Это отчасти напоминает мне о последних нескольких днях, только вместо лесов, окружающих меня, это побережье.

Развернувшись, я еще раз осматриваю комнату, прежде чем подойти к другой двери, чтобы найти современную ванную комнату с огромной душевой кабиной, очень похожей на ту, что находится в моем подвале.

Образы моего пребывания там с Деймоном заполняют мой разум, и меня пронзает острая боль одиночества.

— Черт, — шиплю я, задаваясь вопросом, что сейчас происходит дома.

Сколько времени прошло? Все ли они знают, что я исчезла? Они уже ищут меня?

Я пользуюсь туалетом, а затем возвращаюсь в спальню. Я проверяю двери, ведущие на пляж, но неудивительно, что они заперты.

Не в состоянии найти часы или какой-либо намек на то, который час, кроме быстро опускающегося солнца за горизонт, я заползаю на кровать и сворачиваюсь в клубок.

Когда я просыпаюсь и снова с трудом разлепляю отяжелевшие веки, в комнате темно и тихо, но беспокойство пробегает у меня по спине, как будто за мной наблюдают.

Я колеблюсь, неуверенная, действительно ли хочу перевернуться и узнать, какова моя новая реальность.

Делая глубокие вдохи через нос, я готовлюсь подтянуть свои штаны для большой девочки и направить свою внутреннюю крутую задницу в нужное русло.

Но у меня нет шанса, потому что человек, ожидающий меня, теряет терпение.

— Я знаю, что ты не спишь.

Его голос пронизывает меня насквозь, заставляя мое сердце разрываться в груди.

— Нет, — выдыхаю я, когда неверие наполняет мои вены.

— Калли, все в порядке. Это—

— Нет, — рывкаю я, наконец переворачиваясь и опускаясь на колени. Я смотрю своему похитителю прямо в глаза, к счастью, не выказывая признаков страха.

Зачем мне это, если я никогда не боялась его в прошлом?

Предательство поражает меня так сильно, что я на самом деле раскачиваюсь, как будто это был физический удар.

— Нет, — повторяю я, неспособный придумать что-либо более красноречивое, поскольку шок делает меня бесполезной.

— Это не то, на что похоже, — утверждает он, вставая со стула, который он придвинул поближе, чтобы он мог наблюдать, как я сплю, как подонок, и поднимая руки в знак капитуляции.

— Это не то, на что, блядь, похоже? — визжу я, не принимая ни слова из этого.

Я вскакиваю на ноги, отказываясь находиться рядом с ним в невыгодном положении по росту. Не тогда, когда я явно была в его власти с той секунды, как он схватил меня.

Я на мгновение отрываю от него взгляд и замечаю блестящую каменную вещицу на полке рядом со мной. Прежде чем я осознаю, что делаю, она оказывается у меня в руке, и я со всей силы швыряю ее ему в голову.

— Я доверяла тебе. Я, блядь, доверяла тебе.

Он даже не пытается защититься, когда камень летит ему в лоб, и мой желудок сжимается, когда он наконец соприкасается. Его кожа трескается, кровь немедленно собирается в ране, прежде чем потечь по лицу.

Я хочу чувствовать себя виноватой. Но я отказываюсь это делать. Я отказываюсь чувствовать что-либо, кроме ненависти к нему за то, что он это сделал.

Вскакивая с кровати, я инстинктивно двигаюсь к нему, мои руки сжаты в кулаки. Я бью везде, где только могу, позволяя своему разочарованию вытекать из меня так, как я никогда раньше по-настоящему не испытывала. Я никогда не была жестоким человеком, но прямо сейчас все, чего я хочу, — это причинить ему боль, заставить его почувствовать хоть каплю той боли, которая разрывает меня изнутри прямо сейчас.

— Как ты мог так поступить со мной? — кричу я, мой разъяренный голос даже отдаленно не похож на мой собственный. — Я доверяла тебе. Я думала, ты другой.

Он позволяет мне сходить с ума, оставляя свои руки безвольно повисшими по бокам, когда я обрушиваю на него адский дождь. Или, по крайней мере, в моей голове, это то, что я делаю. Я уверена, что реальность очень, очень отличается.

В ту секунду, когда он замечает, что я изнемогаю, он хватает меня за запястья, поднимает их над моей головой и прижимает спиной к стене.

Его ноздри раздуваются, а грудь вздымается, когда он смотрит на меня сверху вниз.

Его лицо — не что иное, как маска. С которой я более чем знакома. Я была свидетелем того, как мой отец, брат и остальные парни достаточно натягивали свои. Таким образом, ничто за пределами поставленной задачи не имеет значения. Имеет значение только то, что ты тот, кто выживает, тот, кто побеждает.

И это чертовски пугает меня.

Потому что человек, которого ему нужно победить прямо сейчас, — это я.

— Пожалуйста. — Слово слетает с моих губ как мольба, и я ненавижу его.

Я хочу быть сильной. Противостоять монстру, который смотрит на меня сверху вниз, как, я знаю, сделали бы Стелла или Эмми.

Но я не могу. Несмотря на холодную маску, смотрящую на меня в ответ, я точно помню, что скрывается под ней.

Где-то в другом конце дома хлопает дверь, и я впервые с тех пор, как проснулась, замечаю, что дверь спальни открыта.

Если бы я не была так сильно настроена причинить ему боль, то могла бы сбежать.

Не то чтобы я уверена, что продвинулась бы очень далеко.

Шаги приближаются, и мое сердцебиение учащается, когда я пытаюсь высвободить свои запястья из его хватки.

— Пожалуйста, — шепчу я. — Просто отпусти меня. Я-я не знаю, что ты—

Мои слова обрываются, когда в дверном проеме появляется тень, мое тело дрожит от страха, что один из его менее дружелюбных приятелей собирается присоединиться к нам и

сделать всю эту ситуацию намного хуже.

Но затем тень раскрывает себя, и меня переполняет облегчение.

— Деймон, о Боже мой.

Но когда он останавливается в дверях, его глаза мечутся между мной и мужчиной, пристально смотрящим на меня сверху вниз, любая надежда, которая у меня была, умирает.

2

ДЕЙМОН

— Я здесь не для неприятностей, я, блядь, клянусь тебе, — говорит Антонио Санторо, поднимая руки в знак капитуляции.

Отказываясь принять его слова, я держу пистолет направленным ему в голову и жду. Хотя, я должен признать, что я впечатлен. В последний раз, когда я видел его, это закончилось одной очень серьезной угрозой о том, куда попадет моя следующая пуля, если он снова покажется рядом со мной.

— Я здесь из-за Калли, — признается он. — Она в беде.

— Что? — рычу я, страх прокатывается по мне и заставляет мою руку дрожать, чего он не может не заметить. — Где она?

— Я не знаю. Я только что пришел от своего дяди. Я... эм... подслушал кое-что, чего не должен был слышать.

— Какого черта я должен верить твоему слову? — рычу я.

— Потому что я стою здесь на мушке твоего пистолета, добровольно предоставляя тебе информацию, которая, скорее всего, приведет к моей смерти, — говорит он без малейшей дрожи в голосе.

Моя грудь вздымается, когда я смотрю на него, пытаюсь решить, говорит ли он правду или нет.

— Они собираются отправиться за ней.

— Рикардо хочет заполучить наш бизнес. С чего бы ему вдруг—

— Он хочет отомстить за убийство наших парней. За то, что застрелили его племянника, — заявляет он, поднимая бровь в мою сторону. — Око за око.

У меня начинает кружиться голова.

— Он думает, что она будет легкой мишенью.

Я качаю головой.

— Нет, — выдыхаю я.

— И мне неприятно это говорить, но он прав. У Эвана недостаточно защиты для нее. Мы должны что-то сделать.

— Мы? — спрашиваю я.

— Может, я и враг, но она — нет. — Отчаяние и страх, которые я более чем узнаю, затмевают его глаза.

— Черт, — рывкаю я, опуская руку. — Черт.

Делая шаг назад, я засовываю пистолет за пояс брюк.

— Пойдем со мной, — говорю я, отходя от него и возвращаясь к своей машине.

Открывая заднюю дверь, я киваю ему, чтобы он садился, уверенный, что он будет достаточно хорошо спрятан за моими темными стеклами.

— Если ты, блядь, лжешь мне, я лично разрежу тебя на куски и доставлю обратно твоему дорогому дяде, — предупреждаю я, наклоняясь к нему.

— Я, черт возьми, клянусь тебе, я не лгу. Я хочу, чтобы она была в безопасности, так же сильно, как и ты.

— Из-за нее тебя убьют.

Он пожмает одним плечом. — Она того стоит, ты так не думаешь?

— Ублюдок, — рычу я, захлопывая перед ним дверь, прежде чем положить руки на машину и повесить голову.

Я делаю несколько успокаивающих вдохов, прежде чем скользнуть обратно на водительское кресло и вытащить свой телефон, открывая приложение для отслеживания, чтобы увидеть, где моя девочка.

Если какая-нибудь итальянская пизда доберется до нее раньше—

Нет, просто, блядь, нет.

Я сижу перед домом, глядя на свет, льющийся из окон.

Я не хотел уходить. Но внутри ни хрена нет, и если мы действительно этим занимаемся, то, по крайней мере, нам нужна какая-нибудь гребаная еда.

Вероятно, мне следовало послать его. Надеяться, что он потеряется и больше никогда не появится. Но я знаю, что моя удача собирается покинуть меня в этом.

Единственная удача, на которую я могу претендовать прямо сейчас, заключается в том, что мы добрались до Калли раньше Рикардо и его людей.

Я понятия не имею, как быстро они собирались действовать, но страх в глазах Анта, когда он рассказывал о том, что подслушал, сказал мне, что они не собирались долго колебаться.

Что означало, что мы не могли ждать.

Мне нужна была безопасность моей девочки, и если это означало пойти на крайние меры и ненадолго встать на сторону врага, то я был не против.

Ради нее. Всегда ради нее.

Одноразовый телефон в моем кармане звонит, и я, черт возьми, чуть не выпрыгиваю из кожи, когда он вырывается из всех окружающих меня динамиков.

— Босс, — говорю я, когда приходит второй звонок Эвана.

— Все хорошо? — спрашивает он.

— Да. Она в безопасности. И будет в безопасности до тех пор, пока существует угроза, — подтверждаю я.

— И ты все еще отказываешься сказать мне, кто твоя крыса? — Подозрение более чем очевидно в его тоне.

— Что сказали твои змеи? Что-нибудь изменилось?

— Нет. Они вышли на нее, — говорит он, и его голос срывается от беспокойства.

— Тогда тебе нужно довериться мне.

— Ты даже не предназначен для работы. Когда твой отец—

— Я не работаю. Я учусь. И Калли тоже. В безопасности.

— Клянусь гребаным Богом, Деймос. Если ты облажаешься и она—

— С ней ничего не случится. Она в безопасности. Никто не знает, где мы.

— Я в курсе, — бормочет он, его раздражение ясно, что я отказался сообщить даже ему наше местоположение.

У нас с Антом отключены маячки. Я выключил маячок Калли в ту же секунду, как мы ее поймали, и мы приехали сюда в фургоне с фальшивыми номерами.

Единственный способ нас найти — это если этот итальянский ублюдок внутри

завизжит.

И если он это делает, у меня будет нулевой шанс сохранить ему жизнь в третий раз.

— Я доверяю тебе, Деймос. Позаботься о моей девочке.

— Даю вам слово, Босс.

Я прерываю звонок, прежде чем выключить телефон, и в ту же секунду, как выхожу из машины, бросаю его на землю и раздавливаю ногой.

Я здесь ничего не оставляю на волю случая. Ни один другой итальянский ублюдок и близко не подойдет к моей девочке.

Хватая сумки из багажника, я направляюсь к дому, мои глаза стреляют повсюду, поскольку моя паранойя берет верх надо мной.

Тишина встречает меня, когда я направляюсь на кухню и пытаюсь не паниковать, когда не нахожу Анта там, где я его оставил.

Сбрасывая сумки, я отправляюсь на его поиски. Мое сердцебиение учащается с каждым шагом, который я делаю, и я не вижу и не слышу никаких свидетельств того, что они здесь.

К тому времени, как я прохожу половину здания, я почти бегу.

Мне не следовало, блядь, оставлять его здесь с ней.

Я, блядь, доверял ему, и если он—

Весь воздух вырывается из моих легких, когда я заворачиваю за угол и вижу, как он прижимает моего ангела к стене, глядя на нее сверху вниз, как будто она его.

Ее глаза расширяются от облегчения, когда она смотрит на меня, делая все возможное, чтобы освободиться от хватки Анта.

— Деймон, о Боже мой, — выдыхает она. От звука ее голоса у меня мурашки бегут по коже.

Мои пальцы сжимаются, тяжесть пистолета, заткнутого за пояс, становится все более и более очевидной.

— Отпусти ее, — рычу я, не сводя глаз с головы Анта. Мои брови приподнимаются, когда я замечаю, что по его щекам стекает маленькая струйка крови, а он продолжает смотреть на нее сверху вниз, как будто она была создана для него.

Она, черт возьми, такой не была.

Когда он не двигается, моя рука начинает жить своей собственной жизнью, и через несколько секунд мой пистолет снова направлен ему в голову.

— Демон, — предупреждает Калли. — Не надо.

— Тогда ему нужно дать задний ход, черт возьми, — рывкаю я, направляя пистолет в ту сторону, куда я хочу, чтобы он пошел.

В ту секунду, когда он отпускает ее, Калли прыгает перед ним, защищая его.

— Положи это, — требует она.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? — шиплю я. — Ты защищаешь его?

Она смотрит на меня с недоверием.

— Опустит пистолет, Деймон, — рычит она, ее сердитый взгляд удерживает мой, требуя, чтобы я выполнял приказы.

Через пару секунд и молчаливую угрозу смерти в адрес Анта я, наконец, опускаю его. Но я не убираю его, предпочитая держать при себе на всякий случай.

Возможно, он был на нашей стороне, когда пришел ко мне за помощью с этим, и я мог бы доверять ему в ее безопасности, но я, блядь, не доверяю его намерениям сверх этого.

Он хочет ее. Мне не нужно было видеть, как он прижимает ее к стене, чтобы убедиться

в этом. Образ его между ее ног в его комнате пару недель назад никогда не покидал меня.

Наконец, она отходит от Анта и сокращает пространство между нами.

Все мое тело болит, когда ее запах наполняет мой нос.

Она смотрит на меня темными и усталыми глазами. У нее бледная кожа и растрепанные волосы.

Она выглядит чертовски красиво.

Мои пальцы сжимаются, когда я борюсь со своим желанием дотянуться до нее.

Мое сердце колотится, когда я жду того, что она собирается сделать.

На секунду я теряюсь в догадках. Совершенно, блядь, не понимаю, где у нее голова от всего этого. Но затем ее рука дергается, и я точно знаю, что за этим последует.

От ее пощечины у меня перехватывает дыхание, но я никак не реагирую на это.

— Ты гребаный засранец, — усмехается она, отдергивая руку, когда я пытаюсь поднести ее к своему лицу.

— Я не буду извиняться за то, что защищал тебя, Ангел.

— Ты серьезно, не так ли?

Я пожимаю плечами, поддерживая решение, которое мы с Антом приняли, чтобы наше похищение выглядело реалистично.

Если Мариано охотились за ней, если они видели нас, тогда нам нужно было, чтобы они поверили, что мы на их стороне. Если бы они знали, что мы схватили ее, чтобы увести в безопасное место, тогда они жаждали бы крови.

В основном крови Анта.

— Я хочу домой, — требует она, все еще стоя передо мной.

— Этого не произойдет. У нас здесь есть все, что тебе может понадобиться.

— Здесь? Где это «здесь»?

— Это не имеет значения. Это безопасно. Здесь тебя никто не тронет.

— Никто? — спрашивает она, наклоняя голову набок. — Потому что мне кажется, что Ант уже это сделал.

— Осторожнее, красавица. Я уже позволил тебе повеселиться с Антом, с Алексом. Моего терпения хватает только на это, — рычу я, сокращая расстояние между нами.

Глаза Анта впелись в мою макушку, ревность подняла свою уродливую голову внутри него. Но к черту это.

Он должен знать, что она мне небезразлична. И, черт возьми, он и так уже хранит достаточно наших секретов прямо сейчас. Что значит еще один?

Она ахает, и Ант делает шаг вперед, когда мои пальцы сжимаются вокруг ее горла.

— Я прошу прощения, если мы были слишком грубы с тобой, Ангел. Если мы напугали тебя. Но что-то подсказывает мне, что ты бы не поехала добровольно, если бы мы подъехали на фургоне и сказали тебе садиться на заднее сиденье.

Она нервно сглатывает, ее пульс бьется под моими пальцами.

Мне не нужны ее слова. Я могу прочитать ее ответ в глубине ее глаз.

— Убирайся, — выдыхает она.

— Ант—

— Нет, — кричит она, толкая меня в грудь, заставляя отступить. — Ты не можешь этого делать, Николас, — насмехается она. — Ты не можешь прятаться от меня, контролировать меня. Отнимать у меня мои решения, даже если это из-за твоей гребаной потребности защитить меня.

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, но я быстро понимаю, что у меня нет ответа, который она даже подумала бы принять прямо сейчас.

— Давай, чувак. Давай дадим ей немного пространства, — говорит Ант, вставая на ее сторону и направляясь к двери.

— Ты ничего не ела. Тебе нужна еда.

— Я буду жить, — усмехается она, делая массивный шаг назад, заставляя меня опустить руку и убрать свое прикосновение от нее.

От нее исходит ненависть. И хотя я мог бы презирать то, что она направлена на меня. Я все еще отказываюсь отступать.

Быть здесь, когда она не знает, где находится на самом деле, — это правильное решение прямо сейчас.

— Я знаю, ты не понимаешь, — шепчу я. — Но все, что я делаю, — это чтобы защитить тебя.

— Ты прав, — шипит она. — Я не понимаю. И знаешь почему? Потому что никто не доверяет мне правду. Никто не думает, что я смогу с этим справиться.

— Нет, это не—

— Это то, о чем ты думал, когда покрывал меня своей кровью в моем душе? — У Анта перехватывает дыхание позади меня от ее слов, но пошел он. Мне было бы насрать, если бы она заставляла его слушать все, что мы делали вместе. Это просто поможет доказать ему, кому она принадлежит. — Ты сделал это, потому что думаешь, что я слабая?

— Нет, я не думаю—

— Тогда скажи мне гребаную правду, Деймон. Обо всем. Это чушь собачья.

Что-то на полу привлекает ее внимание. Она наклоняется, чтобы подхватить это, прежде чем что-то сталкивается со стеной прямо рядом с моей головой.

Я опускаю взгляд, когда камень с мягким стуком падает на ковер.

— Убирайся нахуй от меня. Меня не интересуют слова, которые слетают с твоих губ, пока это не правда.

— Я никогда не лгал тебе, Ангел.

— Ты лжешь всем каждый чертов день своей жизни, Николас Деймос.

Она поворачивается ко мне спиной, обрывая нашу связь.

— Пойдем. Мы оставим твои вещи у двери, Калли. Мы будем на кухне, если ты проголодаешься.

— Тебе следует уйти, Ант. Находиться здесь опасно. Если кто-нибудь найдет—

— Я знаю, что делаю, Калли. И Деймон прав. Твоя безопасность здесь важнее всего.

— Если бы это было правдой, ты бы не проводил со мной время. Ты так же хорошо, как и я, знал, какой опасности мы себя подвергаем.

— То, что происходит, не имеет к нам никакого отношения.

Рычание вырывается из моего горла при его словах.

— Но, если бы не мы, ты, возможно, сейчас не так приятно проводила бы время.

— Приятно? — выплевывает она, разворачиваясь обратно и бросая на него убийственный взгляд. — Ты думаешь, что быть накачанной наркотиками — снова, — она пронзает меня взглядом, — брошенной в фургон и привезенной сюда против моей воли — это мое представление о приятном времяпрепровождении?

— Могло быть хуже, уверяю тебя.

— Неважно, — усмехается она, снова отворачиваясь от нас.

— Ангел? — вздыхаю я, когда Ант ускользает, как она и просила.

— Мне это не интересно. Просто оставь меня в покое.

3

КАЛЛИ

Он стоит позади меня, пристально глядя на меня, безмолвно умоляя меня повернуться к нему в течение самого долгого времени.

Но потребуется нечто большее, чем магнетическое притяжение, которое всегда между нами, чтобы заставить меня сдаться на этот раз.

Он зашел слишком далеко.

В основном я была за то, чтобы прыгнуть с ним в сумасшедшую поездку. Но это...

Это чертовски безумно.

Я в опасности. Это вполне может быть правдой.

Итальянцы преследуют меня в отместку. В это не так уж трудно поверить.

Но он мог бы поговорить со мной. Он мог бы загнать меня в угол в том переулке и объяснить.

Если бы он сделал это достаточно хорошо, я, возможно, даже согласилась бы, чтобы меня бросили в кузов фургона.

Ему не нужна была театральность, чтобы уберечь меня.

Если бы он сделал то, чего я жаждала от него в течение нескольких дней — черт возьми, месяцев — и просто поговорил со мной, открылся, сказал мне правду... тогда я была бы, как пластилин в его руках.

Но нет.

Ему пришлось изобразить сумасшедшего дьявола на моей заднице.

Но в конце концов, он должен понять, что у меня есть черта упрямства, которая может соперничать с его, и он отступает, не сказав больше ни слова.

Как только я уверена, что он ушел, я оборачиваюсь, обнаруживая сумку, которую он оставил для меня, на полу у двери.

Мое тело болит при движении, усталость и затяжные последствия того, чем он меня накачал, делают мои движения вялыми.

Потянув за молнию, я заглядываю внутрь, понятия не имея, чего ожидать.

То, что я нахожу, заставляет меня в шоке упасть на задницу.

Прости, Ангел.

Мне нужно, чтобы ты доверяла мне, потому что мир без тебя в нем не стоит того, чтобы в нем жить.

Весь воздух вырывается из моих легких при его словах. Слезы наполняют мои глаза, и комок, такой огромный, что я с трудом сдерживаю дыхание, поднимается к моему горлу.

Залезая в сумку, я достаю его записку — разумеется, вместе с летучей мышью-оригами — и свой iPad, пытаюсь сдержать свои эмоции.

Я терплю неудачу, главным образом потому, что в ту секунду, когда мой взгляд снова падает на его беспорядочные каракули, из моего горла вырывается отвратительный всхлип.

Замешательство, разочарование и предательство — все это война внутри меня. Но больше всего меня разрушает моя потребность в нем. То, как сильно я хочу распахнуть эту дверь и зарыться в его объятиях, заставляет меня рыдать, как ребенка.

Я не должна была так сильно нуждаться в нем. Я не должна была хотеть его после всего,

что он сделал. Но этот сломленный, испуганный мальчик зацепился за что-то глубоко внутри меня, и я не могу его отпустить.

Все еще сжимая записку в руке, я снова заползаю на кровать и просто даю волю слезам, которые все еще требуют пролиться.

Я делаю шаг вперед, и Деймон немедленно делает шаг назад. Как будто он боится меня, все время пытаюсь убедиться, что я боюсь его.

У меня от этого кружится голова. Но сколько бы раз я ни пыталась разобраться в этом мальчике, мне это никогда не удастся. Он слишком запутанный. Слишком... отличается от других.

Подарите моему брату, моему двоюродному брату игровой контроллер или футбольный мяч, и они будут счастливы часами.

Но, кажется, ничто не делает Деймона счастливым. На самом деле, все, кажется, делает его грустным.

Ему грустно в школе, дома, когда он играет с моим братом.

Я не знаю почему, но я хочу видеть его улыбку.

Он такой милый, когда делает это. От этого его глаза загораются, как будто они сделаны из серебра, и у него появляются две ямочки, которые обычно скрывает его хмурый вид.

— Тебе нужно уйти, — говорит он, его голос тише, слабее, чем я привыкла, и я ненавижу, что его отец имеет власть так поступать с ним. Лишить его уверенности в себе и заставить сбежать.

Ну и что, что он провалил тест?

Это случается со всеми нами время от времени.

И это не значит, что у мальчиков в нашей семье нет других дел. Наши отцы всегда заняты своими делами. Заставляя их тренироваться, что бы это ни значило.

Я исключена из всего этого. Не то чтобы это меня слишком беспокоило. Из того, что я слышал, это звучит не очень весело. По крайней мере, они есть друг у друга. Я всегда одна.

Девочки в школе не хотят быть моими друзьями. Не совсем. Они хотят дружить с ними. И как только они сближаются с ними, они забывают о моем существовании.

Это нормально. Не то чтобы я тоже хотела с ними дружить. Все, что их волнует, — это одежда и то, как они выглядят.

Я хочу настоящего друга. Того, кто поймет меня.

Кто-то вроде Деймона.

— Позволь мне помочь, — говорю я, делая еще один шаг к нему.

— Мне не нужна никакая помощь, — усмехается он, отворачиваясь от меня. Прячется от меня.

— Какой тест ты провалил? Я могу помочь тебе учиться.

— Это ничего не значит. Просто дурацкий тест.

— Тогда ты пройдешь это в следующий раз, верно? Давай просто убедимся, что ты справишься. Докажи, что он неправ.

Это занимает пару секунд, но в конце концов его глаза находят мои.

Его слезы прекратились, но они все еще липнут к ресницам.

— Я проверю тебя, и мы сможем попрактиковаться, — говорю я ему, более чем готовая спорить, если он даже подумает не согласиться.

Я как раз собираюсь попробовать еще раз, когда он кивает.

— Я схожу за бумагой, — говорю я ему. — И завтра ты сдашь этот тест.

Легкая улыбка подергивается на его губах.

— Никуда не уходи, — говорю я ему, возвращаясь к выходу.

Он качает головой. — Я буду ждать тебя. — Я уже у двери, когда он заговаривает снова. — Столько, сколько потребуется.

Вздвогнув, я просыпаюсь, мои пальцы сжимают бумагу, которая все еще у меня в руке.

Моргнув, я обнаруживаю, что солнечный свет проникает сквозь все еще открытые шторы, но я все еще в том же доме, где бы он ни находился.

Перекаtywаясь на спину, я смотрю в потолок и сосредотачиваюсь на том, чтобы дышать ровно.

У меня так много вопросов, так много мыслей и страхов проносится в моей голове. Но я не уверена, что у меня хватит смелости озвучить их все.

У меня такое чувство, что правда будет еще более ужасающей, чем все, что сейчас крутится у меня в голове.

Движение за моей дверью заставляет меня подпрыгнуть, но этого недостаточно, чтобы заставить меня двигаться.

Шум океана снаружи дразнит меня, и я не могу не пожелать, чтобы я могла распахнуть дверь и по-настоящему насладиться этим, просто притвориться, что я в отпуске и могу по-настоящему расслабиться и получать удовольствие.

Закрыв глаза, я даю волю своему воображению и позволяю себе думать о том, что мы здесь просто вдвоем. Только я и Деймон, или, скорее, Николас. Я хочу мальчика под маской, а не солдата, который скрывает под ней невероятную личность.

Но возможно ли это вообще? Неужели он так долго прятал этого мальчика, что он навсегда останется похороненным, просто дразня меня проблесками того, что могло бы быть?

Я тяжело вздыхаю, думая о тех частях вчерашнего дня, которые я помню.

Было ли то, что они сделали, действительно необходимым?

Заблуждаются они или нет, я им доверяю. Им обоим.

И, несмотря на мой гнев, в глубине души я знаю, что они сделали то, что сделали, не просто так.

Я просто хотела бы, чтобы они этого не делали.

Я бы хотела, чтобы они почувствовали, что могли поговорить со мной, объяснить, а не просто действовать импульсивно и прибегать к жестокости, к которой они обычно вынуждены прибегать.

Но поверила бы ты им? Последовала бы ты приказам и восприняла бы их слова всерьез?

В конце концов, моя потребность в туалете заставляет меня скатиться с кровати и направиться в ванную.

Несмотря на то, что я видела его накануне, мои глаза все еще расширяются от огромных размеров комнаты.

Куда бы они ни решили меня привести, там не так уж мало роскоши.

Мой взгляд задерживается на ванне, пытаюсь представить, как мог бы выглядеть Деймон, когда его руки покоятся на бортах, а кожа покрыта пузырьками.

Это образ, который я, возможно, никогда не увижу в реальности. Во всяком случае, пока

он продолжает скрываться от меня.

подавляя свою печаль, я продолжаю двигаться вперед. Здесь это мне не поможет. Я должна сосредоточиться на своем гневе и моей потребности в ответах.

Шок пронизывает меня, когда я подхожу к раковине и нахожу то, что выглядит как новенькая розовая зубная щетка и тюбик зубной пасты, ожидающие меня.

Развернувшись, я заглядываю в душ, мои глаза расширяются, когда я нахожу свои обычные бутылочки с шампунем, ожидающие меня.

Они планировали это?

Из того, что они сказали вчера, я предположила, что все это было спонтанным похищением. Но...

Нет.

Я отказываюсь верить, что Деймон и Ант могли вступить в сговор и придумать это.

Какого черта им вообще работать вместе, если угроза, о которой они говорили вчера, не была правдой?

Они бы не стали.

Тот факт, что они оба находятся в одном доме и не убили друг друга, является чем-то вроде чуда.

В ту секунду, когда на меня льется горячая вода из душа, смывая с моей кожи вонь того фургона, я начинаю чувствовать себя немного сильнее. Как будто я могла бы просто выйти туда и стоять на своем.

Мне нужны ответы.

Я заслуживаю ответов.

Я покончила с теми днями, когда я позволяла всем приукрашивать все и рассказывать мне смягченные версии правды, просто чтобы защитить меня.

Я больше не довольна тем, что живу на периферии своей жизни.

Я Каллиста Чирилло, и у меня такое же право, как и у всех остальных членов моей семьи, знать, что происходит вокруг меня. Даже если сейчас темно. Даже если это темно. Даже если это жестоко, ужасающе.

Порывшись в сумке, которую Деймон собрал для меня, я надеваю наряд, который, надеюсь, придаст мне смелости, сушу волосы феном, пока они не станут идеальными, и трачу чрезмерно много времени на макияж.

Если я собираюсь сразиться с этими двумя помешанными на контроле, то мне нужно выглядеть наилучшим образом и чувствовать себя наилучшим образом, несмотря на боль в теле от моего не слишком желательного путешествия сюда или помутнения рассудка.

Еще раз приглаживая волосы, я направляюсь к двери.

Я проклинаю себя, когда моя рука дрожит, когда я протягиваю ее.

Ты сильнее этого, Каллиста.

Ты лучше их.

Я с размаху открываю дверь и вылетаю, готовая выступить против них и потребовать ответов на некоторые вопросы.

Но я не успеваю далеко уйти, как моя нога зацепляется за что-то, и мое сердце подскакивает к горлу, поскольку моя верхняя половина продолжает двигаться, а ноги — нет.

— Что за—

— Черт, — рывкает глубокий голос, когда я начинаю свой душераздирающий спуск к тому, что выглядит как массивный дубовый пол.

За мгновение до того, как я падаю на пол, подо мной происходит движение. Руки обвиваются вокруг моей талии, и я оказываюсь пойманной, подвешенной в нескольких дюймах от того, что неизбежно должно было стать сломанным носом.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — Я срываюсь в ту же секунду, как меня ставят на ноги, и обнаруживаю, что смотрю в пару усталых темно-серых глаз.

В них мелькает боль. Но это происходит так быстро, что я начинаю задаваться вопросом, не воображаю ли я это, когда его маска встает на место.

— Ты сидел за дверью моей комнаты, как какой-то подонок? — усмехаюсь я, мое сердце едва замедляет свой бешеный ритм теперь, когда я снова лицом к лицу с ним.

Я надеялась, что у меня, возможно, было еще несколько минут, по крайней мере, до того, как мне пришлось бы столкнуться с ним — с ними. Что я могла бы даже подкрасться к ним незаметно, подслушать несколько вещей, которые могли бы оказаться полезными.

Я не ожидала этого.

— Просто оберегаю тебя, Ангел.

— Чушь собачья, — выплевываю я. — Если бы это было так, ты бы просто вошел и приковал меня наручниками к кровати.

Огонь вспыхивает в его глазах, когда я произношу эти слова, и я не могу сдержать напряжение нижних мышц от образа, который всплывает в моей голове.

— Я пытаюсь дать тебе то, о чем ты просила, — признается он.

— Правда? Буду честна с тобой, Ди, — говорю я, присваивая ему прозвище Алекса, — ты действительно дерьмово справляешься с этим.

— Я защищаю тебя, — рычит он, сокращая расстояние между нами.

Его слова обрушились на меня, как тонна кирпичей. Я не забыла причину, по которой проснулась здесь. Ни капельки. Но услышать, как он произносит эти слова, было проверкой реальности, в которой я на самом деле не нуждалась.

— Мне понадобится нечто большее, чем это, дьявольский мальчик.

Развернувшись, я пытаюсь уйти от него, но неудивительно, что у меня ничего из этого не получается.

Его пальцы обхватывают мое запястье за секунду до того, как меня оттаскивают назад и прижимают к стене.

Весь воздух вырывается из моих легких, когда он хватает меня за челюсть своей неумолимой хваткой.

— Ты не можешь поворачиваться ко мне спиной, Ангел. Так это не работает.

Его губы обрушиваются на мои, вся длина его тела прижимается ко мне.

Мне требуется весь мой самоконтроль, чтобы не поцеловать его в ответ.

Но когда его губы касаются моих, я остаюсь неподвижной, в то время как мое сердце колотится в груди.

— Ангел, — стонет он, прежде чем втянуть мою нижнюю губу в свой рот и прикусить ее, чтобы заставить меня отреагировать.

Звук кофеварки в коридоре достигает моих ушей, прежде чем аромат свежих зерен наполняет мой нос.

К моему удивлению, он отпускает мое запястье, и мне удается прижаться к его груди.

Он позволяет мне оттолкнуть его и отрывает свои губы от моих.

Мгновенно я чувствую его потерю, но я захлопываю дверь перед всеми этими чувствами и отталкиваюсь от стены, не сводя с него глаз все это время.

— Для этого потребуется нечто большее, чем поцелуй, Деймон. Ты хочешь, чтобы я поддержала этот дурацкий план, тогда ты знаешь, что тебе нужно делать.

Поворачиваясь к нему спиной, я иду на запах, пока не нахожу кухню и Анта, стоящего у кофеварки.

Когда я врываюсь, он делает двойной дубль, его глаза сразу же опускаются вниз по моему телу.

Я кладу руки на бедра, мое раздражение из-за них обоих достигло небывало высокого уровня.

Шаги приближаются позади меня, когда я выгибаю бровь, глядя на Анта.

— Милая... э-э... — он заикается, когда Деймон подходит ко мне сзади. — Толстовка, — наконец заканчивает он.

— Спасибо. Я сделала это сама, — усмехаюсь я. — Кофе, пожалуйста. Покрепче.

Выдвинув стул, я плюхаюсь в него с нулевой грацией или осторожностью. Скрестив руки на груди, я смотрю на стену, в то время как они оба стоят в противоположных концах кухни, выглядя совершенно не в своей тарелке.

Если бы ситуация не была такой ужасной, это было бы весело.

Наконец, Деймон, прочищающий горло, привлекает мое внимание к нему.

— Он прав. Хорошая толстовка.

Я опускаю взгляд на текст, написанный над моей грудью, и ухмыляюсь.

Не обычная принцесса.

Я делала дизайн для Стеллы и Эмми, но, похоже, прямо сейчас она подходит к ситуации.

Я сердито смотрю на него, когда включается кофемашина.

Между нами тремя повисает тишина, воздух потрескивает от напряжения, пока мы все сдерживаем то, что отчаянно хотим сказать.

Через пару минут Ант подает мне идеальный капучино, который заставил бы устыдиться любого баристу.

— Голодна? — спрашивает он.

— Как ты думаешь? Ты схватил меня, когда я покупала закуски. Кстати, где они? — спрашиваю я, не желая отдавать свою шоколадную записку.

— Я принесу, — говорит Деймон, проходя вглубь кухни.

— Ты беспокоился, что я не умею готовить, Деймос? — фыркает Ант.

— Мне похуй, если ты можешь танцевать чечетку во время этого. Калли моя, и я намерен обеспечить за ней надлежащий уход.

— Ты решил это до или после того, как ввел мне то, чем вчера напичкал мои вены? — шиплю я.

— Все, о чем я забочусь, это о твоей безопасности, — говорит он так серьезно, что у меня начинает болеть грудь. Однако это не значит, что я собираюсь сдать.

— Мне нужно поговорить с моим отцом о твоем доступе к наркотикам. Ты чертовски смертоносен.

— Только когда это необходимо.

Не имея никаких разумных слов, чтобы сказать в ответ, я просто раздраженно скидываю руки.

— Знает ли мой отец о чем-нибудь из этого, или ты оставил его, их всех, дома, до чертиков напуганными?

— Тебе не о чем беспокоиться, Ангел.

— Как обнадеживает, — бормочу я, пока он достает бекон и яйца из холодильника.

— Доверься нам, Калли, — призывает Ант.

Деймон дважды хлопает его по плечу.

— Доверься мне, — умоляет он.

— Я могла бы, если бы ты просто поговорил со мной. Я предполагаю, что мой отец знал, что что-то происходит, поэтому он вышел из себя, когда я сказала, что иду в магазин?

— Некоторое время мы были в состоянии повышенной готовности, внимательно следя за всеми вами. Но вчера ко мне пришел Ант с новой информацией, — признается Деймон. Он говорит это сквозь стиснутые зубы, но я все равно считаю это победой.

— Я подслушал, как мой дядя говорил об их планах. Они хотят тебя в отместку за людей, которых недавно убила твоя семья.

— Отлично. — Я замолкаю, мои мысли проносятся в голове со скоростью миллион миль в час. Деймон хватает сковородку, а Ант молча наблюдает, прислонившись спиной к стойке и потягивая кофе.

Они оба выглядят измученными, и мне интересно, выпался ли кто-нибудь из них прошлой ночью. Очевидно, что для Деймона это обычное дело, но я не думаю, чтобы у Анта раньше были проблемы.

Чувство вины терзает меня изнутри, что они оба уничтожены из-за меня, чувствуя необходимость защищать меня вот так.

Я люблю это и ненавижу в равной степени.

4

ДЕЙМОН

Я сосредотачиваюсь на сковороде передо мной и позволяю себе утонуть в аромате жарящегося бекона, когда Ант подходит ближе к Калли и опускается на стул рядом с ней.

Долгое время ничего не говорится, и я могу спокойно дышать.

Но затем глубокий рокот его голоса разносится по воздуху, и каждый мускул в моем теле напрягается.

Оглядываясь, я вижу, что он наклоняется к ней, изучая ее, как будто она принадлежит ему, когда он говорит.

Его голос слишком тих, чтобы расслышать, что он говорит, но это не имеет значения. Язык его тела говорит сам за себя, и это как гребаный нож в грудь.

Пока я наблюдаю за ними, я забываю о беконе. Их фамильярность, непринужденность, с которой они разговаривают и реагируют друг на друга.

Ревность вскипает во мне до такой степени, что я едва могу ее сдерживать.

Мои пальцы до боли тянутся к пистолету за поясом, чтобы положить конец тому, как он смотрит на нее, как будто она для него все.

Но это не так.

Она моя.

Я не понимаю, что рычание, которое разрывает воздух, принадлежит мне, пока они оба не поворачиваются, чтобы посмотреть на меня.

Выражение лица Калли ожесточается от гнева, в то время как Ант просто качает головой, как будто его забавляет моя реакция.

Наклоняясь ближе, он что-то шепчет на ухо Калли.

Мои кулаки сжимаются, когда он насмехается надо мной, и я продвигаюсь вперед, сокращая пространство между нами всеми и более чем готов оттащить его от моей девочки, если он перейдет черту.

Его глаза встречаются с моими, в них танцует веселье, которое меня в равной степени впечатляет и чертовски унижает.

Потребность окрасить эту комнату в красный цвет его кровью прожигает меня насквозь. Его это никоим образом не должно забавлять. Большинство пришло бы в ужас, если бы у них не было другого выбора, кроме как смотреть мне в глаза, когда я чувствую себя совершенно не в своей тарелке, но, похоже, у Муравья просто яйца побольше, чем я о нем думал.

Я имею в виду, он месяцами встречался с нашей принцессой за нашими спинами, так что очевидно, что в нем что-то есть.

Возможно, просто глупость.

Думаю, только время покажет.

— Разве тебе не нужно отвалить? — лаю я.

— Деймон, не... — начинает Калли, но ее вскоре прерывают.

— Ты, блядь, знаешь, что да, — рычит Ант в ответ. — Не мог бы ты уделить нам минутку?

Одна из моих бровей приподнимается, поскольку я остаюсь именно там, где я есть.

— Что бы ты ни хотел сказать, ты можешь сказать это при мне.

Калли вскакивает со стула, свирепо глядя на меня. — Ты ведешь себя—

— Все в порядке, — спокойно говорит Ант, стоя рядом с ней. — Ему позволено волноваться и становиться собственником, когда он видит тебя со мной.

— Черт возьми, так и есть, — шиплю я.

Калли хмуро переводит взгляд с одного на другого.

— Хотите, я принесу рулетку, чтобы вы оба могли измерить свои члены, или вы просто хотите обоссать меня, как властные придурки, которыми вы и являетесь?

— В этом нет необходимости, — спокойно говорит Ант.

— Чертовски верно, что это не так, — соглашаюсь я. — И в любом случае, мы оба знаем, что я бы победил. В конце концов, тебе, кажется, очень нравится размер моего члена.

У Калли вырывается рычание, когда глаза Анта расширяются от шока. Это первый раз, когда я признаю вслух, что я больше, чем солдат, защищающий свою принцессу. Не то чтобы я хоть на секунду подумал, что Ант этого не понял.

В конце концов, именно по этой причине он пришел ко мне вчера с этой информацией. Что ж, никто бы другой не поверил бы ему и, возможно, вышибли бы ему мозги в ту же секунду, как он приблизился.

— Деймон, — рычит Калли.

Игнорируя меня, Ант обращает свое внимание на девушку, дрожащую от гнева перед ним.

— Возьми это, — говорит он, вытаскивая что-то из кармана и передавая ей. — Единственный сохраненный номер — это мой. Если тебе что-нибудь нужно, нужно сбежать от этого психа, тогда...

— Ей это не понадобится, — говорю я, выхватывая его у них двоих и засовывая в карман.

Калли сердито смотрит на меня, но не говорит ни слова.

— Тебе обязательно идти? — спрашивает она, ее голос дрожит от эмоций, прежде чем

она снова поднимает на него взгляд.

Еще больше осколков вырывается из моего сердца, когда я наблюдаю, как смягчается выражение ее лица, когда она смотрит на него.

— Да. Они скоро заметят, что я ушел, если еще не заметили.

— Что произойдет, если они узнают, что ты сделал?

— Тебе не нужно, чтобы я отвечал на этот вопрос, солнышко, — шепчет он.

Рыдание подступает к ее горлу.

— Останься. Мы защитим тебя. Мы будем—

— Я не могу. Я сделал то, что должен был сделать. Ты в безопасности.

Она кивает. — С-спасибо.

— Всегда. Я знал, что у нас никогда не было будущего, но было забавно притворяться, да? — спрашивает он, его рука скользит по ее шее.

Наблюдая, как он прикасается к ней, я испытываю прилив ярости. Мне требуется все, что у меня есть, чтобы оставаться на месте и не отрывать его от ее тела.

— Мне так жаль, — слабо шепчет Калли.

— Мне тоже. В другой жизни ты могла бы быть такой для меня.

Запустив пальцы в ее волосы, он прижимается губами к ее лбу, когда она плачет.

Они долго стоят в тишине, совершенно неподвижные.

— Пожалуйста, — умоляет Калли, когда он наконец отпускает ее. — Будь в безопасности.

Он улыбается ей, слезы, бегущие по ее щекам, разбивают его сердце точно так же, как, я уверен, они разбивают мое.

Его глаза быстро стреляют в меня, прежде чем он поворачивается обратно.

— Задай ему жару, да? Он этого заслуживает.

У Калли вырывается грустный смех, прежде чем он проносится через весь дом.

Я делаю шаг, чтобы последовать за ним, чтобы оставить за собой последнее слово, но воздух разрывает страдальческий крик Калли, и я быстро поворачиваюсь в ее сторону.

Часть меня ожидает, что она оттолкнет меня, когда я обниму ее, но она этого не делает. Вместо этого она прижимается ко мне всем телом и рыдает у меня на груди.

Боль пронзает мое сердце, когда ее крики эхом разносятся по кухне еще долго после того, как Ант захлопывает за собой входную дверь.

Моя хватка на ней не ослабевает, когда ее слезы пропитывают мою рубашку.

— Шшш, Ангел, все в порядке.

Ее пальцы сжимают мою рубашку, прижимая меня к себе, как будто она боится, что я тоже собираюсь уйти, прежде чем она поднимет взгляд.

У меня перехватывает дыхание от боли, которая написана на ее лице из-за того, что она снова потеряла его.

Чем дальше она смотрит на меня, тем сильнее бьется мое сердце при мысли о том, что она хочет его, а не меня.

Я ненавижу это. Я ненавижу, что мои мысли зациклены на этом, но это укоренилось во мне всю мою чертову жизнь.

Я на втором месте.

Всегда.

— Это никогда не могло быть—

Мои слова обрываются, когда она приподнимается на цыпочки и прижимается своими

губами к моим.

Облегчение наполняет мои вены, когда она целует меня, ее пальцы отпускают мою рубашку, чтобы скользнуть под нее и провести ногтями по моему прессу.

— Ангел, — стону я в ее поцелуй.

— Забери меня, — умоляет она. — Сделай так, чтобы все это ушло.

— Черт, — ворчу я в ее поцелуй, когда она засовывает руку мне за пояс в поисках моего члена. — Мне нравится, когда ты плохая.

— Демон, — стонет она, когда я поднимаю ее с пола и кладу на стол передо мной.

Аромат бекона, начинающего подгорать на плите, даже не ощущается, когда я целую ее в шею.

Всего за несколько секунд я засовываю ее трусики в карман и широко раздвигаю ее перед собой.

Еще раз захватывая ее губы, я провожу пальцами между ее складочек, громкий, отчаянный стон вырывается глубоко из моего горла, когда я обнаруживаю, что она вся мокрая для меня.

— Черт. Я зависим от тебя, Ангел.

— Пожалуйста, — хнычет она, когда я поддразниваю ее вход. — Пожалуйста, просто... да, — плачет она, когда я толкаю в нее два пальца.

Ее мышцы сжимаются вокруг моих пальцев, заставляя мой член дергаться от возбуждения, точно зная, каково это, когда тебя засасывает глубоко внутрь ее тела.

Ее спина выгибается над столом, и она сжимает бока, когда я вожу пальцами внутри нее так, как, я знаю, ей нравится.

— Ты так чертовски красива, Ангел. Ты ставишь меня на гребаные колени.

— Колени. Да. Я хочу твой рот, — умоляет она.

Отрывая от нее взгляд, я смотрю между ее ног, наблюдая, как мои пальцы исчезают внутри нее.

Не в силах ни в чем ей отказать, я опускаюсь на колени и прижимаюсь языком к ее клитору.

— Николас, — кричит она, двигая бедрами в попытке трахнуть меня в лицо.

Мой член болит за пределами моих брюк, отчаянно желая освободиться, войти в нее, заявить на нее права, пометить ее.

Ее пальцы запутались в моих волосах, крепко прижимая меня к себе, в то время как ее стоны и мольбы о большем становятся все громче и громче.

Стол качается под нами, когда она корчится, одна из кружек, которая стояла на нем, падает на пол. Но если она и слышит это, то никак не реагирует. Она слишком увлечена гонкой до конца, чтобы осознавать, что еще происходит вокруг нее.

— Кончай для меня, Ангел, — требую я, мой глубокий голос вибрирует в ней.

— Да, да, — кричит она, ее хватка на моих волосах крепче, пока я не уверен, что она собирается вырвать их, но я не останавливаю ее. Я не могу. Мне, блядь, это нужно так же сильно, как и ей.

Всего через две секунды ее тело, наконец, содрогается, когда она выкрикивает мое имя.

Моя грудь раздувается, когда я слышу это, напоминая мне, что она все еще здесь. То, как он уходил, могло сломить ее, но она не погналась за ним. Она пришла ко мне. Она искала поддержки и утешения во мне.

Она хочет меня.

— Черт, — выдыхает она, наконец, отпуская меня и приподнимаясь на локтях.

Подняв ногу, она прижимает ее к моей груди и не оставляет мне выбора, кроме как отступить.

В ту секунду, когда я отпускаю ее, она соскальзывает с края стола и встает, глядя на меня, стоящего перед ней на коленях.

— Для этого потребуется нечто большее, чем пара умопомрачительных оргазмов. Но все равно спасибо, — холодно говорит она, прежде чем повернуться ко мне спиной, схватить яблоко со стойки и исчезнуть в коридоре.

Звук захлопывающейся двери ее спальни сотрясает меня, когда все мое тело обмякает от поражения.

5

КАЛЛИ

Я падаю на кровать и перестаю бороться с болью, которая хочет выплеснуться из меня.

С самого начала мы с Антом знали, что у нас ничего не получится. Ни один из нас не настолько глуп, чтобы верить, что произойдет чудо. Но в то же время мы оба были счастливы наслаждаться тем, что у нас было, и стараться не слишком беспокоиться о том, что произойдет дальше.

Но смотреть, как он уходит в этот момент... Знать, что он возвращается к своему дяде, остальным членам своей семьи, когда они могут знать или даже подозревать, что он сделал... Это разрушило меня.

Я не хочу, чтобы он пострадал из-за меня. Потому что он пытался быть хорошим другом, пытался защитить меня.

Я понятия не имею, как долго я лежу там с подушкой, пропитанной моими слезами, когда его шаги становятся громче за моей дверью.

Меня охватывает чувство вины за то, что я ушла от него, как сделала это. Но он причинил мне боль, солгал мне, черт возьми, похитил меня. И теперь я застряла здесь — где бы это ни было, черт возьми. И я понятия не имею, что происходит, кроме того факта, что все, кого я люблю, в настоящее время могут быть в беде. Или еще хуже.

Он долго медлит за дверью. Я начинаю думать, что он снова сядет там на пол и просто будет ждать.

Но еще через несколько минут звук открывающейся двери достигает моих ушей, прежде чем он впускает себя.

Я держу глаза закрытыми, а дыхание ровным, слишком заинтригованная, чтобы увидеть, что он собирается делать, пока я сплю, чтобы открыть глаза.

Я также знаю, что, если я это сделаю, это закончится ссорой, на которую у меня действительно нет сил.

Яблоко, которое я взяла по пути к выходу, в настоящее время лежит на прикроватном столике, и у меня болит живот, он такой пустой. Но мое упрямство мешает мне получить то, что мне нужно.

Ну, во всяком случае, ради еды. Очевидно, моя внутренняя шлюха не прислушивается к моей упрямой стороне, потому что она широко раздвинула ноги, чтобы получить то, что ей было нужно.

Я месяцами сидела сложа руки и наблюдала, как мои друзья сходят с ума из-за парней и секса, и я этого не понимала.

Теперь я понимаю.

Теперь я полностью понимаю значение слов «опьянена членом» и то, насколько они могут быть чертовски волшебными.

Его громкий вздох прорезает воздух, когда он нависает надо мной.

Я погружаюсь во тьму, когда он выходит перед потоком солнечного света, который согревал меня через французские двери.

Мои пальцы дергаются, чтобы дотянуться до него, утащить его за собой и выяснить, что происходит.

Но я сдерживаю себя, желая посмотреть, даст ли он мне что-нибудь добровольно.

— Я ненавижу видеть тебя грустной, — шепчет он, его пальцы нежно касаются моей щеки, и я поражаю себя отсутствием реакции. — Я ненавижу, что тебе больно. И я хотел бы, чтобы меня было достаточно, чтобы все стало лучше.

Мое сердце разрывается из-за него, но я остаюсь неподвижной, молча умоляя его о большем.

С очередным вздохом он снова двигается, тепло солнца возвращается на мою кожу, прежде чем кровать опускается позади меня.

— Он был недостаточно хорош для тебя, Ангел. Я просто чертовски хотел бы, чтобы я был, потому что когда-нибудь скоро я буду на твоём месте прямо сейчас, наблюдая, как ты уходишь от меня.

Его рука обхватывает меня за талию, когда он прижимается спереди к моей спине и крепко прижимает меня к себе.

— Я знаю, ты никогда не почувствуешь того же. Я смирился с этим много лет назад, — шепчет он. Его губы касаются моей шеи, и по мне пробегает дрожь желания. — Но ты для меня все.

Мне едва удастся сдержать рыдание, прежде чем оно вырывается наружу.

Он обнимает меня крепче, вдыхает мой аромат и просто лежит там со мной.

Минуты проходят, и я начинаю думать, что, вероятно, мне следует сдать и признаться, что я действительно проснулась, когда тихий храп наполняет комнату.

Мои глаза распахиваются от шока.

Я имею в виду, он выглядел разбитым, когда я нашла его ранее. Было более чем очевидно, что он не сомкнул глаз прошлой ночью. Ему это отчаянно нужно. Но все равно, я шокирована, что это произошло так быстро, когда и он, и Алекс рассказали мне, как сильно он пытается заснуть.

Осторожно и мучительно медленно я переворачиваюсь, чтобы увидеть его.

— Ты достаточно хорош, Николас, — шепчу я. — Я просто хочу, чтобы ты не был так напуган, чтобы показать мне, какой ты невероятный на самом деле.

Я целую его в кончик носа, мой гнев и разочарование от предыдущего тают, когда я смотрю на его мирное, расслабленное лицо.

Он намного больше похож на Алекса, когда спит. Это странный вид траха по голове. Когда они бодрствуют, несмотря на то, что выглядят практически одинаково, их легко отличить друг от друга. Для начала, их ауры совершенно разные. Но когда их глаза закрыты и все спокойно, все это тает.

Я лежу рядом с ним очень долго, изучая его черты и молча говоря ему все то, что, как мне кажется, ему нужно услышать, но к чему он в равной степени не готов.

Его всю жизнь унижали. Я кое-что слышала об этом, но не сомневаюсь, что за

закрытыми дверями было хуже.

Да, он мог родиться более слабым, меньшим близнецом. Но по большому счету это ничего не значит.

Человек, лежащий передо мной, — мужчина. Красивый, сложный, мрачный, невероятный мужчина, который преодолел больше, чем, я думаю, он, вероятно, даже осознает.

Он бросил вызов всему, что ожидали от него его отец и дед. Возможно, это было вызвано их жестокими словами и разочарованием, и я могла бы пожелать, чтобы он открылся немного больше. Но я также понимаю, что после целой жизни попыток быть тем, кем ты не являешься, попыток скрыть сломанные части, как, должно быть, трудно доверить кому-то те части, которые все остальные считали недостойными.

Я понимаю это, действительно понимаю. Но я также отчаянно хочу разрушить эти стены и действительно узнать, кто этот мальчик, прячущийся за фасадом.

В конце концов, мои приступы голода становятся настолько сильными, что я начинаю чувствовать головокружение и странность, и у меня нет другого выбора, кроме как выскользнуть из-под его руки и что-то с этим сделать.

Когда я захожу, на кухне снова прибрано. Доказательства того, что Деймон начал готовить завтрак, а затем был уничтожен, когда я фактически потребовала, чтобы он съел меня вместо этого, были уничтожены, а стойкий запах подгоревшего бекона — единственная подсказка, что это когда-либо происходило.

Открыв холодильник, мои глаза расширяются, когда я обнаруживаю, что он полностью забит всем, что нам может понадобиться, и еще кое-чем. Похоже, у кого-то есть намерения оставить нас здесь на некоторое время. Мое сердце учащенно бьется при мысли о том, что я застряну здесь с Деймоном. Конечно, все могло быть и хуже. Я беру немного масла и сыра и начинаю делать бутерброд. Я не очень хорошо готовлю. Джослин пыталась учить меня последние пару лет, но на самом деле это не мое. Не то чтобы у Деймона были с этим проблемы. У меня слюнки текут, когда я думаю о том завтраке, который он приготовил для меня в своей квартире.

Я замираю с хлебом на полпути к доске.

Как именно я прошла путь от запертой в его квартире до запертой... здесь?

И почему моей первой мыслью было набить себе живот, когда он вырубился в постели, а не сбежать?

Потому что на самом деле нет другого места, где ты предпочла бы быть прямо сейчас, чем с ним.

Я сосредотачиваюсь на текущей задаче, мое тело действует на автопилоте, когда я наполняю свою тарелку и выношу ее из комнаты с намерением узнать немного больше о том, где мы находимся.

Возможно, я была только в спальне, которая, кажется, была выделена мне, и на кухне, но и того, и другого было достаточно, чтобы подсказать мне тот факт, что мы находимся в шикарном месте. И когда я захожу в огромную гостиную с видом от пола до потолка на то, что кажется частным пляжем за ее пределами, это только подтверждается.

— Вау, — выдыхаю я. Вид из моей спальни кажется отсюда намного более захватывающим.

Я не утруждаю себя тем, чтобы подойти к дверям, которые ведут на настил и песок за ним. Я уже знаю, что они будут заперты. Вместо этого я направляюсь к огромному белому

дивану, поджимаю под себя ноги и принимаюсь за еду.

Моя тарелка опустела за возмутительно короткий промежуток времени, но мой желудок все еще требует добавки, когда я оставляю ее на подушке рядом со мной.

Найдя часы на одной из полок, я обнаруживаю, что уже почти обеденное время.

Скоро меня не будет двадцать четыре часа. Они ищут меня? Что, по их мнению, произошло? Или они даже не знают?

Деймон сказал, что папа знает. Он все скрыл? Доверяет ли он Деймону держать меня здесь? Как долго все это будет необходимо?

Миллион и один вопрос крутятся в моей голове, пока я сижу и смотрю на волны, разбивающиеся о берег.

Я часами погружаюсь в свои мысли, и только после моего третьего визита на кухню меня осенила идея.

Я стою перед белыми занавесками, задернутыми по углам комнаты. Мысль о том, чтобы закрыть их и скрыть этот вид, кажется преступлением, но я не могу отрицать, что веревочные завязки посередине меня не вдохновляют.

Подходя, я провожу кончиками пальцев по мягкой ткани, когда образы того, как их используют по-другому, заполняют мой разум.

На моих губах появляется улыбка. Я понятия не имею, сработает ли это — честно говоря, скорее всего, нет. Но я готова попытаться счастья.

Я быстро развязываю их и несу обратно в спальню, которую покинула несколько часов назад.

Я тихо проскальзываю внутрь и нахожу Деймона все еще крепко спящим, только он немного помог мне, перевернувшись на спину.

Я стою там несколько секунд, просто наблюдая, как поднимается и опускается его грудь. Одна из его рук закинута за голову, губы приоткрыты, а веки подрагивают.

Я почти передумала и снова выхожу, видя, что он выглядит таким умиротворенным. Но я говорю себе, что если он когда-нибудь собирается спать как нормальный человек, то ему действительно не нужно спать весь день.

Крутя в пальцах веревку, я сокращаю расстояние между нами и смотрю между кроватью, моими будущими путами и его запястьями.

Я буду первой, кто признает, что понятия не имею, как я собираюсь это проверить. Но я полагаю, что только пожалею, что не попыталась.

К моему полному шоку, Деймон даже не пошевелился, когда я пошевелила его руками и накинула веревку на запястья.

Я завязываю узлы как могу и просто надеюсь, что этого будет достаточно, прежде чем я задеру его штанину, достану его карманный нож из тайника и заползу на него сверху.

Возможно, я и не забыла, что ранее он украл мои трусики, но в ту секунду, когда ткань его спортивных штанов соприкасается с моей чувствительной кожей, я более чем осознаю ситуацию.

Мои бедра бесстыдно скользят по его промежности, и я улыбаюсь, чувствуя, как он растет подо мной.

— Калли, — бормочет он во сне, его руки тянутся к переплету.

Мое сердце подскакивает к горлу, а желудок сжимается, когда я наблюдаю, как он начинает приходить в себя.

Я только что совершила огромную ошибку?

— Ангел, — стонет он, его бедра отрываются от кровати. — Тебе что-то было нужно?

— Да. На самом деле, есть несколько вещей.

Я знаю момент, когда он полностью приходит в себя. Все его тело замирает подо мной, прежде чем он пытается убрать руки из-за головы.

— Что за— Его глаза в шоке распахиваются и мгновенно находят мои.

Злая улыбка кривит мои губы, когда я верчу его нож в своей руке.

— Калли? — предупреждает он, его сонный голос не так страшен, когда он облизывает сухие губы.

— Ты знаешь, — говорю я, переводя взгляд с него на нож Чирилло. Каждому солдату выдается по одному, когда они официально присоединяются к Семье. — Я всегда задавалась вопросом, почему я никогда не была достаточно хороша, чтобы владеть одним из них.

— Т-ты—

— Если ты скажешь мне, что это потому, что я девушка, тогда я могу найти твоему действительно хорошее применение раньше, чем намеревалась, — рычу я.

— Я-я не собирался этого говорить.

— Хорошо, потому что это чушь собачья. У Стеллы есть такой. И я не удивлюсь, если Тео подарил Эмми такой же.

— Они оба обучены использовать это.

— Верно, — бормочу я. — Еще раз, я слишком невинная маленькая принцесса, чтобы заниматься такой мерзостью, как научиться пользоваться ножом, чтобы защитить себя. Ты знаешь, наша ситуация прямо сейчас была бы совсем иной, если бы я прошла хотя бы небольшую часть той подготовки, которую ты получал на протяжении многих лет. Это почти, как если бы мой отец хотел сделать из меня мишень.

— Нет, — возражает Деймон. — Это не поэтому—

— Я не какой-то нежный цветок, который довольствуется тем, что его запирают, Деймон. Я более чем способна быть полезной частью этой Семьи, а не обузой.

— Ты не обуза, Ангел. Но поверь мне, быть запертым с тобой, безусловно, не составляет труда.

Я прижимаюсь к нему бедрами, и рычание вырывается из его горла.

— Так чего ты хотела от меня? — спрашивает он, его глаза расширяются от желания. Очевидно, он забывает, что я зла на него.

Я не против. В эту игру могут играть двое.

6

ДЕЙМОН

Я резко втягиваю воздух, когда она вскрывает мой нож, и, клянусь гребаным Богом, вид того, как она направляет его на меня, только возбуждает меня, черт возьми.

— Ангел, ч-что ты делаешь? — рычу я, мой голос хриплый от желания.

— Наконец-то я беру управление в свои руки, — уверенно заявляет она. Наклоняясь вперед, она прижимает лезвие к моей щеке, холодный металл почти не охлаждает мою кожу. — Видишь ли, я думаю, что была довольно терпелива. Я думала, что доказала, что мне можно доверять. И все же ты все еще продолжаешь скрывать от меня дерьмо, — кипит она.

Мой пульс замирает, когда она проводит лезвием по моей шее.

— Я-я д-доверяю тебе, — шепчу я, съезживаясь от того, как быстро теряю контроль.

Ее глаза встречаются с моими, когда она печально качает головой.

— Кажется, ты говоришь все правильные слова, Николас. Но твои действия говорят громче.

— Н-н-не—

— Просто оглянись вокруг, — говорит она, выбрасывая свободную руку и обводя жестом комнату. — Я даже не знаю, где мы находимся. Я едва ли знаю причину, по которой мы здесь. Я понятия не имею, что происходит дома, где все думают, что я нахожусь. И все же я должна слепо доверять тебе? Парень, который накачал меня наркотиками. Дважды. Игнорировал меня месяцами. Запер меня и в своей квартире, и теперь здесь. И все же он по-прежнему отказывается впускать меня, черт возьми.

Я смотрю на нее, опустив подбородок. Я всегда знал, что в Калли есть нечто большее, чем все думают.

Но знать это и видеть — две совершенно разные вещи.

— Я сейчас такой чертовски твердый для тебя, — выдавливаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

Я приподнимаю бедра, мой член болит, у нее перехватывает дыхание, а глаза на мгновение закрываются. Но она быстро приходит в себя, и ее челюсть сжимается от разочарования.

— Мы туда не пойдем, — рычит она. — Я хочу подчеркнуть одну вещь, и ты не заставишь меня забыть об этом своим большим, волшебным членом.

Я не могу сдерживать ухмылки, которая подергивается на моих губах.

— Волшебным? — спрашиваю я, проигрывая борьбу со своим весельем, чувствуя, как моя маска сползает, когда я смотрю на эту девушку, которая владела мной гораздо дольше, чем, я уверен, она никогда не сможет осознать.

— Я не это пытаюсь донести, — бормочет она, ее щеки пылают от ее признания.

— Так какой тогда был смысл связывать меня и отдавать на твою милость, Ангел?

Я не могу отрицать, что если бы кто-то другой сделал это со мной, я бы чертовски перепугался.

Быть сдержанным, терять контроль. Ни то, ни другое мне не нравится.

Но это Калли.

Возможно, я что-то скрывал от нее, но на самом деле, я знаю, что нет ничего, чего бы я не отдал ей. Даже мои страхи.

Я дергаю себя за запястья, впечатленный тем, как она связала меня.

После многих лет тренировок я почти уверен, что смог бы довольно легко от них избавиться, но сейчас я позволю ей повеселиться.

— Я хочу быть внутри тебя, Николас—

— Уверен, это должно быть моей репликой, — съязвил я.

Рычание вырывается глубоко из ее горла.

— Ты приводишь в бешенство.

— И ты чертовски сексуальна и, как я подозреваю, прижимаешься своей все еще голой киской к моему члену.

Глубокий румянец на ее щеках говорит мне, что я прав.

— Ты хотела, чтобы у меня был легкий доступ ко второму раунду, красавица?

— Нет, я—

— Покажи мне, — требую я, мой взгляд опускается на ее раздвинутые бедра. У меня текут слюнки, когда я понимаю, что скрывается за ее короткой юбкой.

Но она отвергает меня.

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, — говорит она, отводя взгляд от моего в сторону ножа в ее руке, когда она слегка проводит им по центру моей груди.

Мое сердцебиение учащается, когда я осознаю ее намерения с этой штукой. Сжимая пальцы в кулак, я пытаюсь подавить свои страхи.

Это просто Калли.

Это просто Калли.

Я не понимаю, что закрыл глаза, пока мое имя не слетает с ее губ.

Они распахиваются, и я сразу же обнаруживаю, что ее голубые глаза смотрят на меня в ответ.

Гнев все еще омрачает их, но то, что я нахожу за этим, заставляет мое дыхание перехватывать.

Надежда.

Это то, чего она не должна чувствовать, когда дело касается меня.

Всю свою жизнь я был сплошным разочарованием, и у меня нет причин не верить, что в какой-то момент она тоже это поймет.

Я не уверен, что я достаточно силен, чтобы больше не давать ей этого видеть.

Стаскивая с меня футболку, она прижимает лезвие моего ножа к ткани.

Она мгновенно распадается, показывая ей, насколько острым является лезвие, с которым она играет, как с игрушкой, и она ахает от осознания.

— Ты могла бы убить меня одним неверным движением, красавица. Иногда я уверен, что для всех было бы лучше, если бы—

— Прекрати, — требует она. — Прекрати это прямо сейчас.

Я киваю, мои губы сжимаются.

— Я не они, Николас. У меня нет нереалистичных ожиданий относительно тебя. — Мне приходится прикусить губу изнутри, чтобы удержаться от того, чтобы сказать ей, что это так. — Я не хочу, чтобы ты была кем-то иным, кроме того, кто ты есть. Я возьму сломанные кусочки. Я возьму темноту, боль и мучения. Чего я не хочу, так это быть на периферии твоей жизни, как ты держишь всех остальных, несмотря на то, что постоянно говоришь мне, что я твоя. Потому что если я твоя, то и ты мой тоже. И если ты мой, я хочу каждую частичку тебя.

Не сводя с меня глаз, она разрезает прямо посередине мою рубашку, легко разрезая ее пополам и обнажая лишь часть уродства, которое я пытаюсь скрыть.

— Калли. — Ее имя срывается с моих губ как мольба, пока я борюсь с дьяволом внутри меня, который хочет сделать все, что в его силах, чтобы это не произошло.

Чтобы помешать ей увидеть настоящего меня.

Мои глаза закрываются, мне нужно отрезать себя от ее молчаливой мольбы впустить ее, и она издает страдальческий вздох.

Я делаю именно то, что обещал. Я разочаровываю ее, и это, черт возьми, убивает меня.

Боль пронзает мою грудь насквозь, как будто она воткнула мой нож прямо мне между ребер.

Она перебирается через мои бедра, ее вес поднимается с моего тела, и, клянусь гребаным Богом, с этим было бы легче справиться, если бы она уперлась рукой мне в грудь и начисто вырвала мое сердце.

Я проглатываю рев агонии, который хочет вырваться из моего горла, и заставляю свои глаза оставаться закрытыми, зная, что не смогу смотреть, как она уходит от меня.

Но тогда...

— Черт, — шиплю я, когда мягкое прикосновение ее губ щекочет мою ключицу.

Мои глаза распахиваются, и я смотрю вниз на нее, парящую надо мной, ее губы прижимаются к моей коже, а глаза смотрят в мои.

— Покажи мне, — умоляет она, ее глаза остекленели от эмоций. — Дай мне увидеть его.

Мое сердце колотится так сильно, что стучит по ребрам, как теннисный мяч, снова и снова ударяющийся о стену.

— Ангел, — тону я, когда она сдвигается, опуская губы к верхней части моего самого длинного шрама.

— Ты не пугаешь меня, Николас. Ничто в тебе не пугает меня.

Я почти уверен, что мое сердце вообще перестает биться, когда она наконец отрывает от меня взгляд, опускает губы, прежде чем поцеловать линию вдоль моего шрама.

— Черт, — стону я, когда она снова проводит языком вверх, и она не останавливается, пока ее губы не находят мои. Но она не целует меня. Она просто смотрит мне в глаза, ее дыхание обдаёт меня, и у меня текут слюнки от желания попробовать ее на вкус.

— Где мы, Николас?

Моему мозгу требуется несколько секунд, чтобы сработать правильно, чтобы я мог составлять слова.

— Д-д-дом моих б-бабушки и дедушки. Р-Родители м-моей мамы.

— Где, по их мнению, я? Мы?

— Т-т— я втягиваю воздух, готовясь к удару. — Они думают, что твоя мама забронировала тебе жилье за городом, чтобы ты могла сосредоточиться.

— Как долго мы собираемся здесь пробыть?

— Я не знаю, красавица. Пока я не буду уверен, что тебе безопасно возвращаться. Я, блядь, клянусь тебе, я не сделаю ничего, что подвергнет тебя опасности. Никогда.

Она понимающе кивает, ее нос соприкасается с моим.

— Как они думают, где ты находишься?

— Где, по их мнению, я обычно нахожусь? Прячусь. Приношу свою душу в жертву сатане.

Подушка под моей головой сдвигается, и она немного приподнимается, чтобы как следует рассмотреть меня.

— Они просто хотят, чтобы ты была частью их, ты ведь знаешь это, верно?

Яжимаю одним плечом. — Я уверен, они бы едва заметили, если бы—

— Нет, — решительно огрызается она. — Тебе нужно выбросить это дерьмо из головы. Им не все равно, Николас. Им всегда было не все равно. Они просто... они пытались быть такими, как тебе нужно. Но я не думаю, что ты знаешь, что это такое, не больше, чем они.

— Мне нужно— Я быстро обрываю себя, непроизвольная реакция, чтобы сдержаться, несмотря на все это.

Калли предупреждающе рычит, и, если бы я в данный момент не истекал кровью под ней, я мог бы посмеяться над ее попыткой напугать меня. Но сейчас я чертовски напуган.

— Мне нужно, чтобы меня приняли, — говорю я, отводя от нее взгляд, когда стыд прожигает меня насквозь.

— Видишь, это то, чего ты не понимаешь, — мягко говорит она, ее пальцы хватают

меня за подбородок и поворачивают обратно, так что у меня нет выбора, кроме как смотреть на нее. — Они все принимают тебя. Единственный человек, который этого не делает, — это ты.

— А как насчет тебя? — Спрашиваю я, голова идет кругом от всего, что она мне говорит. Это неудивительно. В глубине души я знаю все это дерьмо. Но знать, что она тоже это видит, что она может снять все слои моего дерьма и точно знать, что я чувствую, ошеломляет.

— Я бы не настаивала так сильно, если бы мне было все равно, Николас.

— Почему ты это делаешь?

Она откидывается назад, кончики ее пальцев скользят по моей обнаженной груди, заставляя меня содрогнуться. Никто не прикасался к моей коже здесь уже... долгое, блядь, время.

— Потому что... — говорит она, поддразнивая меня и заставляя ждать.

Ее глаза отрываются от моих, и я наблюдаю, как она рассматривает длинный шрам, который она поцеловала, прежде чем ее взгляд переходит на другие — некоторые, о которых она знает, некоторые, которые, должно быть, застают ее врасплох.

Ее пальцы нежно обводят каждую отметину.

Внутри меня поднимается отвращение.

Я их чертовски ненавижу. Презираю их.

Каждая отметка — еще одно доказательство всего, что мне говорили в детстве. Что я слабый. Недостаточно хорош. Обуза. Беспольный.

Мои глаза изучают ее, пока она запоминает мое тело, как будто боится, что я больше никогда его не покажу. Честно говоря, здесь она, возможно, недалеко от истины. Я молча умоляю ее закончить то, что она собиралась сказать, но, боюсь, она не собирается.

В конце концов, речь шла не о том, чтобы она раскрылась. Речь шла исключительно о том, чтобы она раскрыла меня и, наконец, увидела все пытки и уродство, которые я скрываю внутри.

Ее пальцы дразнят углубление V, которое исчезает в моих брюках, заставляя стон вырываться глубоко из моего горла, и мой член дергается под ней, прежде чем она заводит пальцы за пояс, как будто собирается стащить их с меня. Но она этого не делает.

— Ангел, — умоляю я, ненавидя то, как слабо и отчаянно это звучит. Я просто чертовски надеюсь, что она понимает, что на этой земле нет другого человека, который когда-либо слышал бы мою мольбу подобным образом.

— Где ключи, Николас?

Я колеблюсь, но это бессмысленно, когда она сдвигается ниже, ощущая выпуклость в моем кармане. Она просовывает руку внутрь и вытаскивает их, вешая на палец между нами.

Однако, не довольствуясь этим, она засовывает руку в другой мой карман и выуживает оба наших телефона вместе с ее нижним бельем, которое я запихнул туда ранее.

— Калли, — рычу я.

— Пора действовать, а не просто болтать, Николас.

— Нет, подожди, — жалобно кричу я, когда она слезает с меня и встает рядом с кроватью.

Убирая свои находки в карман, она натягивает трусики обратно на место и смотрит в зеркало, проверяя свой макияж.

Я наблюдаю, как она дразнит меня, когда мой член ноет за пределами моих брюк,

отчаянно желая, чтобы она вернулась.

Развернувшись, она пронзает меня взглядом, полным уверенности и силы, и это, блядь, сбивает меня с ног.

Возвращаясь ко мне, она выхватывает мой нож, который я не заметил, как она бросила на кровать рядом со мной.

Ее взгляд скользит по моему телу, ее внимание останавливается на каждом шраме, но она ничего не говорит, убирая мой клинок и пряча его в карман.

Я клянусь здесь и сейчас, что собираюсь пойти против приказов Эвана и подарить ей свой собственный.

Она выглядит слишком охуенно, чтобы его не иметь. Даже если она использует его только в спальне.

— Кто-нибудь еще знает, где мы находимся?

— Нет.

— Могу я поговорить с ними?

Я киваю. — Через Wi-Fi.

— И где я могу найти код для этого, дьявольский мальчик?

Мои губы подергиваются при упоминании ее прозвища для меня. Мне это не должно нравиться. Но, черт возьми, мне многое нравится, чего, вероятно, не стоит делать, когда речь заходит о Каллисте Чирилло.

— Ты уже подключена, Ангел.

Она протягивает руку, и я ожидаю, что она развяжет меня, но это не входит в ее намерения. Ее рука ложится на мою шершавую щеку, и она пристально смотрит мне в глаза, пока я не клянусь, что она может заглянуть прямо в мою черную и запятнанную душу.

Ее большой палец проводит по моему рту, и мне до боли хочется, чтобы это были ее губы.

— Ты достоин этого, Николас. Чертовски достоин.

Прежде чем у меня появляется шанс даже подумать о том, что ответить на это заявление, она хватает свой iPad сбоку и уходит, закрывая за собой дверь.

7

КАЛЛИ

Мое сердце бешено колотится в груди, а рука дрожит, когда я снова вытаскиваю ключи и начинаю выяснять, какой из них подходит к двери передо мной.

— Давай, — умоляю я, когда первые два не подходят.

К счастью, третий — тот самый, и всего через несколько секунд я открываю огромную дверь и, наконец, вдыхаю глоток свежего воздуха, выходя в тепло весеннего солнца.

Мои руки дрожат, а грудь вздымается, когда я подхожу к двуспальному шезлонгу и опускаюсь на него.

Я игнорирую свой iPad и телефоны в кармане. Прямо сейчас у меня нет сил разговаривать с кем-либо еще.

У меня голова идет кругом от времени, проведенного с Деймоном в той спальне.

Я зажмуриваю глаза, и образ его покрытой шрамами груди и живота возвращается ко мне.

Мой собственный желудок сжимается от боли, которую он, очевидно, перенес.

Я знала об операциях, которые он перенес в детстве. Ни для кого не было секретом, что

он родился с дырой в сердце и перенес не одну операцию, чтобы все исправить в ранние годы. Но я не ожидала остального. Злые, грубые раны. Ожоги.

Раскаленные слезы наполняют мои глаза, когда я пытаюсь даже представить, через что он мог пройти.

Все парни за эти годы не раз дрались, и в какой-то момент все они были ранены настолько сильно, что оказались в больнице, или, по крайней мере, Джанна нанесла им визит, чтобы залатать их.

Но я никогда не слышала, чтобы Деймон так сильно пострадал.

Я думаю, на самом деле это не должно быть сюрпризом, учитывая, что мне никто ничего не говорит. Но что-то подсказывает мне, что никто другой тоже не знает. И от этого у меня просто болит сердце.

Одинокая слеза скатывается по моей щеке, когда я думаю о том бедном маленьком мальчике, которому снова и снова говорили, что он недостаточно хорош.

Возможно, я совершенно наивна в отношении того, что произошло на самом деле, но я вижу это в нем. Я вижу его боль. Я вижу его веру в слова, которые были брошены в него в детстве.

Единственный человек, который хоть как-то понимает, через что он прошел, — это Алекс. Но даже сейчас, я подозреваю, что он тоже на самом деле не знает.

Протягивая руку, я сердито смахиваю слезу.

Я не хочу, чтобы он думал, что я его жалею.

Я хочу быть сильной ради него. Я хочу стоять рядом с ним и держать его за руку, показать ему, что все, что он всегда чувствовал, — чушь собачья.

Но я не могу.

Его вид, то, что он сказал о себе...

Из моего горла вырывается рыдание, звук которого заглушает шум океана всего в нескольких метрах от меня.

Поджав ноги перед собой, я опускаю голову на руки и каким-то образом умудряюсь пролить еще несколько слезинок. Всего несколько часов назад я бы заявила, что выжала их досуха.

К тому времени, как мой праздник рыданий начинает утихать, у меня внутри, в основном в сердце, такое чувство, что я провела три раунда с Тайсоном Фьюри.

Полуденное солнце прожигает мою черную толстовку насквозь, я скрещиваю руки на груди и стягиваю ее через голову.

Других объектов не видно, и внутри только Деймон, привязанный к кровати, я не слишком беспокоюсь о том, что кто-нибудь увидит, как я загораю в одном лифчике и юбке.

Я со вздохом откидываюсь на спинку шезлонга и подставляю лицо солнцу, отчаянно желая еще больше ощутить его успокаивающее прикосновение. Жар обволакивает меня, как теплые объятия, и я вытягиваюсь всем телом, нуждаясь в пустоте, которая возникает от погружения в то легкое место в моей голове. Это то же самое место, куда я хожу, когда рисую, но у меня сейчас нет на это сил. Мне просто нужно... ничего.

Слезы, заливающие мои щеки, едва высыхают, когда дрожь пробегает по спине, а соски упираются в кружево лифчика.

Вытягивая руки над головой, я обхватываю пальцами подушку и выгибаю спину.

— Кажется, я недооценила твои навыки, дьявольский мальчик, — мурлычу я, закрыв глаза и подставив лицо солнцу.

— Я могу сказать то же самое, Ангел. Отличная работа с узлом.

Его шаги становятся громче, и предвкушение его близости покалывает мою кожу.

— Ты знаешь, я была девочкой-скаутом, — говорю я с ухмылкой. — Я предполагаю, что ты не научился навыкам побега в скаутах?

— Вероятно, тебя не удивит, Ангел, что я на самом деле не фанат групповых развлечений.

— Шокирующе, — бормочу я, наконец, опуская подбородок и приоткрывая глаза.

У меня перехватывает дыхание, когда я обнаруживаю, что он стоит у моих ног, на удивление все еще без рубашки, и смотрит на меня сверху вниз, как будто я в десяти секундах от того, чтобы быть съеденной. Или убитой. И, честно говоря, когда он стоит там, окруженный сияющим солнцем, и выглядит как сам дьявол, мне на самом деле все равно, какой маршрут он выберет.

— Всякий раз, когда мы приезжали погостить к нашим бабушке и дедушке, родителям моего отца, наш дедушка ставил нам сложные задачи, — объясняет он. — Я уверен, что большинству детей понравилась бы игра в прятки. Но не близнецам Деймос.

Я громко ахаю, когда его руки обхватывают мои лодыжки, раздвигая мои ноги, чтобы он мог зажать свои колени между ними.

— Раньше у него был этот сарай в саду. Ну, он называл его своим сараем. Мы с Алексом называли его камерой пыток.

Я так потерялась в его глазах, в боли, исходящей от него, когда он рассказывает мне эту историю, что яростно вздрагиваю, когда его руки скользят по моим икрам.

Его глаза расширяются от ужаса, и он отрывает свое прикосновение от меня.

— Нет, — кричу я, наклоняясь вперед и обхватывая пальцами его предплечья, отводя его руки назад. — Продолжай, — призываю я.

Он кивает, подается вперед, его глаза ищут мои, отчаянно пытаюсь найти что-то, что скажет ему, что я этого не хочу.

— Я хочу все, — шепчу я.

— Я узнал почти все, что знаю, в этом сарае, — продолжает он, заставляя мое сердце учащенно биться.

Возможно, я не знаю подробностей, но я слышала достаточно, чтобы понять, что навыки Деймона заключаются в пытках.

Мой желудок переворачивается при мысли о том, что его дедушка мог сделать с теми двумя маленькими мальчиками в том сарае.

— Он бы связал нас и оставил там, чтобы мы могли сбежать, — говорит он, пока мое воображение не разыгралось слишком сильно. — И все это время у него крутились видеоролики обо всех вещах, которые он мог бы с нами сделать, пока мы застряли там.

— Иисус.

— Алекс ненавидел это.

— Он не любит кровь, — шепчу я.

— Он отказывался смотреть. Вместо этого он погружался в свои мысли. Напевая любую песню, которую мог придумать, чтобы заглушить крики мужчин на экране.

Он подползает ближе, шире раздвигая мои ноги, но его глаза не отрываются от моих.

— Я, однако, просмотрел каждую секунду этих видеороликов. Я изучал реакцию жертв. Я узнал, что заставляло их говорить, а что нет. И все это время я придумывал, как вытащить нас обоих.

— Пока вы все готовились к тестам по математике и правописанию, я учился убегать и придумывал еще более ужасающие способы заставить взрослых мужчин плакать, потому что я пообещал себе, что однажды... однажды я собирался привязать его к этому стулу и заставить страдать всеми способами, которые он заставил бы терпеть нас.

Мое дыхание становится более прерывистым, когда он, наконец, оказывается прямо передо мной, его руки лежат по обе стороны от моих бедер, а его нос едва соприкасается с моим.

— У н-него был сердечный приступ, не так ли?

Его глаза на мгновение темнеют.

— Да. Ублюдок умер до того, как у меня появился шанс показать ему, как прекрасно он меня обучил.

Между нами воцаряется тишина, слышен только крик чайки вдалеке.

— Перестань ждать, когда я сбегу, Николас, — предупреждаю я. — Я могу справиться с твоей тьмой.

— Ты знаешь, я бы сделал это. — Я киваю. — Я все это спланировал.

— Я разочарована, что у тебя не было шанса. Он это заслужил.

Он смеется, но смех его полон гнева и ненависти.

— Ты понятия не имеешь, красавица.

— Так дай мне это. Скажи мне, — настаиваю я, наконец, опуская руку и обхватывая ладонью его лицо.

Он кивает в знак согласия, но несколько долгих секунд с его губ не слетает ни слова. И когда они это делают, они могут быть не теми, что я хотела услышать, но они довольно близки к этому. — Однажды, — обещает он.

— Хорошо. Я приму это.

— Черт возьми, Калли. Это... ты... ты...

— Я здесь. Я в безопасности. Я... — Я колеблюсь со следующей частью, осознавая, что, возможно, собираюсь погрузиться во что-то совершенно безумное, но в то же время зная, что, на самом деле, я окунулась в это некоторое время назад. Хэллоуин, если быть точной. — Я твоя.

Весь воздух проносится мимо его губ, щекоча мое лицо, когда его рука обвивается вокруг моей шеи сзади, и его губы прижимаются к моим.

Его руки скользят вверх по моим бедрам, задирая юбку выше, чтобы он мог обхватить мою задницу, приподнимая меня, пока у меня не остается выбора, кроме как почувствовать его твердость под брюками.

Обнимая его за плечи, я прижимаюсь к нему, наслаждаясь ощущением его горячей кожи на моей, пока продолжается наш поцелуй.

Он облизывает мой рот, как будто умрет без этого, его пальцы сжимаются на мягкости моей задницы, как будто он сдерживает себя.

Отрывая свои губы от его, я целую его в подбородок, пока мои губы не касаются его уха.

— Я все еще чертовски зла на тебя, — признаюсь я.

— Похоже на то, — слегка бормочет он.

— Ты властный, собственнический, ревнивый, контр—

— Ты остановилась на «контролирующий», — указывает он, сильнее прижимая меня к себе.

— Заноза в заднице.

Он сильно сжимает меня.

— Я думаю, тебе это нравится.

Громкий, достойный шлюхи стон вырывается из моего горла, когда он идеально касается моего клитора.

— Черт возьми, Ангел. Ты погубила меня.

— Я думаю, что здесь только один из нас занимается развращением, дьявольский мальчик.

— Правда, — признается он, его губы касаются моих в самом дразнящем из поцелуев.

— Но ты познакомил меня с темной стороной, и я не спешу возвращаться.

— Я превратил своего ангела в дьявола.

— Только для тебя, — выдыхаю я. — Это может быть нашим маленьким секретом.

— Черт возьми, я хотел бы оставить тебя.

Мои губы приоткрываются, чтобы прокомментировать, но вместо того, чтобы произнести слова, которые вертятся у меня на кончике языка, крик шока вырывается из моего горла, когда он переворачивается на спину и снова устраивает меня у себя на талии.

— Я хочу смотреть, как ты кончаешь, — рычит он, разжигая огонь, пламя которого уже сжигает меня изнутри.

Я качаю головой, мои щеки пылают.

— Я хочу тебя.

— Ты получишь меня, — обещает он. — Но в следующий раз, когда я возьму тебя, между нами ничего не будет.

Я наклоняюсь вперед и кладу руки ему на грудь, по обе стороны от длинного шрама, который проходит посередине.

— Кажется, что сейчас этого не будет. — Я нависаю над ним бедрами, и его челюсть сжимается.

— Я не умею поступать правильно, Ангел.

— К черту правильные вещи, дьявольский мальчик. На этот раз просто возьми то, что ты хочешь, что ты заслуживаешь, что ты—

Я вскрикиваю, когда его пальцы впиваются в мои волосы так сильно, что боль пронзает мой череп, когда он тащит меня вперед. Он ерзает между нами, когда его губы заявляют права на мои во влажном и грязном поцелуе, и всего за несколько секунд мои трусики оттягиваются в сторону, а головка его члена прижимается ко мне.

— Трахни меня, Николас. Трахни меня так, как будто я принадлежу тебе, и ты никогда меня не отпустишь.

Рев, который вырывается из его горла, когда он толкается во мне, — это то, что я никогда не забуду.

Его пальцы сжимаются на моих бедрах, когда он берет под контроль наши движения, притягивая меня к себе так, что между нами ничего не остается.

— Черт, это глубоко, — стону я, когда он заставляет меня кружить бедрами. — Черт.

— Ты чувствуешь это, красавица? Ты чувствуешь, как чертовски идеально мы подходим друг другу? Ты была создана для меня, Ангел. Вся. — *Толчок.* — Блядь. — *Толчок.* — *Моя.*

8

ДЕЙМОН

— Не уходи, — сонно умоляет Калли, ее хватка на моей талии усиливается, когда я

пытаюсь выскользнуть из-под нее.

Я знал, что на самом деле она не спала. Узоры, которые она рисовала кончиками пальцев на моей груди и на животе, были достаточным доказательством этого. Но она расслаблена, и я не хочу это портить.

Я достаточно недавно выбил почву у нее из-под ног, я просто хочу, чтобы мы... были.

Я хочу провести это время вместе. Нет. Я жажду этого времени вместе, как гребаный наркоман.

Я понятия не имею, как долго я собираюсь притворяться подобным образом, но я хочу этого так долго, как только смогу.

— Мне нужно отлить. — Я наклоняюсь и целую ее в макушку. — Тебе тоже следует пойти.

Она на мгновение напрягается, прежде чем посмотреть на меня с легкой усмешкой.

— Я знаю, что разорвала твою броню надвое и сумела проникнуть немного глубже внутрь, но тебе не кажется, что смотреть, как ты писаешь, немного чересчур? — спрашивает она, приподнимая бровь.

Развернувшись, я падаю на нее, мое тело поглощает ее в моей тени.

Ее глаза опускаются с моих в сторону моего рта, когда ее язык выскальзывает, чтобы смочить губы.

Черт. Мне нравится этот взгляд на ней. Невинную девушку по-настоящему оставили позади, и на ее месте эта сексуальная женщина, которая смотрит на меня так, как будто ей никогда не будет достаточно.

Хотел бы я, черт возьми, запереть это в бутылку и хранить вечно, потому что я уже знаю, что никогда не найду это снова. Калли — моя девушка. Моя единственная девушка. Я мог бы потратить всю жизнь на поиски, но я уже знаю, что никогда не найду никого, кто сравнится бы с ней. Никого, кто даже приблизился бы.

— Я имею в виду, да, если просмотр возбудит тебя, тогда не стесняйся.

— Фу, нет, я—

— Но тебе следует пописать после секса, — заявляю я, улыбаясь, когда обе ее брови касаются линии роста волос.

— О?

— Да. Ты можешь подхватить инфекцию, если не сделаешь этого.

Целуя ее в нос, я поднимаюсь на ноги. Она тянется ко мне, кончиками пальцев касаясь моего члена, когда я встаю, и заставляя его подергиваться от возбуждения.

— Значит, ты будешь трахать меня до бесчувствия голым, не проверив, принимаю ли я противозачаточные. Несколько раз, — добавляет она. — Но ты беспокоишься о—

— Я знаю, что ты принимаешь таблетки, Ангел. И я не сделаю ничего, чтобы рисковать твоим здоровьем—

— Откуда? Откуда ты знаешь, что я принимаю таблетки? — требует она, садясь на край шезлонга. Ее юбка задирается вокруг бедер, дразня меня кружевами, которые прикрывают ее. Мысль о том, что эта ткань влажная и покрыта моей спермой, которая капает из нее, мгновенно заставляет мой член затвердеть. Чего она не упускает, когда ткань моих спортивных штанов начинает расползаться.

Игнорируя это, она запрыгивает на шезлонг, так что мы смотрим друг другу в глаза. — Как, Деймон?

— Я видел твою медицинскую карту.

— Т-ты видел мою медицинскую карту? — повторяет она, как попугай.

Я пожимаю плечами, не видя в этом проблем. — Я бы предложил тебе свои, — говорю я, — но ты смотришь на них. — Я опускаю руки по бокам и отступаю назад, предлагая ей себя еще раз, несмотря на тугий узел в животе, который вызывает это движение.

Она опускает глаза, и мою кожу покалывает от ее внимания именно там, где я этого не хочу. Хотя, это не так плохо, как было бы, если бы кто-то другой изучал меня так пристально.

— Ты хотя бы проверял это? — спрашивает она, спрыгивая с шезлонга и сокращая расстояние между нами.

Все мое тело содрогается, когда она касается самого уродливого шрама на моем боку. Он почти три дюйма длиной и был любезно предоставлен каким-то ублюдком с зазубренным ножом два года назад. Я даже не предвидел, что этот ублюдок приближается, но я чертовски уверен, что почувствовал это.

Я пожимаю плечами, потому что что я могу сказать? Очевидно, что я этого не делал. Я просто приводил себя в порядок и молился, чтобы он не задел чего-нибудь жизненно важного. Я проглотил пару таблеток снотворного, запив бутылкой виски, которую украл из папиного кабинета, и просто надеялась на лучшее.

Я проснулся два дня спустя с долбаной болью в боку, но я был жив, так что к черту это.

— Никогда больше так не делай, Николас. Пообещай мне, — умоляет она, ее большой палец остается на шраме, в то время как остальные пальцы обхватывают мой бок, притягивая меня ближе. И какой же я дурак, я иду к ней.

— Что? Получить удар ножом? Я сделаю все, что в моих силах, Ангел.

— Ну, да. Но если ты пострадаешь, тебе нужно, чтобы на это посмотрели.

— Я выжил, — бормочу я.

— А что, если бы ты этого не сделал? Что бы я делала тогда? — спрашивает она, и слезы быстро наполняют ее глаза.

— Я бы не омрачил твою душу, — бормочу я, обхватывая ее щеку ладонью.

— Нет. Это не—

— Пойдем. — Я беру ее за руку и тащу в дом.

Она стоит, молча прислонившись к дверному косяку ванной в главной спальне, в которую я ее поселил, когда мы приехали, и я не могу сдержать улыбку.

— Я думал, тебе не нравится смотреть, — бросаю я через плечо.

— Ты прекрасен, ты знаешь это?

Горький смех срывается с моих губ.

— Это, пожалуй, самое далекое от истины, что ты можешь извлечь, Ангел.

— Чувшь собачья, — выплевывает она, когда я отстраняюсь и краснею.

Я попадаюсь под взгляд ее завораживающих голубых глаз, когда подхожу к раковине.

— Перестань смотреть на мир через розовые очки, Калли.

Ее губы раздраженно поджимаются.

— Я вижу вещи совершенно ясно. Не относись ко мне так, как они, — кипит она.

— Тогда перестань романтизировать это. — Я указываю на себя. — Наши жизни уродливы, грязные, жестокие. Ни во мне, ни в том, что я делаю, нет ничего прекрасного.

— Ты такой для меня.

Мои губы приоткрываются, чтобы еще раз возразить, но как я могу, когда она думает, что она права?

— Да, и посмотри, что я с тобой сделал. Я заразил тебя дьяволом.

Я становлюсь перед ней и беру ее за подбородок пальцами, глядя сверху вниз в ее чистые, невинные глаза.

Она дрожит от гнева, но не произносит ни слова, пока я пытаюсь насытиться ею.

— Приведи себя в порядок. Я собираюсь приготовить ужин.

Весь воздух вырывается из ее легких, когда я отпускаю ее и иду через спальню и по коридору к той, которую я неохотно присвоил для себя. Или, по крайней мере, комната, в которую я свалил одежду, купленную вчера, когда ходил по магазинам. Не то чтобы я собирался спать. Я не смогу нигде в этом месте, если рядом со мной не будет Калли.

Воспоминания захлестывают меня, когда я вхожу в комнату с двумя односпальными кроватями. Образ Алекса, прыгающего на ближайшей к окну кровати, заполняет мой разум, и я не могу не чувствовать себя легче. Он всегда был так полон жизни. Он все еще такой, несмотря на все, что мы оба пережили. Но он был как гребаный кролик Duracell всякий раз, когда мы останавливались здесь.

Раньше я думала, что это из-за постоянных угощений, которыми нас кормила наша бабушка, или, может быть, даже тз-за пляже. Но теперь я понимаю, что он смог освободиться от оков, которые сковывали нас дома. Очевидно, что его жизнь была заперта не так крепко, как моя.

Я хватаю свой телефон, меня сжигает потребность связаться с ним, но я быстро вспоминаю, что он все еще у Калли.

Глубоко вздыхая, я лезу в сумку с одеждой, вытаскиваю белую футболку и отрываю бирку.

В ту секунду, когда она оказалась у нас в фургоне, я думал только о том, как выбраться из города, и не было никакой возможности задержаться здесь достаточно долго, чтобы собрать для себя чертову сумку.

Мы купили все необходимое, а затем умчались от опасности так быстро, как только могли, остановившись на окраине города, чтобы поменять номера и лишиться их возможности отслеживать нас.

Ни один ублюдок не собирался следовать за нами сюда. И ни одна итальянская пизда не собиралась заполучить мою девочку.

Движение в другом конце коридора привлекает мое внимание, и я подхожу к двери как раз вовремя, чтобы увидеть, как она выскользывает обратно со своим iPad в руке и, к сожалению, теперь в топе.

Мои губы приоткрываются, чтобы что-то сказать, но я решаю этого не делать.

Я сказал ей, что доверяю ей, и если она собирается пойти и позвонить Стелле или Эмми, то мне нужно придерживаться своих слов.

Калли не глупа. Далекое не такая. Она знает серьезность этой ситуации, и я должен верить, что она предпочла бы быть здесь со мной, чем дома, постоянно оглядываясь через плечо.

Я направляюсь на кухню и открываю холодильник, оценивая свои варианты.

Открывая банку кока-колы, я мысленно перебираю блюда, которые планировал, когда покупал всю эту еду, и принимаю решение.

Я научился готовить на этой кухне. Я часами проводил время со своей бабушкой, пока Алекс был в океане, занимаясь серфингом и прочим случайным дерьмом с нашим дедушкой.

Родители нашей мамы, возможно, были самыми невероятными бабушкой и дедушкой, о

которых только может мечтать ребенок, но это не мешало мне сомневаться в моем дедушке на каждом шагу. Я так привык к больному и извращенному ублюдку, который приложил руку к созданию нашего отца, что сомневался в его намерениях. Это было глупо, но я не мог избавиться от намека на страх, который просачивался сквозь меня всякий раз, когда он был милым.

Я хотел бы, чтобы все было по-другому. Я хотел бы, чтобы я приложил усилия, чтобы преодолеть свой страх, потому что я знаю, что многое упустил. Я слушал, как он и Алекс рассказывают о том, что они сделали, о вещах, которые они обнаружили во время своих исследований залива и огромных каменных бассейнов за ним, с широкими улыбками на лицах и желанием, чтобы все было по-другому.

Но это было не так, и я был слабаком, который был счастливее на кухне с бабулей, готовя бурю к их возвращению.

Это было то бессмысленное занятие, в котором я нуждался, пока был за городом, вдали от суда и пыток тех, кого мы оставили позади. Здесь я почти мог заново открыть для себя ребенка, которым я должен был быть. Тот, кто прячется за своими слабостями, своими шрамами, своим страхом. Но не совсем.

Я теряю себя в приготовлении еды, возвращаясь в старые времена, когда нахожу все там, где оно всегда было.

После того, как они оба умерли, мама собиралась продать этот дом. Вероятно, ей следовало это сделать. Но я навестил ее вскоре после того, как она ушла от отца, и я раскололся, когда нашел документы, лежащие на кофейном столике.

Не говоря ни слова, она протянула руку и разорвала документы о продаже дома у меня на глазах.

Это, наверное, самая значимая вещь, которую кто-либо делал в моей жизни.

Никто не может понять, как много это место значит для меня, как много утешения оно мне предлагает.

Это единственное место, где я мог быть тем ребенком, которым заслуживал быть. Это была зона, свободная от суждений, где я мог просто быть самим собой. Бабушке было все равно, готовил ли я в тишине, позволял ли демонам, которых я хотел оставить позади, сеять во мне хаос. Ее не волновало, что большую часть времени я хотел спрятаться, посидеть в темной комнате в тишине, и она не сказала мне, что я был неправ, сидя и наблюдая, как волны разбиваются о берег, когда луна была высоко в небе.

Она просто позволила мне быть собой.

Точно так же, как Калли...

Я чувствую ее в ту же секунду, как она входит в комнату. Моя кожа покалывает, а яйца жаждут ее, несмотря на то, что я был внутри нее всего несколько часов назад.

Черт. С ней никогда не будет достаточно.

Я не прекращаю то, что делаю, пока кладу на куриные грудки сырную смесь, которую приготовил сам, и заворачиваю их в пармскую ветчину. Это блюдо, которое я с нетерпением ждал всякий раз, когда мы приезжали сюда погостить. Бабушке не потребовалось много времени, чтобы заметить, как быстро я его уничтожил, и она готовила его для меня каждый раз, когда мы останавливались. Мама пыталась повторять это по крайней мере раз в неделю для меня, но у нее никогда не получалось правильно. Или, возможно, просто место было неправильным. Отсутствие звука разбивающихся волн или запаха моря в моем носу все испортило.

Я выкладываю их на противень, прежде чем вернуться к картофелю, который лежит сбоку, ожидая внимания.

— Ты чего-то хотела, Ангел? — Спрашиваю я, мой голос мягкий и спокойный.

Я не хочу с ней спорить. Я не хочу злить ее или рисковать тем, что она обидится на то, что находится здесь со мной. Но я также осознаю, что у нас разные мнения на вещи, и я уверен, что они не раз укусят нас обоих за задницу за время нашего пребывания здесь.

— Эм... — Она колеблется, и я ухмыляюсь, бросая взгляд через плечо и обнаруживая, что она смотрит на меня так, как будто собирается наброситься на меня. — Ты надел рубашку.

— Д-да, ну, мне не очень хотелось добавлять шрамов, пока мы здесь. На самом деле, — быстро поправляю я, — если ты хочешь снова начать размахивать моим ножом, я, возможно, просто передумаю.

Ее губы пару раз открываются и закрываются.

— Я не причиню тебе вреда, Деймон, — в конце концов говорит она.

На мгновение забыв об ужине, я разворачиваюсь и прислоняюсь задницей к стойке.

Мои глаза опускаются вниз по ее фигуре, останавливаясь на ее укороченном топе с короной спереди, изгибе талии, короткой юбке, а затем на ее грешных ногах, которые я жажду почувствовать обвитыми вокруг моего тела.

— Тебе нужно немного солнцезащитного крема, красавица, — указываю я, когда наконец снова поднимаю взгляд к ее глазам, игнорируя ее предыдущий комментарий.

— Уже немного поздно, солнце садится, — указывает она.

Я бросаю взгляд через ее плечо, замечая, что она права и что солнце быстро опускается к морю.

Улыбка растягивает мои губы, когда зловещий образ всплывает в моем сознании.

— Что? — нерешительно спрашивает она.

— Просто представляю, как готовлю тебя к завтрашнему выходу на солнце.

— Что делаешь — ой... о... — Ее губы образуют идеальный круг, когда ее мысли встречаются с моими. — Я подумывала немного позагорать гольшом.

От ее слов у меня подскакивает температура.

— Я могу согласиться с этим, красавица.

— Ха, — бормочет она, подозрительно глядя на меня.

— Что происходит в твоей голове прямо сейчас, Ангел?

— Я просто удивлена, вот и все.

— О чем?

— Что ты не волнуешься из-за того, что чайка мельком увидит мои сиськи.

Смех вырывается у меня из горла.

— Не волнуйся, у меня достаточно боеприпасов для любого маленького ублюдка, который смотрит на то, что ему не следует. Твое тело принадлежит мне, Ангел.

При моих словах ее соски упираются в майку.

— Тебе это нравится, не так ли? Тебе нравится знать, что ты будешь лежать на солнце, а я буду стоять перед тобой на коленях, не в силах отвести взгляд от твоей красоты.

— Деймон, — наполовину предупреждает, наполовину стонет она.

— Ты понятия не имеешь, какую власть имеешь надо мной, не так ли?

Она прикусывает нижнюю губу, изучая меня через комнату.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал, — наконец выпаливает она.

— Что угодно.

На ее губах появляется лукавая улыбка, а глаза искрятся достижениями.

— Что произойдет, если ты не сдашь экзамены? — просто спрашивает она, вводя меня в заблуждение.

— Э-э...

— И даже не думай лгать мне, Николас.

Я колеблюсь, не желая признаваться ей в этом, но у меня нет выбора. Я обещал впустить ее, и у меня есть все намерения — это сделать.

— Папа о-отстранил меня от р-работы, и если я не с-сдам экзамен, тогда...

— Тогда, — настаивает она, наконец, заходя дальше в комнату. Она подходит прямо ко мне и берет мое лицо в ладони. — Что тогда? — шепчет она, когда я не отвечаю.

Я сглатываю, не желая выдавливать слова, но она не позволит мне спрятаться от этого.

— Тогда он собирается зачислить меня в Найтс-Ридж на полный рабочий день в сентябре и заставить меня делать все это снова.

Ее глаза вспыхивают от шока. — И помешать тебе работать? — догадывается она.

Я киваю, боль пронзает меня при мысли о том, что мне придется отказаться от единственной вещи, в которой я хорош в жизни.

— Так вот почему у тебя все дополнительные занятия.

— Я не смогу этого сделать. Мои оценки дерьмовые. И даже еще через два года я сомневаюсь, что справлюсь с этим. Я не был создан для школы, Калли. Я был создан, чтобы пытаться, калечить и наводить ужас на наших врагов.

— Ты сдашь эти экзамены, Николас, — обещает она мне, в ее глазах ярко светится решимость.

— Ангел, я не могу. Я просто—

— Ты мне доверяешь? — спрашивает она, прерывая меня.

— Черт. Ты знаешь, что я это делаю. Но я не доверяю себе.

Отпуская мое лицо, она делает шаг назад, заставляя меня жаждать ее прикосновений в ту же секунду, как я теряю ее тепло.

— Я предлагаю сделку, — заявляет она.

— Продолжай.

— Я помогу тебе с экзаменами, если ты—

— Что, черт возьми, ты вообще можешь от меня хотеть? Все, что я могу тебе предложить, — это оргазмы, — усмехаюсь я.

— Неправильно. Ты можешь предложить мне так много, Николас. Но есть одна вещь, которую я хочу... нет, необходима. — Мои брови изогнуты в ее сторону. — Хорошо, две, потому что я могла бы просто принять эти ранее упомянутые оргазмы.

Я не могу удержаться от смеха над ней.

— В любое время, Ангел. Все, что тебе нужно сделать, это поп—

— Я хочу, чтобы ты обучал меня, — уверенно говорит она, прерывая меня.

— Т-ты хочешь, чтобы я—

— Обучи меня. Научи меня всему, что ты знаешь. Помоги мне защитить себя так, как это могут остальные из вас. Мне чертовски надоело быть слабым звеном в группе. Я хочу постоять за себя. Черт возьми, я хочу быть частью этого. Я сыта по горло— АХ.

КАЛЛИ

Мое сердце бешено колотится, когда Деймон прижимает мое тело между своим и холодной стеной кухни.

Он заломил мне руки за спину и дышит мне в ухо, посылая восхитительную дрожь, пробегающую по моей спине.

— Что ты делаешь? — Я тяжело дышу, звуча как бесстыдная шлюха, когда пытаюсь прижаться к нему задницей.

— Просто смотрю, сколько работы мне предстоит сделать. Кажется, очень много, — шепчет он мне на ухо.

— Я слишком сложная задача для тебя, дьявольский мальчик?

— Никогда. Я люблю разбивать девственниц, — рычит он.

— Держу пари, ты говоришь это всем девочкам.

— Нет другой девушки, кроме той, что прижимается ко мне.

Мое сердце тает от его слов.

— Ты веришь мне, не так ли? — спрашивает он, его голос полон эмоций и честности. — Девушки, с которыми я был раньше, они ничто. Они ничего не значили.

— Николас, — стону я, вырывая руки из пут.

— Знаешь, это было храбро с твоей стороны. Не так много людей, которым я позволил бы связать меня подобным образом. И любой другой, кто попытался бы, до сих пор бы не дышал.

— О Боже.

— Это возбуждает тебя, не так ли? Зная, насколько я опасен.

Я резко сглатываю, не желая давать ему ответ, несмотря на то, что мы оба это знаем.

Одной рукой он держит меня за запястья, другой проводит по моей руке, его пальцы быстро обводят мое горло.

Я задыхаюсь, когда его хватка сжимается настолько, что становится трудно дышать.

Жар заливает меня от этого собственнического жеста, и мои глаза закрываются.

— Скажи мне, красавица, — требует он мрачным и смертоносным голосом, доказывая, насколько он опасен. Он мог бы убить меня вот так — я уверена, без особых усилий. И это знание творит забавные вещи с моими внутренностями.

— Да, — хнычу я. — Это возбуждает меня.

— Что именно?

— Ты. На что ты способен.

Рычание вырывается из его горла, и его вес сильнее давит на меня.

— Ты думаешь о душе, не так ли?

Я киваю, не в силах это отрицать.

— Тебе понравилось, не так ли, мой маленький грязный ангел?

Он отпускает мои руки, и мои пальцы тут же обвиваются вокруг его запястья, отводя его хватку от моего горла.

Я смотрю на красную рану, которая тянется через его ладонь.

— Это мой любимый шрам, красавица. Каждый раз, когда я смотрю на него, я думаю о тебе.

— Ты правша, — шепчу я, и он тут же смеется.

Не желая пропустить эту улыбку, которая появляется на его губах, я разворачиваюсь. Он дает мне пространство, в котором я нуждаюсь, прежде чем снова наклониться ко мне.

— Да, Ангел. Я правша. — Его губы касаются моего уха. — И я думаю о тебе каждый раз, когда обхватываю рукой свой член.

Я задыхаюсь, его слова ударяют меня прямо между ног.

— Запомни это на потом, хорошо?

Он ушел, прежде чем мой мозг успел уловить его движения, и я прислонилась к стене.

Он посмеивается, наблюдая за мной, его эрекция более чем очевидна под его спортивными штанами. От этого зрелища у меня текут слюнки. Но это ничто по сравнению с тем, когда он засовывает руку за пояс. Его веки опускаются, когда он сжимает себя, но дальше этого дело не идет.

— С тобой неинтересно, — дуюсь я.

— Ангел, со мной будет весело, как только я накормлю тебя как следует. У тебя есть привычка портить мне еду, и я не позволю тебе остаться голодной. А теперь либо сиди и смотри, либо иди и делай то, что ты делала.

— Думаю, я лучше посмотрю. Может быть, ты и здесь сможешь научить меня кое-чему.

— Я научу тебя всему, что ты захочешь знать.

Я беру из холодильника напиток, за которым изначально зашла сюда, и выдвигаю стул, чтобы понаблюдать за его работой.

— Твой телефон звонит, — говорю я, пока он раскладывает нашу еду. Вытаскивая его из кармана, я обнаруживаю, что на меня смотрит спокойное стервозное лицо Айлы. — Это Айла.

— Отклони это. Я напишу ей позже.

— Достаточно справедливо. — Я нажимаю красную кнопку и кладу его на стол, чтобы он мог забрать его обратно.

— Это было невероятно, — говорю я, откидываясь на спинку стула и кладя руки на свой раздутый живот.

Самая невероятная улыбка озаряет лицо Деймона от моей похвалы. Это наполняет меня счастьем и удовлетворенностью.

Я все еще должна злиться на него. Наверное, в глубине души я злюсь, но легко забыть реальность за пределами этого дома, этого маленького кусочка рая, в котором я оказалась с ним.

— Еще? — спрашивает он, поднимая бутылку вина, которую поставил в ведро со льдом между нами.

Если бы я не знала лучше, я бы подумала, что мы в каком-нибудь ресторане на пляже. Настолько вкусной была еда и прекрасный вид... что ж, я бы с удовольствием посмотрела на довольного и расслабленного Деймона в любой день недели.

— Вы пытаетесь меня напоить, мистер Деймос? — язвлю я.

— Ты чертовски права. Не то чтобы я считал это необходимым, чтобы поступать с тобой по-своему. — Он подмигивает, и я чувствую это прямо в своем клиторе.

— Ты пытаешься сказать, что я шлюха?

— Нет, Ангел. Я просто говорю тебе, что ты моя.

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, но мой iPad начинает звонить на стуле рядом со мной.

— Черт, — шиплю я, тянусь за ним и нахожу звонок по FaceTime от Стеллы.

— Ответь на это. Дай им знать, что ты все еще жива и здорова, — говорит Деймон, наполняя мой бокал.

— Но—

— Я пойду приберусь. Веди себя хорошо, — предупреждает он.

— Когда это не так? — Спрашиваю я, притворяясь оскорбленной.

— Я беспокоюсь не о тебе, Ангел. Нарушительница спокойствия — Стелла.

— Справедливое замечание.

Я жду, пока он соберет тарелки и почти войдет внутрь, прежде чем провести пальцем по экрану и дождаться звонка для соединения.

— Черт возьми, где ты? — Стелла ахает в ту секунду, когда ее глаза останавливаются на океане позади меня.

Я не могу удержаться от смеха. — Рай.

— Я была взбешена, когда услышала, что твоя сучья мать отправила тебя, но теперь я немного ревную.

— Все определенно могло быть хуже.

— Немного экстремально, тебе не кажется?

Нет, не совсем. — Мама всегда была из тех, кто переходит на следующий уровень. Я даже не могу по-настоящему разозлиться. Я планировала запереться в своем подвале на две недели. Я могу сделать это, сидя здесь.

— Но ты так далеко, — жалуется она, заставляя меня задуматься, знает ли она точно, где я.

— Я вернусь раньше, чем ты успеешь оглянуться. И это не значит, что у тебя там нет никого, кто составил бы тебе компанию. Как все? — Спрашиваю я, беспокойство скручивает мои внутренности.

Возможно, итальянцы охотятся за мной, но я не настолько наивна, чтобы думать, что они не обратят свое внимание на кого-то другого, как только обнаружат, что я была хорошо и по-настоящему спрятана.

— Все хороши. Все парни притворяются, что учатся, но в основном, я почти уверена, они смотрят порно и напиваются.

— Значит, они в квартире Нико, — бормочу я, потянувшись за своим вином.

— О, посмотри на себя.

— Посмотреть на кого? — спрашивает знакомый голос где-то за экраном.

— Калли на небесах, — говорит Стелла, когда Эмми опускается рядом с ней, передавая бутылку сидра.

— Море, солнце... — Говорит Эмми, изучая меня и мое окружение. — Ей чего-то не хватает.

— Господи, вы двое когда-нибудь думаете о чем-нибудь, кроме секса? — Спрашиваю я, мои щеки пылают, зная, что конец заявления Эмми недалек от истины. И, как будто он слушает, Деймон выбирает этот момент, чтобы появиться снова.

— Почти преступно не воспользоваться этим пляжем по максимуму, — бормочет Эмми.

— Я буду иметь это в виду. Может быть, я найду кого-нибудь из местных, кого можно использовать. Завести небольшой курортный роман.

Глубокое рычание вырывается из его горла, когда он хватается за верхнюю часть дверного косяка. Его рубашка задирается, давая мне восхитительный вид этих глубоких V-

образных линий, которые исчезают в его спортивных штанах.

Тьма окутывает его только из-за моих дерьмовых слов, и это заставляет мое сердце биться чаще.

— Черт, это было бы круто. Ты видел кого-нибудь из местных?

— Пока нет. Ранее на берегу тренировался парень. Если он вернется, возможно, мне стоит поговорить с ним.

Мои глаза перебегают с экрана на сердитого парня, который смотрит на меня так, словно собирается напасть в любую минуту.

— Черт возьми, да. Тебе нужно сделать это завтра и достать нам фотографии.

— Не уверена, что Себ и Тео были бы довольны этим.

— Ах, не забивай этим свою хорошенькую головку, — со смехом говорит Стелла. — У нас есть множество способов доказать им, что нам нужны только их члены.

— Верно... хорошо... Как... дела с итальянцами? — Спрашиваю я, рискуя еще раз взглянуть на Деймона.

— Мы все в состоянии повышенной готовности. Ребята считают, что скоро они попытаются напасть на нас. Но все хорошо. Мы готовы.

Я смотрю на них двоих, мое сердце подскакивает к горлу при мысли о том, что они в опасности.

— Я ненавижу быть так далеко, когда дерьмо становится реальным.

— Ты в лучшем месте. Наслаждайся покоем. Черт его знает, если бы мы знали, где ты, мы бы пришли и впали в спячку вместе с тобой.

— Ты бы не справилась без мужских членов, — указываю я, к большому удовольствию Деймона.

— Кому нужен мужской член? У меня есть более чем готовый, который весь твой в обмен на умопомрачительные оргазмы, — предлагает глубокий, знакомый голос на линии.

Паника сжимает мою грудь, я поднимаю глаза на Деймона, который немедленно отпускает дверную раму и вылетает наружу.

Он жестом предлагает мне податься вперед, и я без возражений делаю это, гарантируя, что мое тело заполнит весь экран.

— Нам не нужен твой член, Александр. Я слышала, он гниет из-за всего того мусора, в который ты его засунул.

— Да будет тебе известно, что мой — малышка Си, — радостно объявляет он, протискиваясь между Стеллой и Эмми на диване. — Где ты? Я скучаю по тебе.

— Меня не было один день, — говорю я, закатывая на него глаза.

— Слишком долгий день. Прошлой ночью мне пришлось спать одному. Я скучаю по своему приятелю для обнимашек.

При этих словах брови Эмми и Стеллы приподнимаются.

— Не надо, — предупреждаю я их обоих, прежде чем они начинают. — В типичном ничего не произошло.

— Во всяком случае, не с ним, — тихо усмехается Деймон.

Я бросаю на него убийственный взгляд, когда он расхаживает взад-вперед по настилу, как будто Алекс собирается перепрыгнуть через экран и найти нас здесь вместе.

— Я сломаю ее. Она скоро будет умолять об этом.

— Как скажешь, Деймос.

— Итак, где ты? Я слышу море?

— Э... да. Мама забронировала для меня это безумное место. Это невероятно.

— Разве тебе не одиноко? Все, что тебе нужно сделать, это сообщить мне свое местоположение, и я буду прямо там, крошка.

— Фу, не *называй* ее крошкой, — с содроганием жалуется Эмми. Так ее отец называет ее мачеху, о чем никто из парней не позволяет ей забывать слишком часто.

— Я в порядке. Тем не менее, спасибо за предложение.

Алекс смотрит на меня через экран, и мой желудок сжимается. Клянусь, он видит больше, чем должен быть способен.

— Итак, чем ты занималась? Слишком много учебы делает Калли скучной девчонкой. И мы все знаем, что она заслуживает вечеринки.

— Я в порядке, честно. Мне нужен покой, чтобы просто учиться.

— Но это так весело, когда мы делаем это вместе. Ты же знаешь, тебе нравятся наши занятия в обнаженном виде.

Ладони Деймона опускаются на стол с сердитым стуком, отчего все, что на нем, включая мой iPad, дребезжит. Он смотрит на меня, молча умоляя подтвердить, что это неправда. Я не уверена, зачем это нужно; мы оба знаем, что он наблюдал за нашими учебными занятиями из своего маленького укрытия возле моего подвала.

— Что, черт возьми, это было? — спрашивает Стелла, ее брови сходятся вместе.

— Ничего, — говорю я в спешке. — Я пнула ножку стола. Она чертовски шаткая.

Девочки купились на это, но Алекс выглядит чертовски подозрительно.

— Черт, — говорит он, доставая телефон из кармана. — Мне нужно вернуться туда. Я просто спустился за пивом, которое, по словам Себа, было в холодильнике.

— Да, да, — бормочет Стелла. — Брось нас, почему бы тебе этого не сделать.

— Я обещаю вернуть его тебе хорошим и опустошенным.

— Я же говорила тебе, что они там, наверху, смотрят порно.

— Мы занимаемся извращенным дерьмом, принцесса. Но просмотр порно с групповухой не входит в их число.

— Я не уверена, испытываю облегчение или разочарование, — говорит Эмми, делая глоток сидра. — Но если бы это случилось, вы бы все были голыми со своими членами в руках, верно?

— Господи, — бормочет Алекс, придвигаясь ближе к экрану.

— Как ты думаешь, ты могла бы вообще помочь кому-нибудь еще? Ну, знаешь, если бы им понадобилась дополнительная поддержка?

— Калли, это все твоя вина. Ты одолжила ей эту книгу, — смеется Стелла.

— Я не собираюсь в это ввязываться.

— Какая книга? — спрашивает Алекс.

— Просто возвращайся к своим мальчикам. Скоро увидимся, да?

— Отлично, — вздыхает он, выглядя немного разочарованным тем, что ему приходится уходить. — Просто позвони мне, если я тебе понадоблюсь, хорошо? Мне ненавистна мысль о том, что тебе грустно и одиноко.

— Я обещаю, что со мной все в порядке. — Я рискнула взглянуть на разъяренного быка, который все еще смотрит на меня со злостью и мрачными обещаниями в глазах.

— Если ты так говоришь. Возвращайся скорее, малышка Си. Люблю тебя. — Он посылает мне воздушный поцелуй, прежде чем исчезнуть.

Мы болтаем еще несколько минут, но горящий взгляд Деймона становится все более

невыносимым, и, в конце концов, я говорю им обоим, что мой ужин готов, и вешаю трубку.

— Скажи мне, что он лжет, — рычит Деймон со своей позиции, нависая надо мной с вздымающейся грудью.

— Конечно, он чертовски лжет. Впрочем, ты уже знал это, не так ли?

Его брови сжимаются в замешательстве.

— Как? — рычит он, огибая стол, чтобы добраться до меня.

В спешке я выдвигаю стул из-за спины, готовясь убежать от него.

Страх и возбуждение сковывают мои внутренности, и температура подскакивает.

— Где твое укрытие, Николас? — Я делаю шаг назад за каждый шаг, который он делает вперед.

— М-мое укрытие... о, — смеется он, дьявольская улыбка освещает его лицо. — На деревьях, — признается он.

У меня опускается челюсть от его признания.

— Ты забираешься на дерево, чтобы шпионить за мной.

— Ага. Мне так же потребовалась чертова вечность, чтобы найти подходящее, — рычит он, продолжая двигаться вперед.

Мое тело жаждет его прикосновений, особенно когда он в таком опасном настроении. Но я не позволяю себе сдаваться.

Во всяком случае, пока нет.

— Ты сумасшедший.

— Да, — соглашается он, проводя пальцами по волосам, его глаза обшаривают каждый дюйм моего тела.

У меня немного кружится голова от вина, но это ничто по сравнению с тем эффектом, который оказывает на меня его голодный взгляд.

— Я нашел идеальное место, так что, даже когда ты закрываешь жалюзи, я все еще могу видеть через маленькое окошко в двери.

У меня опускается подбородок, и я таращусь на него.

— У тебя что, нет никаких границ?

Очевидно, что это риторический вопрос, но это не мешает ему ответить.

— Когда это касается тебя? Нет. Ноль. Пшик. Ты моя, Калли. И даже когда ты этого не знала, я знал. Я всегда знал.

— Что, если бы я никогда не узнала? — Спрашиваю я, хотя не думаю, что мне понравится ответ.

— Тогда... ничего. Я бы продолжал наблюдать за тобой, защищать тебя.

— Почему? — Мое сердце болит, зная, что он говорит правду, и мне не нравится, как эта реальность могла бы выглядеть для него.

— Потому что я не мог бы этого не делать, — объясняет он, как будто это имеет полный смысл.

— Это безумие. Что, если бы я встретила кого-нибудь, влюбилась... — Я замолкаю от боли, которая пронзает его глаза при моих словах.

— Так и будет. Однажды это произойдет.

Я едва могу дышать, когда его глаза удерживают мои, тьма в них поглощает меня.

Только когда он стоит прямо передо мной, его теплое дыхание обдаёт мое лицо каскадом, я понимаю, что перестала двигаться.

— Н-нет, этого не будет. Николас, я— Прямо на моих глазах его темная, непроницаемая

маска встает на место, и я проглатываю слова, которые вертятся у меня на кончике языка.

— Раздевайся, — требует он, его голос не оставляет места для споров.

Я не двигаюсь. Я застыла на месте, поймав на себе его полный боли взгляд.

Его движение не замечается, но вспышка лунного света на гладкой стороне его ножа определенно привлекает мое внимание.

— Деймон, что ты— Мои слова прерываются вздохом, когда лезвие разрезает мой топ, и всего секунду спустя оно быстро расправляется и с лифчиком.

Мои груди вываливаются на свободу на мгновение раньше, чем ощущается жжение от небольшого пореза, который он мне нанес.

— Черт, — ворчит он, его взгляд прикован к маленькому пузырьку крови, который появляется.

— Все в порядке, это—

Он опускается передо мной на колени, и его язык касается кожи прямо под порезом, прежде чем он проводит по нему, собирая кровь.

— Черт возьми, дьявольский мальчик, — тяжело дышу я, мои соски твердые, как стекло, когда его язык проникает в маленький порез, заставляя меня вздрагивать.

Его пальцы быстро расстегивают пуговицу на моей юбке, прежде чем он стягивает ее и трусики с моих ног, оставляя меня голой посреди пляжа.

Откинувшись на корточки, он смотрит на меня с благоговением, его кулаки сжимаются на бедрах, как будто он сдерживает себя от чего-то.

— Беги, — рычит он, но у меня кружится голова, и я едва улавливаю слово.

— Что?

— Беги. И если ты благоразумна, ты, блядь, не остановишься, чтобы позволить мне поймать тебя.

Мое сердце подскакивает к горлу, прежде чем я делаю шаг назад. Прохладный вечерний воздух обвевает меня, заставляя мою кожу покрываться мурашками и посылая сильную дрожь по спине. Хотя это может быть связано с опасностью, исходящей от парня, стоящего передо мной на коленях.

— Три, — начинает он, и я снова отступаю. — Два.

— Николас. — Его ноздри раздуваются при звуке его имени, слетающего с моих губ.

— Один.

Крик срывается с моих губ, и я убегаю, когда он вскакивает на ноги, чтобы последовать за мной.

Я не оглядываюсь назад, пока мои ноги не касаются ледяной морской воды, и когда я это делаю, он срывает с себя одежду, когда шагает ко мне, его длинные ноги поглощают пространство гораздо быстрее, чем я ожидала.

10

ДЕЙМОН

Взволнованный крик Калли наполняет тишину вокруг нас, когда она бросается в воду.

Она должна быть напугана. Большинство взрослых мужчин в ужасе смотрят мне в глаза, когда я погружаюсь в это темное, разрушительное место внутри меня. Но не мой ангел.

Каким-то образом она видит больше, чем кто-либо другой.

Это чертовски страшно. Это волнующе. Это... черт.

Вода касается моих икр, когда я бросаюсь в море за ней, но я почти не чувствую

холода. Мой взгляд прикован к моей девочке, когда она пытается убежать от меня.

— Срань господня, — ахаю я, когда мои яйца опускаются в воду, температура внезапно становится более чем очевидной.

Однако вскоре все забывается, когда я наконец обнимаю Калли за талию и притягиваю ее спиной к себе.

— Бежала недостаточно быстро, Ангел, — рычу я ей на ухо, продолжая вести нас дальше, вода доходит мне до пояса.

— Может быть, я никогда на самом деле не хотела сбежать. — Она тянется сзади, ее пальцы запутались в моих волосах и прижимают меня ближе. — Может быть, мне нравится быть твоей пленницей, дьявольский мальчик.

Глубокое рычание вырывается из моего горла за секунду до того, как я бросаюсь вперед, погружая нас обоих в ледяную воду.

Поворачивая ее в своих объятиях, я располагаю ее так, что, когда мы снова всплываем на поверхность, ее ноги обвиваются вокруг моей талии, а ее киска находится именно там, где я хочу.

— О Боже мой, — выплевывает она, вытирая воду с лица. — Это чертовски хол— Мои губы захватывают ее, обрывая слова, в то время как мои пальцы погружаются глубже в ее задницу, притягивая ее ближе.

Я провожу языком по ее губам, отыскивая ее собственный и позволяя себе утонуть в ней.

Мой гнев угасает с каждым прикосновением ее губ к моим, ее свет прогоняет часть моей тьмы.

Мысли о ней с кем-то другим, с Алексом... они пробуждают во мне собственническую, психотическую часть меня, которую даже я немного боюсь.

Это было терпимо до того, как я попробовал ее на вкус.

Но теперь она моя, даже если это ненадолго, я не уверен, что переживу, наблюдая, как она уходит, что ей неизбежно придется сделать.

Я недостаточно хорош для нее.

Эван и Нико никогда не позволят этому случиться.

У них есть план на ее счет, и я точно знаю, что я не часть этого.

Мне просто нужно взять то, что я могу. Подарить себе достаточно воспоминаний в надежде, что этого будет достаточно, когда придет время.

Боль пронзает мою грудь, но затем она прижимается ко мне бедрами, и я возвращаюсь в настоящее, напоминая, что в эту самую минуту в моих объятиях именно то, чего я всегда хотел.

— Черт возьми, Ангел. Ты — все, — стону я в наш поцелуй, пока вода продолжает плескаться у наших плеч.

Высвобождая одну руку от ее задницы, я просовываю ее между нами, прижимая головку моего члена к ее входу.

— Николас, — стонет она, когда я легко проскальзываю в нее.

— Грязный маленький ангел, — стону я, ее тепло окружает меня и оживляет все мое тело.

Ее хватка на моих волосах усиливается, и она издает самый невероятный, наполненный похотью стон, когда я тяну ее вниз, чтобы она полностью села на мой член.

— Скажи мне, что ты не занималась голышом с моим братом, — требую я у ее губ.

— Конечно, нет. Единственный человек, с которым я была обнаженной, — это ты, — говорит она между вздохами, когда я медленно выхожу из нее.

— Лгунья.

— Ч-что? — спрашивает она, в замешательстве хмуря брови.

— Алекс видел тебя обнаженной. Как и все остальные.

— Нет, они... купание нагишом, — говорит она со вздохом.

Удерживая ее одной рукой, я обхватываю другой ее горло, мои глаза прыгают между ее.

— Мне не нравится, когда другие видят то, что принадлежит мне, Ангел.

— Н-никто не с-смотрел, — заикается она, когда я ускоряю темп.

— Я не думаю, что это было так.

— Черт возьми... Меня не интересует Алекс.

Ее глаза удерживают мои, позволяя мне увидеть в них честность.

— Почему? — настаиваю я, желая услышать, как она это скажет.

— П-потому что я хочу тебя, — кричит она, когда я врезаюсь в нее так сильно, как только могу.

— Черт возьми, да, — рывкаю я в ночь. — ЧЕЕЕРТ.

Мои бедра входят и выходят из нее так быстро, как я могу, с силой волн, пытающихся утащить нас в море.

Я заявляю права на ее губы, мой язык погружается в ее рот, имитируя то, что происходит под поверхностью.

— Не могу насытиться тобой, Ангел.

— Николас, — кричит она, подстегивая меня.

— Зависимый. Никогда не хочу тебя отпускать.

— Так что не надо. Я твоя.

— Черт. Если бы только это было правдой.

Моя хватка на ее горле усиливается, когда мои яйца начинают подтягиваться, я проигрываю борьбу даже с холодом, отчаянно пытающимся вонзить в меня свои когти.

— Кончай для меня, красавица. Я хочу слышать, как ты выкрикиваешь мое имя, чтобы вселенная знала, что ты моя. *По крайней мере, сейчас.*

— Николас, — выдыхает она, ее глаза широко распахнуты, как будто она в восторге от меня. Это сводит с ума, потому что это почти заставляет меня думать, что я мог бы быть кем-то. Кем-то. Но затем я толкаюсь бедрами и вспоминаю, что она реагирует всего лишь на мой член. Когда ее киска сжимает меня, как тиски, я позволяю всем этим ядовитым мыслям выпасть из моей головы и утонуть в ней. Мой ангел, мое все.

— Громче, — требую я, стиснув зубы, чтобы попытаться сдержать свое освобождение.

— Николас, — плачет она, но мне этого все еще недостаточно.

— Расскажи гребаному миру, Калли. Кому ты принадлежишь?

— Ты, Николас. ТЫ, — кричит она, ее влагище сжимает меня невероятно крепко, когда ее тело сотрясается. — О Боже мой, — кричит она, когда на нее обрушивается оргазм. Волна за волной удовольствия захлестывает ее, вытягивая из меня мое собственное.

— Черт, Ангел. Черт. Черт. КАЛЛИ, — мой голос эхом отдается в темном ночном небе.

Мой член яростно дергается внутри нее, когда удовольствие прогоняет последнюю частичку тьмы, которая пыталась поглотить меня.

Отпуская ее горло, я обнимаю ее, крепко прижимая к груди, напоминая себе, что прямо сейчас она моя. Она здесь, и она вся, черт возьми, моя.

Я просто должен молиться, чтобы все это не закончилось слишком быстро.

Ее горячее дыхание касается моей шеи, когда я смягчаюсь внутри нее. Но поскольку толчки от ее освобождения заставляют ее киску сжиматься, вскоре я готовлюсь ко второму раунду.

К сожалению, у тела Калли, похоже, другие планы, поскольку она дрожит рядом со мной.

Запуская пальцы в ее волосы, я отрываю ее лицо от изгиба своей шеи и смотрю, как стучат ее зубы.

— Черт, красавица.

— Я-я в п-порядке.

— Много лет назад я поклялся, что всегда буду заботиться о тебе.

Крепче прижимая ее к себе, я вывожу нас из воды. Не обращая внимания на нашу одежду, я шагаю по песку, с нас обоих капает морская вода, когда мы входим в дом.

Она взбирается на меня, как паукообразная обезьяна, и я не могу не задаться вопросом, как долго у меня будет возможность таскать ее вот так.

Заметив бутылку любимого виски моего дедушки в шкафу, мимо которого мы проходим, я тянусь за ней и направляюсь к душе в главной ванной комнате.

Ее губы скользят вверх и вниз по моей шее, когда мы двигаемся, и рычание вырывается глубоко из моего горла, когда она впивается в меня зубами.

— Дьявол, — бормочу я.

— Интересно, откуда я это взяла, — слегка бормочет она, когда я кладу ее задницу на стойку и неохотно отпускаю ее.

Стон неодобрения вырывается из ее горла, и она быстро тянется ко мне, ее пальцы впиваются в мои предплечья.

Мое сердце тает, когда я смотрю на нее, дрожащую передо мной. Ее щеки ярко-красные, губы припухшие, а соски такие твердые, что ими можно резать стекло.

Но затем я опускаю взгляд ниже, и у меня перехватывает дыхание при виде моей спермы, капающей из ее набухшей киски.

Черт. Я сделал это.

— Вот, — говорю я, откручивая крышку виски и передавая ей бутылку.

Но она не делает ни малейшего движения, чтобы забрать ее у меня.

— Это согреет тебя изнутри. Поверь мне. — Я подмигиваю, подношу бутылку к губам и делаю пару глотков, прежде чем передать ее обратно. Тепло стекает по моему горлу, прежде чем поселиться в животе, именно так, как я ей и обещал.

На этот раз ее пальцы касаются моих, когда она берет бутылку.

— Хорошая девочка.

Я опускаюсь перед ней на колени, едва замечая, как кусаются плитки.

— Тьфу, черт. Это отвратительно, — жалуется она, проглотив порцию виски. — Как ты это пьешь — о Господи. Деймон. — Ее крики наполняют комнату, когда я раздвигаю ее колени и провожу языком по всей длине ее влагища. — Это... ты...

Просто чтобы доказать свою точку зрения, я опускаюсь ниже, облизывая языком ее вход, пробуя нас обоих.

Ее глаза вспыхивают жаром, когда она смотрит на меня глазами, полными похоти.

— Выпей еще, — требую я, обводя ее взглядом вдоль всего тела.

— Но это... — Ее слова прерываются, когда наши взгляды встречаются. Вместо того

чтобы спорить, она просто подносит бутылку к губам, делая еще один глоток, прежде чем ее лицо искажается от отвращения, когда обжигающий алкоголь попадает ей в горло. — Фу.

— Доверься мне, — бормочу я, прежде чем обхватить ее руками за задницу и подтащить ближе к краю.

Бутылка со стуком падает на стойку, прежде чем ее пальцы обхватывают гранит, когда я, черт возьми, почти отрываю ее от этой штуковины, нуждаясь в большем.

Мой язык снова находит ее клитор, и я кружу по нему, пока она не выкрикивает мое имя.

— Черт, мне нравится заставлять тебя кричать, — говорю я, отстраняясь и глядя на нее снизу вверх, когда я толкаю два пальца внутрь нее.

— Так почему же ты тогда останавливаешься? — она тяжело дышит, ее глаза горят похотью, а грудь вздымается.

— Чертовски хороший вопрос.

Я сжимаю пальцы внутри нее, сильно посасывая ее клитор, и всего через несколько минут она кричит, наполняя тихий дом своими криками.

В ту секунду, когда она заканчивает, я встаю, прижимаюсь губами к ее губам и поднимаю ее со стойки. Она стонет, когда пробует себя на моем языке, но не отстраняется.

У меня были все намерения приготовить для нее душ, чтобы помочь ей согреться, когда мы впервые вошли сюда, но все пошло насмарку, когда я захожу за ширму и поворачиваю ручку, позволяя нам обоим снова обдаться ледяной водой.

— О Боже мой, — кричит она, отрывая свои губы от моих.

— Я согрею тебя, Ангел.

Прижимая ее спиной к стене, я быстро меняю наше положение, прежде чем войти в нее.

— О Боже. Это—

— Горячо. Невероятно. Умопомрачительно. Потрясающе, — предлагаю я.

— Я собиралась сказать «чувствительно», но да, все вышеперечисленное, — говорит она со смехом.

— Я могу продолжать всю ночь, красавица. Только представь, каково это будет тогда.

Каким бы ни был ее ответ, он прерывается, когда я снова завладеваю ее ртом.

Я трахаю ее как дикарь, мои руки не знают, куда они хотят вцепиться, мои зубы и губы отмечают каждый участок кожи, к которому прикасаются, пока она требует большего, а мои стоны смешиваются с моими стонами удовольствия.

Это, блядь, все.

Но этого все еще недостаточно, и я почти уверен, что этого никогда не будет.

Она цепляется за меня, когда я ставлю ее обратно на ноги, не доверяя своим ногам, чтобы удержать ее.

Счастье охватывает меня, когда я смотрю в ее большие голубые глаза.

— Привет, — застенчиво говорит она.

— Привет, красавица, — шепчу я, на мгновение лишаясь дара речи, поскольку на меня давит то, что я провел это время с ней.

Ее глаза фокусируются на моих, когда она прикусывает нижнюю губу, изучая меня.

— Что случилось?

Мое сердце учащенно бьется от всего, что я хочу ей сказать, от всех обещаний, которые я хочу ей дать, но знаю, что не могу.

— Не прячься от меня, дьявольский мальчик, — предупреждает она.

Подавляя эмоции, комом стоящие у меня в горле, я рассказываю ей лишь малую толику того, что в данный момент крутится у меня в голове.

— Я бы хотел, чтобы мы могли убежать и просто быть вдвоем. Навсегда.

— Николас, — говорит она, беря мое лицо в ладони и бросая на меня милый щенячий взгляд, который каждый раз растопляет мое сердце.

— Не надо, Ангел. Не притворяйся, что это реально, — умоляю я.

— Но это так, — возражает она. — Я хочу этого.

На моих губах появляется улыбка, когда я позволяю себе поверить всего на несколько секунд, что это возможно.

Но затем еще одна дрожь пробегает по ее спине, и я вспоминаю, чем мы здесь занимались в первую очередь. Я тащу ее под поток горячей воды, падающий сверху.

— Тебе нужно согреться, — говорю я, проводя руками по ее грешному телу, в то время как мои губы находят ее шею, позволяя себе утонуть в мыслях об этом, продолжающемся за пределами этого пляжного домика.

Это несбыточная мечта, я знаю, что она ускользнет у меня из рук в ту же секунду, как нас призовут вернуться домой.

11

КАЛЛИ

Крик вырывается из моего горла, и мои глаза распахиваются, но у меня не появляется шанса что-либо разглядеть, потому что что-то накрывает мою голову, перекрывая мне обзор.

— Отвали от меня, — кричу я, мое тело бьется, руки и ноги молотят в надежде, что этого может быть достаточно, чтобы отбиться от того, кто это.

Но это бесполезно.

Всего за несколько секунд мое тело прижимается спиной к твердому телу, и пара рук обхватывает меня, останавливая от борьбы.

Паника захлестывает меня, затягивая в свои уродливые тиски и не давая мне отреагировать таким образом, который мог бы помочь мне выбраться из этой ситуации.

Меня тащат через всю комнату, в то время как мои ноги продолжают пытаться установить с ним контакт в надежде... на что-то. Но я замираю, когда меня осеняет осознание.

Если кто-то проник сюда и похитил меня, то что случилось с...

— ДЕЙМОН, — кричу я, моя предыдущая паника ослепляет меня, когда я думаю о том что они доберутся до него первыми. — ДЕЙМОН.

Низкое рычание раздается от мудака позади меня, когда моя нога, наконец, сталкивается с его голенью, но в ту секунду, когда звук достигает моих ушей, я замираю.

— Ты гребаный придурок, — визжу я, едва в состоянии выдавить слова из себя от шока.

Внезапно на меня обрушивается все, чего я не заметила в ту секунду, когда меня подняли с постели. Его запах, то, как его тело прижимается к моему. Его гребаный стояк прижимается к моей заднице.

Его низкий смешок позади меня только еще больше бесит меня.

— Во что, черт возьми, ты играешь?

Внезапно он разворачивает меня и одним быстрым толчком в плечи заставляет упасть на песок, на котором мы сейчас стоим, с недовольным стоном.

Мне едва удастся сорвать мешок с головы, прежде чем он приземляется на меня сверху,

прижимая мои бедра к песку и падая на его руки, которые опускаются по обе стороны от моей головы.

Он смотрит на меня сверху вниз, его глаза полны веселья, а на губах играет ухмылка, от которой мне хочется забыть о том, что я на него злилась.

Его улыбка — моя главная слабость, рядом с его уязвимостью, и я думаю, он это знает. Черт бы его побрал.

— Подумал, что нам следует начать твоё обучение.

— Похитив меня из моей собственной постели? — Моя грудь вздымается от его близости и этого веселого блеска в его глазах, чего он не упускает, когда его взгляд опускается туда, где мои твердые соски прижимаются к его футболке, в которой он потребовал, чтобы я спала прошлой ночью.

— Что? Холодно, — шиплю я.

Его смех снова наполняет воздух, и моя кожа покрывается мурашками.

— Конечно. Это тоже влияет на то, насколько влажной становится твоя киска, красавица?

Я скриплю зубами от его слов.

— Ты милая.

— Я не такая. Я злая.

— Именно. Ты милая, когда злишься.

— Я не, я — Мои слова обрываются, когда его губы находят мои.

Я сдерживаю себя добрых двадцать секунд, но я бессильна сопротивляться ему, когда его язык проникает глубже в мой рот, и он рычит, произнося мое имя.

Он целует меня до тех пор, пока я не растаю для него, полностью в его власти и отчаянно хочу большего, прежде чем он снова поменяется со мной ролями, каким-то образом умудряясь перевернуть меня под собой и заломить мои руки за спину, делая меня бесполезной.

— Да, хорошо. Ты высказал свою гребаную точку зрения, — шиплю я, сучая по его губам больше, чем, я уверена, это нормально. — Теперь научи меня, как это исправить.

Он наклоняется надо мной, его твердый член трется о мою задницу, а его обжигающее дыхание сбегает по моей шее, заставляя меня дрожать под ним.

— Я научу тебя всему, чему ты захочешь, красавица. И я действительно надеюсь, что ты сделаешь это больно.

— Психопат, — бормочу я, к его большому удовольствию. — Это должно было быть оскорблением.

— Помни, с кем ты разговариваешь, Ангел. Боль и пытки почти так же важны для меня, как воздух и вода.

— Тогда покажи мне, как сделать больно, дьявольский мальчик.

Как будто я для него не более чем тряпичная кукла, он подхватывает меня и ставит на ноги.

— Тогда покажи мне, на что ты способна, красавица, — говорит он, разводя руки в стороны, чтобы дать мне легкий шанс.

Я усиливаю свой свирепый взгляд, пробегая глазами по его соблазнительному телу.

Он снова прячется за своими черными доспехами, и мне это не нравится.

— Я не посажу тебя на задницу, пока не надену нижнее белье, — уверенно заявляю я, как будто у меня есть хоть малейший шанс сделать это.

— На мой взгляд, ты идеально одета.

— Мне ты кажешься чересчур разодетым, — возражаю я.

— Отлично. — Он ухмыляется, протягивая руку за спину, чтобы стянуть с себя рубашку. — Мы в расчете? — спрашивает он.

Мой взгляд опускается на его грудь, пожирая дюймы загорелой кожи передо мной.

Каждый из его шрамов заставляет мое сердце болеть за него, а тайна, скрывающаяся за большинством, заставляет мою голову кружиться от возможностей.

Особенно ожоги.

— Таким образом, когда я верну тебя под свое начало, я получу легкий доступ к тому, чего я хочу больше всего.

Его высокомерная ухмылка заставляет мои кулаки сжиматься, и он не пропускает этот движение.

— Тогда давай, Ангел. Я хочу увидеть огонь, который ты прячешь внутри. Я знаю, что он там. Я видел его.

Я смотрю на него, когда он подкрадывается ближе.

— Я хочу испытать, что ты на самом деле чувствуешь каждый раз, когда понимаешь, что тебя держали в неведении. Я хочу знать, какой бесполезной ты себя чувствуешь каждый раз, когда мы говорим тебе оставаться дома, когда мы запираем тебя, как бесполезную маленькую принцессу, и держим завернутой в вату.

— Деймон, — рычу я, гнев сжимает мои внутренности, моя кровь начинает кипеть.

— Ты хочешь вырваться на свободу, красавица? Ты хочешь показать своему отцу, Нико, всем парням, что ты не из тех, кого следует упускать из виду? Ты хочешь доказать свою ценность, показать, что ты такая же способная, как Стелла и Эмми?

Рычание гнева вырывается из моего горла, когда я бросаюсь на него.

Я не совсем бесполезна. Девочки неделями учили меня основам. Я умею наносить удары, и, вероятно, в этот момент я могла бы уложить слабого противника. Но у меня нет никаких намерений выступить против кого-то слабого. Я хочу сразиться с сильными, могущественными и самыми грозными мужчинами в нашем городе. Я хочу победить дьявола, а затем наблюдать, как он превращается обратно в парня, в которого я влюбляюсь быстрее, чем я думала, что это возможно, когда он смотрит на меня с гордостью и благоговением в глазах, потому что он действительно понимает, что я не просто какой-то невинный ангел, посланный произвести на свет маленьких наследников Чирилло.

Мой кулак опускается на его ребра, и с его губ срывается ворчание, а глаза расширяются от удивления силой, стоящей за этим.

Его руки инстинктивно поднимаются, защищая свое тело, но я быстро уворачиваюсь от них.

— Ты собираешься быть помягче со мной, Дьявол? — Я насмехаюсь, когда он не делает ни малейшего движения, чтобы нанести ответный удар, несмотря на то, что костяшки моих пальцев ободраны, а по спине катится пот.

Солнце едва поднялось над горизонтом, но я таю. Небо вокруг нас приобретает красивый оранжевый оттенок, когда все начинает оживать.

— Мы тренируем тебя, а не меня.

— Тогда мне нужен настоящий противник, а не слабак, который слишком напуган, чтобы идти ва-банк.

— Ты называешь меня слабаком, красавица?

— Да, я это сделала. Большой, плохой солдат мафии, слишком напуганный, чтобы идти против принцессы. — Мы оба знаем, что это чушь собачья — во мне нет ничего, что пугало бы его, — но забавно притворяться, когда он стоит там, принимая мое избиение.

Он смеется, и это на краткий миг захватывает мое внимание, позволяя ему взять контроль в свои руки.

Его кулак находит мой живот самым легким ударом, который, я уверена, он когда-либо наносил в своей жизни.

— Киска, — шиплю я, возвращая его удар апперкотом в челюсть.

Дикий рев наполняет воздух, прежде чем он, наконец, отпускает удерживающие его кандалы, и мы действительно начинаем действовать.

— О Боже мой, — выдыхаю я после добрых пятнадцати минут перепалки. Его руки обнимают мое тело, совсем как тогда, когда он вытащил меня из дома этим утром, с меня льет пот, а волосы прилипают к лицу.

— Прекрати это, — требует он.

— Я не могу, — тяжело дышу я, все мое тело дрожит от напряжения.

— Для начала топни мне по ноге, красавица. Если это будет достаточно сильно, моя хватка может ослабнуть. Затем бей по яйцам. Самый быстрый способ поставить мужчину на колени, но, я думаю, ты это уже знала.

— Я не буду бить тебя по яйцам, — возражаю я.

— Ты должна после того, как я с тобой обращался, — мрачно признается он мне на ухо.

— Возможно. Но этого все еще не произойдет.

— Отлично. Мы притворимся, но только потому, что мне нужно, чтобы мой D был полностью исправен. Хотя это единственное, с чем я тебя отпускаю.

— Прекрасно.

Я долго не шевелюсь в надежде, что он потеряет концентрацию, когда солнце поднимется выше в небе и чайки начнут вылетать, чтобы целый день пронзительно кричать и воровать еду, где только смогут ее найти.

Когда я чувствую, что он немного расслабляется, положив подбородок мне на плечо, я поднимаю ногу и опускаю ее так сильно, как только могу без обуви.

Его шокированный вздох пререзает воздух, и его руки ослабевают настолько, что я поворачиваюсь. Я не поднимаю колено, хотя не могу отрицать, что испытываю искушение, просто посмотреть, чем это могло бы закончиться, если бы я отнеслась к этому более серьезно. Вместо этого я бью его кулаком в живот, заставляя его наклониться — я думаю, это делается, чтобы подшутить надо мной, потому что я не могу представить, что это действительно больно, — давая мне время, необходимое, чтобы вытащить нож, который, я знаю, прячется у него в кармане.

Я раскрываю лезвие, когда он снова встает в полный рост, и в его глазах вспыхивает гордость.

— Черт возьми, да, Ангел, — говорит он с широкой улыбкой, его грудь вздымается, а кожа блестит на утреннем солнце.

Тепло разливается по моим венам, когда он смотрит на меня так, как будто я совершенно другой человек на несколько секунд.

Я настолько потерялась в его глазах, что не осознаю, что он пошевелился, пока его нож не вырывается у меня из пальцев и я не оказываюсь в его объятиях.

— Ты чертовски идеальна, Калли, — говорит он мне за секунду до того, как завладевает

моими губами и ведет меня... куда-то.

Он укладывает меня, и когда я открываю глаза, я вижу только чистое, голубое небо надо мной.

Он обхватывает мои ноги вокруг своей талии и скользит руками вверх по моим бедрам, снимая с них футболку, пока не стягивает ее через мою голову, оставляя меня голой, растянутой на внешнем столе.

Приподнимаясь на локтях, я смотрю, как он сбрасывает спортивные штаны и хватается за свой твердый член.

— Смотреть на тебя с ножом чертовски возбуждает меня, Ангел, — признается он, потирая головку своего члена сквозь мою влажность и толкаясь внутрь.

Мое тело дрожит, но я остаюсь на месте, наблюдая, как он предъявляет права на меня самым первобытным способом.

— Я сделаю из тебя самую жестокую принцессу на сегодняшний день, красавица. Каждый ублюдок будет бояться тебя, — обещает он, и я опускаюсь на стол, полностью отдаваясь ему.

После того, как мы подарили всем парящим над нами чайкам утро, которое они, вероятно, еще долго не забудут, мы направились внутрь, чтобы смыть пот и песок, хотя я не могу отрицать, что это было не до того, как мы продолжили нашу тренировку в душе, как и накануне вечером.

Я обнаруживаю, что в эти дни у меня появилась совершенно новая любовь к принятию душа, и вид, которым я одарена в виде тела Деймона, является лишь частью этого.

Он приготовил нам обоим полный английский завтрак, прежде чем, наконец, согласился позволить мне помогать ему в учебе.

Я подумала, что, поскольку нам некуда было идти, ему будет трудно отказаться от моей помощи, но, к моему удивлению, он был более чем готов принять ее, при условии, что я проведу сеанс в нижнем белье. Что-то подсказывает мне, что насмешки Алекса по поводу учебы голышом засели у него в голове. Но, хотя это, возможно, не мой обычный выбор, я не в силах отказать в его просьбе, особенно когда я знаю, что принятие моей помощи уже выходит за его пределы.

Итак, я разделась до нижнего белья, и он потащил меня сесть между его бедер на диван, видя, что солнце решило скрыться за толстым слоем облаков, пока мы забывались в душе.

Неудивительно, что при правильном поощрении Деймон оказался более способным, чем он когда-либо мог себе представить.

Да, он может испытывать трудности в учебе, но он далеко не так бесполезен или глуп, как он думает. Ему просто нужно сосредоточиться и получить правильное вдохновение..., например, лучший минет, который он когда-либо получал, если он правильно ответит на все вопросы.

Я имею в виду, что на самом деле это не так сложно. И это, безусловно, веселее, чем учебные занятия, которые мне пришлось отменить с Джеромом на этой неделе.

К тому времени, когда солнце снова начало садиться, мы свернулись калачиком на шезлонгах снаружи, сплетя конечности, и просто расслабились, пока облака плыли по небу и из дома доносилась музыка.

Это был рай. И я никогда не хотела, чтобы это заканчивалось.

Но, как бы я ни молилась, чтобы этого не произошло, осознание того, что мы всего лишь на время задержались в этом маленьком уголке рая, который мы создали для себя, никогда не выходит у меня из головы.

В какой-то момент возвращение станет безопасным, и я действительно не знаю, как это будет выглядеть.

Деймон не раз говорил о том, что не может удержать меня, и, хотя каждый раз, когда он это говорит, мое сердце разрывается на части, у меня не хватает смелости затронуть эту тему.

Я знаю, чего я хочу. Я хочу бороться за это. За нас. За него.

Но что-то подсказывает мне, что он не собирается соглашаться, и мое сердце разорвется на куски, когда я услышу, как он это говорит. Поэтому я пока держу свои слова при себе, потому что хочу наслаждаться этим, пока оно у нас есть. Время суровой реальности, с которой нам предстоит столкнуться, наступит быстрее, чем я готова, в этом я не сомневаюсь.

Но пока мы можем притворяться.

12

КАЛЛИ

Что-то пугает меня, и я просыпаюсь с бешено колотящимся сердцем и охватившей меня паникой, точно так же, как в то утро, когда Деймон разбудил меня, напугав до чертиков. Но каждый раз даже шум не вырывает меня из сна. Это просто мое подсознание пытается заморочить мне голову.

И каждый раз, когда это случалось, он был прямо здесь, рядом со мной. Обычно бодрствующий, наблюдающий за мной и совершенно невозмутимый, заставляя меня мгновенно расслабиться.

Я переворачиваюсь, ища своего личного телохранителя, но все, что я нахожу, это холодные, пустые простыни, когда провожу по ним рукой.

Открыв глаза, я моргаю в темноте, оглядываясь в поисках подсказок о том, где он, но ничего не нахожу. Ну, пока где-то в конце коридора не раздастся голос.

Свесив ноги с кровати, я тянусь за рубашкой Деймона, которая была брошена на полу перед тем, как мы вместе упали в постель голыми, однако много часов назад.

Мое тело нестерпимо болит как от наших ежедневных тренировок, так и от наших секс-пирушек после них.

Я всегда была активной, занималась гимнастикой и черлидингом, но тренировки Деймона действуют немного по-другому.

Мы здесь уже пять дней, и я ненавижу то, что каждое утро, просыпаясь, я не могу не задаваться вопросом, не сегодня ли тот день, когда все это закончится.

Деймон пару раз связывался с моим отцом, и каждый раз, когда они разговаривают, я просто жду новостей о том, что нам нужно вернуться домой, но этого пока не произошло.

Часть меня отчаянно хочет, чтобы этого никогда не случилось.

К черту школу. К черту реальную жизнь. Мы просто останемся здесь и создадим себе будущее, в котором будем только мы вдвоем и никаких врагов, которые захотят встать между нами.

Но я знаю, что это не наша реальность.

Мы должны вернуться. В основном для того, чтобы Деймон мог сдать экзамены и

вернуть себе жизнь, к которой он так отчаянно стремится.

Как бы сильно меня ни пугала его работа, я знаю, что это тот, кто он есть.

Я вижу страх в его глазах каждый раз, когда мы говорим об экзаменах или будущем, потому что он действительно верит, что у него все отберут.

Я пыталась сказать ему, что Дэмиен и Стефанос изменят свое мнение. Они ни за что не захотят прожить следующие два года без Деймона в своей команде, но он убежден, что они настроены серьезно. Что это сдача экзаменов или ничего. И я не буду лгать, я в ужасе от того, что произойдет, если он провалится. В Деймоне есть тьма, которую даже мне пока не удалось раскрыть, но я беспокоюсь, что его неудача заставит его окунуться в нее с головой.

Оставив свет выключенным, я выхожу из комнаты в поисках своего мужчины.

Кажется, что с кухни доносится еще один шум, поэтому я направляюсь туда, руководствуясь только светом луны.

Я нахожу его одетым в черное, склонившимся над сумкой и роющим внутри, и мое сердце подскакивает к горлу, что что-то могло случиться, что он собирается улизнуть, пока я сплю.

— Что ты делаешь? — Спрашиваю я, меня гложет паника.

Он в испуге вскакивает, но я быстрее его. Я бросаюсь вперед, врезаюсь ему в грудь с такой силой, что он отшатывается к стене. Приподнимаясь на цыпочки, я прижимаюсь губами к его губам, одной рукой сжимая его рубашку и крепко прижимая его к себе, в то время как другая опускается ниже в жалкой попытке убедить его остаться.

Его шок заставляет его на мгновение заколебаться, но в ту секунду, когда мои пальцы касаются его члена, его губы прижимаются к моим, и он быстро твердеет в моей руке, стон вырывается глубоко из его горла.

— Не бросай меня, — умоляю я в наш поцелуй.

Внезапно комната вокруг нас освещается, прожекторы сверху бьют мне в глаза, заставляя их слезиться.

Но прежде чем мой мозг успевает понять, что, черт возьми, происходит, меня тянут назад за рубашку и прижимают к другому твердому телу.

— Что за—

— Что, черт возьми, ты делаешь? — рычит Деймон, обещание неминуемой смерти сочится из каждого слова, когда мои глаза наконец фокусируются.

— О, черт, — выдыхаю я, уставившись на владельца тела, к которому я только что приставала.

— Братан, я ничего не делал, — говорит Алекс, поднимая руки в знак капитуляции.

Моя грудь вздымается, а голова кружится, когда я стою там между ними двумя, руки Деймона сомкнуты вокруг моей талии, как будто он думает, что ему нужно физически удерживать меня от своего брата.

— Ты твердый, — указывает Деймон, и, конечно, у меня опускаются глаза, черт возьми.

— О Боже мой, Деймон, это—

— Она прикоснулась к нему. Какого хрена ты от него хотел? Съежиться в моем теле? Господи.

— Ты прикасался... Клянусь Богом, я собираюсь убить—

— Деймон, нет, — кричу я, когда он отпускает меня и бросается к Алексу, сжав кулаки и расправив плечи, готовый к бою.

Мне удается прыгнуть между ними как раз вовремя.

Мои руки опускаются на обнаженную грудь Деймона, и я смотрю в его темные, затравленные глаза.

— Все в порядке, — шепчу я. — Я подумала, что он — это ты. Было темно, и я запаниковала, потому что думала, что ты уходишь. Я понятия не имела, что он здесь.

Пока я говорю, я наблюдаю, как он успокаивается. Ярость, которая всего несколько секунд назад бушевала вокруг него подобно шторму, начинает утихать, и когда я поднимаю руки к его лицу и провожу большим пальцем по его нижней губе, его тело начинает расслабляться.

— Ты поцеловала его. — Пустота его голоса разбивает мое сердце.

— Потому что она приняла меня за тебя, придурок, — говорит Алекс, напоминая мне, что он стоит прямо у меня за спиной. — В любом случае, сюрприз! — Он отталкивается от стены и выдвигает стул. — Я подумал, что самое время прервать твой секс-праздник.

Мои глаза расширяются, когда я смотрю на его веселое лицо.

— Что? Ты действительно думал, что я не знаю? Господи. Насколько глупым ты меня считаешь? Черт.

Снова поднявшись на ноги, он подходит к холодильнику и распахивает дверцу, что-то ища.

Деймон использует момент уединения в своих интересах. Его пальцы сжимают мою челюсть, и я прижимаюсь спиной к стене.

Его ноздри раздуваются, когда он смотрит на меня сверху вниз, в его глазах мелькает опасность, от которой мои соски напрягаются под его футболкой, а мышцы к югу от талии напрягаются. Реакции, которые, как я только сейчас понимаю, отсутствовали, когда я целовала Алекса. В ту секунду, когда наши губы соприкоснулись — черт, когда я вошла в его личное пространство и от него пахло по-другому, — я поняла, что что-то не так, но моя паника из-за того, что меня бросили здесь, взяла верх над рациональным мышлением, и я действовала импульсивно.

О чем я сейчас искренне сожалею.

Холодильник закрывается, но я поймала на себе взгляд Деймона и не в силах отвести взгляд.

Стул скрипит по холодному полу, прежде чем Алекс должно быть сел, но ни один из нас не поворачивается, чтобы посмотреть.

— Что? Ты хочешь, чтобы я притворился спящим, чтобы ты поцеловал ее? Трахни меня, братан. Она превращает тебя в настоящую киску, ты это знаешь?

Между нами возникает напряжение, когда слова Алекса улетают в никуда.

Я начинаю думать, что Деймон не собирается реагировать, но затем его рука опускается с моей челюсти на горло, и он использует свою хватку, чтобы притянуть меня к своему телу, прижимаясь своими губами к моим.

— Так-то лучше. Нет ничего лучше живого порно, когда ты неделями не видел никаких действий, — бормочет Алекс, но его слова едва улавливаются, когда Деймон наваливается на меня всем весом, и я снова прижата к стене. Его рука соскальзывает с моей талии, обхватывает мою ногу вокруг его бедра, заставляя меня задыхаться, когда мы соединяемся.

Он целует меня, пока у меня не перехватывает дыхание, мое тело жаждет большего, когда его твердый член трется прямо о мою киску.

— Черт, — шипит Деймон, отрывая свои губы от моих и зарываясь лицом в изгиб моей шеи.

— Не останавливайся из-за меня. Не то чтобы я не слушал все это раньше.

— Ты ублюдок, Э.

— Это было однажды, чувак. И Калли не обязательно знать об этом.

— О Боже мой, — выдыхаю я, едва способная поверить, что оказалась в центре всего этого. — Извините, мне нужна... минута.

К счастью, Деймон отпускает меня и позволяет мне выскользнуть из-за него и стены.

Я опускаю глаза в пол, выбегая из комнаты, но, несмотря на то, что не смотрю на него, его внимание обжигает мне кожу, когда я бегу по коридору и прячусь за углом.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — лает Деймон, его голос злобен и не оставляет места для ерунды.

— Скучал по тебе, чувак. Просто хотел убедиться, что с вами обоими действительно все в порядке. — Я не могу их видеть, но могу представить, как Алекс откидывается на спинку стула, кладет лодыжку на одно колено и пожимает плечами, как будто ему буквально насрать на то, что он заявился сюда глубокой ночью и рисковал своей жизнью, пробираясь сюда тайком.

Прислонившись к стене, я жду ответа Деймона.

— Как ты узнал, что мы здесь?

— Я спросил маму, знает ли она, куда ты съехался, когда не вернулся в свою квартиру на прошлой неделе. Она сказала, что не знала, — признается Алекс, спеша вытащить Джанну из дерьма. — Но я знал, что она лжет. Затем, когда я увидел Калли во время того видеозвонка, я довольно быстро все понял.

— Черт возьми, — бормочет Деймон, его голос звучит ближе.

— Я дал тебе пять дней, чувак. Ты не можешь быть настолько взбешен. У тебя было достаточно времени, чтобы воплотить в жизнь все свои грязные фантазии со своей принцессой. — Я не могу не улыбнуться дразнящей нотке в голосе Алекс.

— О чем ты говоришь? — ворчит Деймон.

— О, черт возьми, перестань, чувак. Я тебя знаю. Я вижу тебя. Твой самый первый стояк был из-за той девушки, и ты это знаешь.

Возможно, Деймон говорил мне похожие слова в прошлом о том, что я единственная девушка, которую он когда-либо видел, но слышать эти слова от Алекса... слышать, что его брат знал все это время... Ну, это звучит по-другому.

— Отвали. По крайней мере, я не вымещал злость на экономке—

— Чувак, Хелена чертовски сексуальна, и ты это знаешь.

— Она была достаточно взрослой, чтобы быть нашей бабушкой, — парирует Деймон, в его тоне начинает звучать веселье.

— Не, чувак. У нее могли быть седые волосы, но эти задорные сиськи никак не могли принадлежать бабушке.

— Чертов ад, — бормочет Деймон.

— В любом случае, вернемся к рассматриваемому вопросу.

— У меня нет проблем.

— Братан, ты месяцами трахал нашу невинную маленькую Калли. — Мои глаза расширяются, а подбородок опускается. — И тот факт, что Эван и Нико захотят всадить тебе пулю между глаз, когда узнают, является гребаной проблемой в моей книге.

— Я не трахал ее несколько месяцев, — возражает Деймон.

Алекс смеется. Он на самом деле, черт возьми, смеется.

Гнев сжимает мои внутренности, и я собираюсь ворваться внутрь, чтобы поставить его на место, когда он снова заговаривает.

— Ты всегда недооцениваешь меня, чувак. Что чертовски лицемерно, если ты спросишь меня, потому что ты думаешь, что все так поступают с тобой. Ты думаешь, я не знаю, что я ничего не вижу?

— О чем ты говоришь? — Деймон усмехается, явно разозленный выходками своего брата рядом со мной.

— О, я не знаю, Бэтмен. Почему бы тебе мне не рассказать?

Я стою в дверном проеме еще до того, как осознаю, что мои ноги двигаются.

— Ты знал. Все это время ты знал.

Как я и подозревала, он сидит там, ему плевать, как будто это обычный гребаный разговор.

Он кивает. — Я видел, как вы танцевали вместе. Убедился, что большой брат отвлекся, подтолкнув к нему желаящую киску. — Я съеживаюсь от его слов, но также я не могу чувствовать ничего, кроме благодарности. Я просто предположила, что все слишком веселились и не обращали на нас никакого внимания в ту ночь. Очевидно, я была неправа и более чем немного пьяна.

— Ты знал, что он отвел меня наверх, и ты ничего не сказал за все это время. Прошло несколько месяцев.

Алекс просто пожимает плечами, выглядя чертовски невинно.

— Я подумал, что, либо все прошло не так, как надеялся Деймон, либо—

— Откуда, черт возьми, тебе знать, на что я надеялся? — ворчит он, но Алекс только закатывает глаза на своего брата.

— Ну, я не думал, что ты потащишь ее на гребаную дуэль в скрэббл, чувак, — беззаботно бормочет Алекс. — Или я думал, что все пошло по плану, и я знал, что ты не захочешь, чтобы я совал свой нос.

— Что натолкнуло тебя на эту мысль?

— Ну, когда вы оба игнорировали друг друга, как будто этого никогда не было, я предположил, что Калли отшила тебя и не заинтересовалась. Но потом, по прошествии времени, я заметил, как вы обменивались взглядами, когда никто не смотрел. На самом деле это было ничто, но в то же время это было что-то.

— Почему ты ничего не сказал? В течение нескольких недель ты открыто флиртовал со мной, хотя знал, что я...

— Трахаешься с моим братом? — Он снова пожимает плечами. Кажется, это становится его любимым приемом. — Я хотел, чтобы один из вас открылся, признал, что происходит. Но очевидно, что ни один из вас мне не доверяет, так что...

Его слова теряют смысл, когда в его серых глазах появляется боль.

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, когда чувство вины сжигает меня.

— Мне нужно, чтобы ты знала, малышка Си. Если бы Деймон был с кем-то еще прямо за моей спиной — в буквальном смысле — тогда я бы присоединился к вечеринке. Но ты... — говорит он, поднимаясь на ноги, — ты его. И не важно, насколько близко, по твоему мнению, мы могли подойти к тому, чтобы что-то произошло, этого никогда не произойдет. Даже если Деймон передумает, ты принадлежала ему с тех пор, как мы были детьми. Ты просто не знала этого.

Я разеваю рот, когда Алекс направляется ко мне, его лицо снова лишено эмоций,

напоминая мне о парне, который тоже был ошеломлен и молчал позади него.

— Извините, мне нужно... — Он не заканчивает это предложение. Он просто проходит вглубь дома, прежде чем хлопает раздвижная дверь, снова оставляя нас с Деймоном наедине.

Тишина, повисшая между нами, такая тяжелая, что давит мне на плечи, когда я смотрю в его темные глаза.

— Калли, я—

— Мне нужно в ванную, — говорю я, как слабачка, и бегу в спальню, быстро закрывая за собой дверь.

Я пользуюсь туалетом на автопилоте, но на самом деле он мне не понадобился, и только когда я мою руки, раздается его стук.

— Ангел, ты в порядке? — спрашивает он мягко. Так мягко, что у меня разрывается сердце.

Я отступаю назад, моя задница прижимается к столешнице, а руки все еще мокрые, когда я прокручиваю в памяти те несколько моментов на кухне.

Я поцеловала не того. Я должна была понять раньше и остановиться.

Они как день и ночь разные. Как я, блядь, не заметила этого до того, как начала его лапать?

Как далеко бы он позволил этому зайти, если бы Деймон не оттащил меня от него?

— Черт, — шиплю я, смущение захлестывает меня.

— Ангел? — Его глубокий голос грохочет рядом. Мою кожу покалывает от его близости, но стыд мешает мне оторвать взгляд от белых плиток подо мной.

Его ноги появляются перед тем, как он оказывается прямо передо мной, тепло его тела мгновенно согревает меня.

— Эй, все в порядке, — мягко говорит он, очевидно, чувствуя, что я сейчас балансирую на грани.

Его рука обхватывает мою щеку, и он поднимает мою голову, заставляя меня встретиться с ним взглядом.

У меня перехватывает дыхание от темного и напряженного взгляда его глаз.

— Я поцеловала его, — шепчу я, но как бы сильно я ни хотела отвести взгляд, я не могу. Он заманил меня в ловушку, и я бессильна разорвать это.

Его челюсть напрягается, а кадык резко сглатывает, но он не говорит ничего из того, что, я знаю, вертится у него на кончике языка.

— Я знаю. Но все в порядке.

Мои брови сводятся, когда я смотрю на него.

— Я знаю, что это была ошибка, красавица. Если бы ты хотела Алекса, ты бы уже заполучила его.

Справедливое замечание. Он, конечно, дал мне достаточно шансов, чтобы пойти со мной дальше.

— Да, я знаю, но... — *Я думала, ты сейчас будешь чертовски психовать.*

В глубине души я вижу, что так оно и есть. Обещание боли и крови кружится в его глазах, но мы говорим об Алексее. Если бы это был кто-то другой, я не сомневаюсь, что он бы уже истекал кровью на кухонном полу.

— Кому ты принадлежишь, Ангел? — он скрипит зубами, голос срывается от сдерживаемой ярости.

— Тебе. Только тебе.

Наклонив голову, он касается своими губами моих в нежнейшем из поцелуев.

— Кроме тебя, Алекс для меня самый важный человек в мире.

— А как же Айла? — спрашиваю я, осознавая, что они двое близки.

— Ближе к третьему, — признается он. — Но совершенно по-другому по отношению к тебе.

Я киваю в знак понимания. Я могу только предполагать — или надеяться, — что он испытывает к Айле те же чувства, что и я к Алексу.

— Ты моя. И я бы, блядь, сделал для тебя все. Вас обоих.

Я снова киваю, между нами воцаряется тишина, пока я прокручиваю в голове события последних тридцати минут.

— Он знал. Все это время... он знал. Это...

— Да, — соглашается Деймон. — Я не должен удивляться. Он всегда был немного подлым ублюдком.

— Да? — спрашиваю я, хватаясь за ту маленькую ниточку, которая может раскрыть некоторые секреты, и дергая за нее.

Он хихикает, мягко качая головой. — Не сейчас. Но я думаю, тебе следует пойти и поговорить с ним.

— Мне? — спрашиваю я, удивленно отшатываясь. — Нет, я думаю, тебе, вероятно, следует—

— Поверь мне, Ангел. Это должна быть ты.

Я делаю глубокий вдох, неуверенная, смогу ли встретиться с ним лицом к лицу после того, как ощущала его всего несколько минут назад.

— Мне нужно надеть какие-нибудь трусики, — говорю я, заставляя мою любимую ленивую улыбку появиться на лице Деймона.

— Да, это было бы идеально. Моя сдержанность уже и так на пределе.

— Ты бы не причинил ему вреда— Я быстро останавливаю себя, прекрасно зная, что он сделал бы. Недавно он сделал это из-за меня, так что нет причин, по которым я должна думать, что он не сделал бы этого снова. — Хорошо, ты бы так и сделал. Но в этом нет необходимости.

— Я знаю. Вот почему я сейчас здесь с тобой, а не втоптываю его в песок.

— Как это по-братски с твоей стороны, — язвительно замечаю я.

К моему удивлению, он делает шаг назад, когда я отталкиваюсь от прилавка, готовая натянуть штаны большой девочки — в буквальном смысле — и пойти поговорить с Алексом.

Я останавливаюсь, когда подхожу к двери, и оглядываюсь.

— Где ты был, когда он вошел?

— На пляже, — говорит он, но меня охватывает ужас, когда его глаза опускаются, а слова слетают с его губ.

— Что случилось?

— Н-ничего. У меня просто б-были... — Он делает глубокий вдох. — Кошмары. — Он быстро качает головой. — Это ерунда.

— Нет, — говорю я с такой силой в голосе, что это заставляет его глаза расширяться. — Это не ерунда. Нет, если ты страдаешь из-за них. — Сокращая расстояние между нами, я обхватываю его рукой за шею и, приподнявшись на цыпочки, крепко целую его. — Ты собираешься рассказать мне о них. Ты поделишь вес, — говорю я ему между поцелуями, не давая ему шанса поспорить со мной.

— Что ты делаешь со мной, красавица? — рычит он.

— Надеюсь, это поднимет тебе настроение и поможет уснуть—

Я одариваю его лучезарной улыбкой, прежде чем выйти из комнаты, чтобы найти какие-нибудь трусики.

Деймон наблюдает за мной из дверного проема спальни с мягкой ободряющей улыбкой на губах, пока я иду через гостиную к дверям, которые приведут меня туда, где исчез Алекс.

Я понятия не имею, почему он думает, что я должна это делать, когда он вторая половина Алекса, но я верю, что он знает, что нужно Алексу.

Я нахожу его сидящим на деревянной лестнице, которая ведет прямо на песок. Но, несмотря на то, что он знает, что к нему кто-то присоединился, он никак не реагирует.

Прохладный ночной воздух обвевает меня, заставляя пожалеть, что я не схватила одну из толстовок Деймона, но теперь уже слишком поздно. Я не хочу, чтобы он подумал, что я передумала разговаривать с ним.

— Эй, можно мне присесть здесь? — спрашиваю я, хотя уже опускаю свою задницу на верхнюю ступеньку рядом с ним.

— Конечно, — бурчит он, оглядываясь на меня. Здесь чертовски темно, но я не упускаю эмоций, которые наполняют глубину его серых глаз.

— Ты в порядке?

Грустный смех разносится в воздухе.

— О чем ты говоришь, малышка Си? Конечно, я в порядке.

— Знаешь, вы двое не такие уж разные, — говорю я ему. — Вы оба лжете о своих настоящих чувствах в надежде, что никто не копнет слишком глубоко.

— Я не лгу, Кэл. Я действительно в порядке. — Он поворачивается ко мне, его бедро касается моего, когда он опирается спиной на перила. Его взгляд зацепляется за что-то в доме, и я могу только представить, что Деймон стоит в тени в гостиной, как жуткий, одержимый псих. — Ты ему подходишь, ты знаешь?

— Я не уверена, что я —

— Ты такая. Ты оказываешь на него успокаивающее воздействие. Ты всегда оказывала.

— Почему ты никогда не говорил мне?

Его глаза снова находят мои в темноте.

— Почему ты никогда не говорила *мне*? — возражает он.

— Touché.

Отрывая от него взгляд, я смотрю на темный океан перед нами и наблюдаю, как вода блестит в лунном свете.

— Это была всего лишь одна ночь. Одна пьяная, глупая ночь, которая в то время значила... все. Но в ту секунду, когда все закончилось, казалось, что этого никогда и не было.

— Мне не суждено было узнать, кто это был. Он... — Я колеблюсь, чувствуя себя глупо из-за того, что признаюсь во всем этом, но вынуждена сделать это теперь, когда правда выплыла наружу.

— Он... — подсказывает Алекс.

— Он так и не снял свою маску. Я не знала... Я не знала, кто он такой.

Глаза Алекса расширяются, когда на его лице появляется смесь шока и гордости.

— Ты трахалась с незнакомцем в маске на Хэллоуин?

— Нет, мы не... — Я опускаю голову на руки, слыша, как нелепо все это звучит, теперь,

когда я наконец говорю все это вслух. — Так далеко дело никогда не заходило. Началась стрельба, и он убежал. Я узнала, что это был Деймон, только потому, что он сбросил маску, исчезая за деревьями.

— Ты была разочарована?

— Ч-что? — Спрашиваю я, поворачивая голову, чтобы посмотреть на него так быстро, что удивляюсь, как я ничего не вывихнула.

— Ты была разочарована, когда узнала, что это был Деймон?

У меня опускается подбородок, когда я понимаю, что он действительно задает этот вопрос.

— Честно говоря, я понятия не имела, кто это был. Ничто из того, что он сказал или сделал, не дало мне ни малейшего намека на то, что это был он. Было очевидно, что тот, кто скрывался за этой маской, точно знал, кто я такая, и что он не должен был находиться рядом со мной. Но я слишком много выпила, и мой мозг работал не так, как следовало.

— Однако, когда он оглянулся назад и наступила реальность, это обрело большой смысл.

— Каким образом?

— Он продолжал говорить такие вещи, как будто ему не следовало прикасаться ко мне, что я заслуживаю кого угодно, кроме него, что я пожалею, что подпустила его к себе. Сумасшедшая чушь, которая абсолютно не соответствует действительности.

Алекс кивает, глубоко задумавшись.

— Деймон... сложный.

Я не могу удержаться от смеха. — Тебе действительно не нужно говорить мне это, Алекс. Ты думаешь, что все, что привело к тому, что мы оказались здесь, было сплошными радугами и единорогами? Это было... ну, все, что ты, вероятно, представляешь о своем брате. Темный, извращенный, болезненный, но совершенный, на свой лад.

— Господи, Калли. — Он проводит рукой по лицу, потирая грубую челюсть.

— Ты можешь подумать, что я подхожу ему, но он именно то, что мне тоже нужно. Идеальное дурное влияние в моей идеально защищенной жизни.

— Это забавно, — говорит он со смехом. — Я всегда знал, что в тебе есть нечто большее, чем ты позволяешь всем видеть. Но я никогда не думал, что этого будет достаточно, чтобы мириться с ним. Возможно, я, возможно, Тоби. Но ты действительно пошла ва-банк с поклоняющимся дьяволу.

— Мне не нравится делать что-то наполовину. — Я пожимаю плечами.

— Явно нет.

Снова отворачиваясь от него, я смотрю на ясное, усыпанное звездами небо, и ко мне возвращаются недавние воспоминания о кухне.

— Я сожалею о... о том, что набросилась на тебя и... да, ну, об этом. — Я машу рукой в общем направлении дома позади нас.

— Никогда не извиняйся за это. Самая захватывающая вещь, которая случилась со мной за последние дни.

— Иисус.

— Серьезно, было чертовски скучно без вас обоих. И да, ты, возможно, заставила меня жаждать еще одного удара твоей руки, но, черт возьми, по крайней мере, вы оба наконец признали правду.

Я опускаю голову на руки и говорю в них.

— Я не могу поверить, что ты знал, чем мы занимались на прошлой неделе, и ничего не сказал. Мы были чертовски близки, Алекс.

— Поверьте мне, я знаю, как вы оба были чертовски близки.

— Почему? Почему ты просто лежал там? — У меня голова идет кругом от мысли, что он слушал нас. Он мог бы встать, выйти, вызвать нас на разговор нас прямо там и тогда, но он этого не сделал. Он просто... лежал там.

— Демон прошел через столько дерьма, Кэл. Возможно, это довело меня до безумия, что он не мог быть честен со мной и рассказать, что с тобой происходит, но, в конечном счете, я хочу, чтобы у него было все хорошее, что он может получить. И это ты. Ты для него хорошая, и я боялся, что он перестанет позволять себе это, если я узнаю правду.

Слезы наполняют мои глаза с каждым сказанным им словом. Я всегда знала, что Алексу небезразличен Демон, что он сделает все ради своей второй половины, но знать это и слышать это — две совершенно разные вещи.

Поднимая руку, я вытираю слезу со своей щеки, когда одна, наконец, скатывается.

— О, Калли, я не должен был заставлять тебя плакать.

— Ты это не сделал. Ну, вроде того. Но это хорошо. Демон понятия не имеет, как ему повезло, что ты на его стороне.

— Да, это так, — говорит сам мужчина позади нас.

13

ДЕЙМОН

— Подвинься, — говорю я, подталкивая Калли ногой.

Она немедленно сдвигается, и я присоединяюсь к ним.

— Я принес пиво, — говорю я, протягивая каждому из них по бутылке.

Алекс берет свою, в то время как другая его рука ложится на плечи Калли, прежде чем его ладонь сжимает мою.

— Люблю тебя, чувак, — говорит он, заставляя мое дыхание сбиваться, когда наши взгляды встречаются.

В ту секунду, как ее пиво выскальзывает у меня из рук, я автоматически оборачиваю ее вокруг ее обнаженного бедра, нуждаясь в прикосновении к ней и совершенно забывая, что у нас есть зрители.

— Ты можешь сказать это, ты знаешь. Тебе не так страшно признаться, что ты тоже его любишь.

— И это не сделает тебя слабым, если ты скажешь, то же самое своей девушке.

— Когда именно это превратилось в сеанс терапии? — Бормочу я, отрывая взгляд от Алекса и делая глоток пива.

— Это далеко не так, чувак. Это просто чертовски нормально, когда ты тусуешься с семьей.

— Семья, — бормочу я.

— Да, я имею в виду, если ты собираешься сделать Калли своей, то, думаю, я смогу смириться с тем, что она моя невестка.

Пиво, которое я только что влил в рот, брызгает с моих губ от шока.

— Что, черт возьми, ты ему сказала, Ангел?

Они оба серьезно смотрят на меня в течение двух секунд, прежде чем начинают смеяться.

— Не волнуйся, дьявольский мальчик. Это не имело никакого отношения к нашей женитьбе, так что ты можешь расслабиться.

Боль скручивает мои внутренности, когда мое сердце, черт возьми, почти разрывается надвое.

— Я бы женился на тебе завтра, если бы мог, — признаюсь я.

Вы могли бы услышать, как падает булавка в секунды, которые следуют за моим заявлением.

Желая покончить с этим, Алекс наконец раздражается смехом. — Вы все чертовски сумасшедшие, вы в курсе этого, верно? Как будто все переехали в наше здание и внезапно стали среднего возраста. Нам восемнадцать—

— Нет, мы не такие, — указываю я.

— Тьфу, неважно. Я просто напоминаю тебе, что нам тоже не тридцать. От всего этого дерьма с серьезными отношениями и браком у меня начинается крапивница.

— Не, я думаю, это просто ревность, потому что все, кроме тебя, трахаются. Ой, — жалуясь я, когда он бьет меня по голове. — Скажи мне, что я неправ. — Я смотрю на него, приподняв бровь, ожидая, что он попытается выплюнуть в мой адрес какую-нибудь чушь, но не его глубокий голос наполняет воздух следующим.

— Ты бы женился на мне? — спрашивает Калли, в ее тоне сквозит недоверие.

— Я говорил тебе, красавица. Если бы я мог удержать тебя, ты была бы всем для меня.

— Ты можешь оставить меня себе, — говорит она, в замешательстве наморщив лоб.

— Э-э-э... Вероятно, я должен оставить тебя наедине с этим.

— Не уходи, — быстро говорит Калли, беря Алекса за руку, прежде чем он встает на ноги.

— Э-э... — Он смотрит на нас двоих так, словно думает, что он лишний, и я ненавижу это.

Я киваю, и он немного расслабляется, хотя его плечи все еще напряжены.

— Ты знаешь, что это не может продолжаться, Ангел. Твой отец, Нико... это — я — не то, чего они хотят для тебя.

— Пошли они нахуй, — рывкает она, вскакивая на ноги и становясь на верхней ступеньке, чтобы смотреть на меня сверху вниз. — Это чушь собачья, и ты это знаешь. Мне похуй, чего они от меня хотят. Я устала позволять им контролировать мою жизнь.

— Кэл, — вздыхаю я, пытаюсь встать.

— Нет, не делай этого. Не сдавайся просто потому, что думаешь, что это будет трудно. Будут ли они счастливы? Нет, вероятно, нет, и есть все шансы, что Нико сломает хотя бы одну кость в твоём теле, но—

— Пфф, он может попытаться, — фыркаю я.

— Серьезно? Ты собираешься нести чушь о том, что «я самый страшный солдат» прямо сейчас?

Я поднимаю руки в знак капитуляции и делаю шаг вперед.

— Калли, ты не можешь на самом деле думать, что мы можем вернуться домой и просто продолжать, как мы были здесь. — Это разбивает мне сердце, когда я это говорю, но это правда.

Эван, Кассандра и Нико никогда не смирятся с этим. Они хотят хорошего, безопасного, солидного греческого мальчика для своей принцессы, а я ни то, ни другое. Я обуза, тот, кто никогда не бывает достаточно хорош, тот, кто в конечном итоге умрет и оставит ее в

покое. И плюс, зачем им вообще понадобилась моя ДНК? Я недостаточно хорош, чтобы даже работать на них прямо сейчас, не говоря уже о том, чтобы помочь обеспечить им наследников.

— Ну, нет, но мы можем что-нибудь придумать.

Тьма начинает просачиваться по моим венам, вся неуверенность, с которой я боролся всю свою жизнь, угрожает затянуть меня на дно.

— Я недостаточно хорош для тебя, — шепчу я, слова разрывают мое сердце в клочья.

— Чушь собачья. Ты — это все.

— В ее словах есть смысл, чувак. Единственная причина, по которой она сейчас в безопасности, — это ты, — говорит Алекс, защищая меня.

— Это ничего не изменит. Они не примут меня. У этого, — говорю я, указывая на нас двоих, — есть срок годности. Я знал это с самого начала. Вот почему у меня были все намерения никогда не действовать исходя из своих чувств к тебе. Но я был слаб. Я уступил. Так что теперь мне просто нужно взять все, что я могу получить, пока тебя у меня не забрали.

— Нет, — плачет она. — Скажи ему, — требует она, ее глаза находят взгляд Алекса через мое плечо. — Скажи ему, что он несет чушь.

— Я... э-э... — Я представляю, как он потирает затылок, пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы успокоить ее. Он знает, что я прав. Он знает, что они не примут того, что мы вместе. — Я думаю, что, возможно, нам всем следует успокоиться. Сейчас все это не имеет значения. Пока Калли в опасности, единственное, на чем нам нужно сосредоточиться, — это обеспечить ее безопасность.

— Он прав, — выдыхаю я, надеясь, что этого достаточно, чтобы успокоить ее.

Я делаю шаг к ней, наполовину ожидая, что она отступит от меня, но, к моему удивлению, она делает обратное и прижимается ко мне, ее руки обвиваются вокруг моей талии, когда она держит меня, как будто есть риск, что я могу просто исчезнуть.

Движение справа от меня привлекает мое внимание, и я поднимаю глаза, обнаруживая, что Алекс наблюдает за мной. Он грустно улыбается, понимание и сочувствие запечатлены в каждой черте его лица.

Сильная дрожь пробегает по телу Калли, и я обнимаю ее крепче, позволяя ей украсть мое тепло.

— Мы должны зайти внутрь, — призывает Алекс, собирая наши бутылки и направляясь в дом, оставляя нас одних.

— Давай, Ангел. Ты замерзла, — говорю я ей в волосы, мягко подталкивая ее вперед.

Мы проходим половину пути к дверям, когда ее руки скользят по моей груди, останавливая меня от дальнейших действий.

Она поднимает голову, ее полные слез глаза смотрят в мои. Эмоции, печаль в них заставляют комок подступить к моему горлу.

— Ты более чем стоишь этого, Николас. Я бы все отдала, чтобы сохранить это, сохранить тебя.

— Черт, — выдыхаю я. Не в силах найти никаких других слов в ответ, я наклоняю голову и завладеваю ее губами во всепоглощающем поцелуе.

Мы все еще сжимаем губы, когда, спотыкаясь, входим в гостиную.

— Фу, мне нужно потрахаться, — жалуется Алекс, когда я опускаюсь на другой конец дивана с Калли на коленях.

— Ты должен, — бормочет он мне в губы. — Это весело.

Алекс фыркает от смеха. — Кто знал, что трахаться с дьяволом будет весело?

— Пошел ты, чувак. Тебе не нужно подвергать сомнению мои навыки.

— Это правда. Я слышал, как она произносила твое имя, *Николас*, — насмехается он, шевеля бровями, пока Калли целует мою челюсть и спускается вниз по шее. — Никогда не думал, что увижу, как ты позволяешь кому-то называть тебя так, чувак.

Рычание вырывается из моего горла, когда она впивается зубами в мою шею.

— Это Калли. Она может делать все, что ей нравится, — говорю я, глядя сверху вниз на девушку, о которой идет речь.

— Что ты сделал с нашей невинной принцессой? — он слегка бормочет, глядя на нее своими щенячьими глазами, как будто она тоже украла часть его сердца.

— Показал ей темную сторону, брат. Ей это нравится.

— Ты плохой, дьявольский мальчик, — бормочет она, утыкаясь носом в мою шею и крепко обнимая меня. — О Боже. Ее стон пререзает воздух, на секунду сбивая меня с толку, прежде чем я прослеживаю длину ее обнаженных ног и нахожу ее ступню на коленях Алекса, а его пальцы впиваются в свод.

Ревность прожигает меня насквозь, но боль в моем члене, наблюдающем за тем, как он с ней, и за тем, как она обнимает меня и нежно целует в шею, когда он это делает, сильнее.

— Это приятно, Ангел?

— Хммм, — стонет она.

Глаза Алекса ловят мои, в них мелькает легкая неуверенность при том, что он впервые читает в моих.

— Не останавливайся, — стонет она.

Я киваю ему, и довольное гудение вибрирует в ее горле.

Между нами повисает тишина, пока мы оба смотрим на девушку в моих руках.

Всего через несколько минут ее дыхание начинает учащаться, и она полностью расслабляется в моих объятиях, погружаясь в глубокий сон.

Опускаюсь губами к ее макушке, запечатлеваю поцелуй там, вдыхая ее, желая, чтобы все, что она сказала мне на палубе, было правдой.

Но я могу желать все, что захочу. Я знаю, что это никогда не сбудется.

Отбросив эту суровую реальность, я поднимаю взгляд на Алекс, которая наблюдает за ней усталыми глазами.

— Как ты сюда попал? — спрашиваю я с резкостью в тоне, которой не было с тех пор, как я обнаружил мою девочку привязанной к нему на кухне.

— На машине, — бормочет он, закатывая глаза, как будто я идиот, что вообще спрашиваю.

— Я клянусь, блядь, Э, если за тобой следили тогда—

— Это не так. Какого хрена, по-твоему, я заявился посреди ночи? Никто не знает, что я уехал, а машина украдена.

Ухмылка растягивает мои губы.

— Что?

— Давненько мы ничего не угоняли, а? — спрашиваю я, воспоминания из наших юных лет захлестывают меня.

Скакать по городу, угонять машины со своим братом-близнецом, вероятно, не те счастливые детские воспоминания, которые есть у большинства детей, но все равно они

наши.

— Да. Было довольно скучно делать это в одиночку.

— Нужен был Бэтмен твоему Робину? — Спрашиваю я, тихий смех грохочет в моей груди.

— Нет, мы оба знаем, что я Бэтмен. Ты всегда был моим закадычным другом. И вообще, я больше Человек-паук. — Он пожимает плечами, как будто это очевидно.

— Конечно, ты такой, — бормочу я.

— Серьезно, однако, за мной никто не следил. У меня нет возможности быть отслеженным. Я не тупица.

— Я знаю, знаю, — уступаю я, когда он бросает на меня разочарованный взгляд. — Я просто... Мне нужна ее гребаная безопасность, чувак. Мысль о том, что итальянцы доберутся до нее... — Страх, такой чертовски сильный, сжимает меня в своих неподатливых когтях от одной только мысли. Я более чем осведомлен о том, что я сделал с их мужчинами, и это чертовски пугает меня, думая о том, как они могут отомстить моей девочкой.

— Этого не случится, — уверенно заявляет Алекс. — Я знаю, ты бы умер, позволив им забрать ее. И этого, блядь, тоже не произойдет.

Я киваю, не в состоянии найти ответ на это. В то время как все остальные вокруг меня, казалось, сомневались в моих навыках на каждом шагу, Алекс никогда не сомневался. Я всегда просто предполагал, что это потому, что он слышал все, что было сказано мне, и чувствовал необходимость попытаться заглушить что-то из этого своим собственным мнением. И хотя я знаю, что кое-что из этого может быть правдой, я также знаю, что он видит во мне нечто большее. По крайней мере, он поощрял меня хотя бы пытаться каждый раз, когда кто-то пытался списать меня со счетов.

— Кстати, как ты узнал об этом? Ты не должен был работать, но все же появился с самой ценной информацией?

Я перевожу взгляд с моего близнеца на мою девушку, правда срывается с моих губ.

— Ты можешь доверять мне, братан. В этом, — говорит он, указывая на нас двоих, — и во всем, что произошло. Я прикрою ваши спины. Вас обоих.

— Калли встречалась с Антонио Санторо, — тихо говорю я.

— Что? — рычит Алекс, заставляя Калли ерзать у меня на коленях, когда он будит ее.

— Братан, серьезно? — бормочу я.

— Прости.

Он ждет с миллионом и одним вопросом на кончике языка, пока она снова не успокоится, и я киваю ему.

— Она встречалась с Антонио Санторо, — повторяет он.

— Да. С тех пор, как она встретила его на той вечеринке в прошлом году.

— Иисус. — Он проводит рукой по лицу, переваривая этот маленький кусочек информации. — Как, черт возьми, ты узнал?

Я выдыхаю, действительно не желая возвращаться туда. — В ночь, когда мы совершили налет на их склад, я нашел ее в его спальне.

Подбородок Алекса опускается. — Вот куда ты съехался той ночью, — шепчет он, как будто все это имеет смысл. — И почему ты застрелил его.

— Это был несчастный случай. Это должна была быть его голова.

Алекс удерживает мой взгляд. — Это чушь собачья, прямо здесь.

— Что? Что я не должен был разнести его гребаную башку? Маловероятно.

— У тебя не бывает несчастных случаев с оружием, Ди. Ты хочешь, чтобы кто-то умер, ты делаешь так, чтобы это произошло. Ты решил не делать этого из-за нее.

— Да, хорошо, может быть, — соглашаюсь я, чертовски хорошо зная, что это правда. — В любом случае, чертовски хорошо, что я этого не сделал, потому что именно он пришел сказать мне, что на нее будет совершено покушение. — Его брови приподнимаются. — Итак, мы их опередили.

— О-он знает, что ты здесь?

— Да, — выдавливаю я. — Он не будет визжать об этом. Он заботится о ней. — Я морщусь.

— Вау, братан. Ты вверяешь ее безопасность в руки итальянца. Она, блядь, изменила тебя.

— Поверь мне, я знаю, о чем ты говоришь. И у любого другого итальянца не было бы ни единого шанса. Но то, как он смотрит на нее, чувак. Черт. — Мое сердце разрывается надвое при одной мысли о любви, которая была в его глазах, о агонии, исходившей от него, когда он прощался с ней.

— И что она чувствует к нему?

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, но я быстро обнаруживаю, что у меня нет слов.

К счастью, Калли, кажется, отвечает на этот вопрос за меня, когда ее руки сжимаются вокруг меня и мягкое «Николас» срывается с ее губ.

— Ну, черт возьми, чувак. Ты счастливый ублюдок, ты это знаешь? Она одна на миллион.

Я киваю, комок, слишком большой, чтобы говорить, внезапно подступает к моему горлу.

— Я-я д-д-думаю, я—

— Я знаю, братан. Я вижу это. Я всегда это видел. И, несмотря на все это дерьмо и на то, что произойдет, когда ты вернешь ее домой, я так чертовски рад за тебя.

На моих губах появляется улыбка, потому что, черт возьми, я тоже счастлив за себя.

— Я н-никогда н-не думал, что у меня будет ш-шанс.

— Ты недооцениваешь себя, в то время как все вокруг недооценивают ее. Я не удивлен. Честно говоря, я думаю, что вы довольно идеальная пара.

— Да? — С надеждой спрашиваю я. Это бессмысленно, но это все равно есть.

— Да. — Он допивает остатки из своей бутылки, прежде чем наклониться вперед и упереться локтями в колени. — И я сделаю все возможное, чтобы это продолжалось, когда ты вернешься домой. Она права, Брат. Ты заслуживаешь этого. Это и многое другое. Мы придумаем, как все это осуществить.

— Может быть, мне стоит просто жениться на ней, — говорю я в шутку. — Это сработало на Тео и Эмми.

— Совсем другая ситуация. Я не вижу, чтобы папа согласился на это в ближайшее время.

— Только еще на несколько недель. Затем мы официально станем полностью взрослыми и сможем делать то, что, черт возьми, захотим.

— Я лучше пойду выберу костюм. В конце концов, ты хочешь, чтобы твой шафер выглядел шикарно, — поддразнивает он.

— Кто, черт возьми, сказал, что ты будешь моим шафером? — огрызаюсь я в ответ.

— Ну, а кто еще это будет? Нико?

— Я почти уверен, что Калли не хотела бы, чтобы на ее платье были пятна крови, так что, вероятно, нет.

Он улыбается мне, его глаза сияют счастьем за меня и уверенностью в том, что я поступлю правильно. Это совершенно ошеломляет, но я молча клянусь сделать все, что в моих силах, чтобы это произошло.

— Давай, тащи свою девушку в постель.

— Она все еще была бы в ней, если бы какой-то тупой ублюдок не решил вломиться посреди ночи.

Он поднимает руки вверх. — Я ничего не могу с собой поделаться, если я скучал по своему маленькому братишке.

— Пошел ты, чувак. Пошел ты.

Я стою с Калли, все еще прижатой к моей груди, и он наблюдает за мной веселыми глазами.

— Она тебе идет, братан.

Образ ее извивающейся подо мной, выгибающей спину, когда я заполняю ее тело, толкая ее прямо к краю, заполняет мой разум, и мои губы кривятся в дерзкой ухмылке, когда мой член набухает.

— Ты даже не представляешь, чувак.

— Может быть, и нет, ты, грязный ублюдок, но я знаю, как сильно ей это нравится.

— Не могу поверить, что ты, блядь, знал и ничего не сказал, — ворчу я, следуя за ним из гостиной.

— Ты бы испугался и сбежал, как ты и сделал в любом случае. Но я не хотел быть причиной. Она нужна тебе, чувак. Ты нужен ей так же сильно, как я думаю, поэтому тебе нужно спрятать всю эту чушь о том, что «Я недостойн», и придумать способ воплотить это в жизнь. — Он останавливается у нашей старой спальни и открывает дверь. — Спи крепко, любовничек. — Он подмигивает, прежде чем закрыть за собой дверь.

— Ты заноза в моей заднице, Александр.

— И тебе того же, *Николас*, — язвительно замечает он в ответ, и я захожу в нашу спальню с широкой гребаной улыбкой на лице, и я действительно молюсь, чтобы в моем сердце не было бесплодной надежды.

14

КАЛЛИ

И снова, когда я просыпаюсь, я одна.

Но на этот раз нет ни паники, ни страха. Только счастье и удовлетворенность.

Алекс, знающий и принимающий то, что происходит между мной и Деймоном, — это огромный груз с моих плеч, который я даже не осознавала, давил на меня, пока он не исчез.

Я перекатываюсь на сторону Деймона, утопая в его запахе, пока погружаюсь в сон и вынырываю из воспоминаний о прошлой ночи.

Но точно так же, как когда я заснула, есть одна часть, на которой мой разум продолжает зацикливаться.

Слова Деймона о том, что это не сможет продолжаться, когда вернется реальная жизнь, разрывают меня надвое.

Я ни за что не отпущу его, когда мы вернемся. Я отказываюсь позволять моим

родителям, моему брату, больше контролировать мою жизнь.

Это было прекрасно — до определенного момента, — когда я не знала, чего хочу. Но теперь все по-другому. Я знаю, чего хочу. И это он.

Каким-то образом нам нужно найти способ показать им, что мы этого хотим, что мы серьезны и что это правильно. Потому что это так. Я чувствую это своим сердцем и всей душой.

У них может быть представление о том, какой они хотят видеть мою жизнь, каким должен быть мой муж, но к черту это. Это не их жизнь. Это моя. И я буду бороться за то, чего я хочу, в чем я нуждаюсь.

Должен быть способ. Просто обязан быть.

Моя потребность пойти и найти моего дьявольского мальчика быстро берет верх надо мной, и я спускаю ноги с кровати и направляюсь в ванную, чтобы подготовиться к предстоящему дню.

Одетая в майку и шорты, без макияжа на лице, я отправляюсь на поиски.

Солнце уже ярко светит, его тепло просачивается через огромные окна, выходящие на пляж.

Я замечаю движение за стеклом, но не позволяю себе смотреть, пока не приготовлю себе кофе. Затем я направляюсь к выходу.

Моя улыбка становится шире, когда вид проясняется, и я молча прохожу по настилу и сажусь на ступеньки, как и прошлой ночью.

Ворчание и стоны боли смешиваются с грохотом волн и криками чаек над головой, когда они синхронно делают отжимания на песке.

Я опускаюсь на задницу, мои глаза мечутся между ними двумя. Они оба без рубашек — что вызывает у меня улыбку, потому что это показывает, насколько комфортно Деймону сейчас, — и в шортах, которые низко сидят на талии. Их мышцы пульсируют и изгибаются при движении.

Ставя свою кружку рядом с собой, я сосредотачиваюсь на Деймоне, наблюдая за каждым движением его тела, пока он выжимает максимум.

Я наблюдала, как он тренируется каждое утро с тех пор, как мы здесь. Черт возьми, я почти все время стояла рядом с ним, когда он подталкивал меня прямо к себе. Но видеть, как он соревнуется с Алексом, придает ситуации совершенно новый уровень остроты.

Солнце быстро начинает обжигать мою кожу, пока я сижу здесь незамеченная, но я ничего с этим не делаю. Я слишком наслаждаюсь собой, ведя их счет, пока они продолжают.

Их выносливость поражает меня, но, думаю, на самом деле так не должно быть. Они, вероятно, тренировались подобным образом вместе столько, сколько себя помнят. И я точно знаю, что Деймон не прекратит попыток одержать верх, пока не отключится. Я не уверена, что он когда-нибудь сможет избавиться от своего желания избавиться от образа слабака.

В конце концов, и неудивительно, что первым сдается тело Алекса. Его руки отказывают при отжимании, и он быстро обнаруживает, что ест песок, в то время как Деймон продолжает устраивать шоу из своей победы.

Самодовольный ублюдок.

— Ты гребаный слабак, братан. Ты прогуливал тренировки?

С громким стоном Алекс переворачивается на спину, закрывая лицо рукой.

— Пошел ты, Железный человек. Мы не можем все быть равнодушными к боли.

— Поверь мне, это, блядь, неправда.

Деймон опускается на песок рядом с Алексом, по-прежнему спиной ко мне.

Часть меня хочет заявить о своем присутствии, но есть большая часть, распутная шлюха внутри меня, которая более чем счастлива просто вожделеть их двоих.

Он вытягивает ноги перед собой и скручивается на них, разминая мышцы.

Я чертовски близка к тому, чтобы пускать слюни, когда мышцы его спины и плеч двигаются и натягиваются. Моя голова полна образов того, как он, должно быть, выглядит сзади, когда он разрушает меня своим мощным телом.

В конце концов, Алексу, должно быть, удается отдышаться, потому что он приподнимается на локтях, и его глаза немедленно находят мои. Он резко втягивает воздух, но в остальном никак не показывает, что видел меня.

И я быстро обнаруживаю, что это было сделано намеренно, когда на его губах появляется ухмылка, а в глазах вспыхивает лукавый блеск.

— Тебе уже удалось заглушить стояк из-за своей девушки? — спрашивает он намного громче, чем необходимо.

— Пошел ты, чувак. Попробуй лежать рядом с ней, часами наблюдать за ней и не реагировать, — ворчит Деймон.

— О, у меня было. Разница в том, что на твоём месте я бы что-нибудь предпринял.

— Что, черт возьми, ты пытаешься сказать?

— Только то, что она была рядом, чтобы ее взяли. — Алекс подмигивает мне, и я жалею, что мои щеки не запылали, или чтобы я смогла положить этому конец. Но будь он проклят, он втянул меня прямо в эту маленькую игру. — Все, что тебе нужно было сделать, это зацепить ее нижнее белье сбоку, и ты мог бы погрузиться прямо в нее—

— Не говори о киске Калли, — рявкает Деймон, в его голосе ясно слышится обещание еще большей боли.

— Это так хорошо, как я себе представлял?

Тихий смех недоверия срывается с моих губ при виде его дерзости и явной попытки втянуть Деймона в драку.

— Чувак. Тебе нужно выбросить все мысли о моей девушке из головы прямо сейчас, черт возьми.

— Она горячая, — говорит Алекс, пожимая плечами.

— Да, она горячая, — отвечает Деймон, вся борьба исчезает из его тона.

— Мне это чертовски нравится, чувак. Видеть тебя выпоротым — одна из лучших вещей, которые я когда-либо видел.

— Она может выпороть меня в любое время, когда ей, черт возьми, заблагорассудится, — признается Деймон. Он прекращает потягиваться и откидывается на ладони, подставляя лицо солнцу.

Любопытство охватывает меня, в голове возникает причудливый образ меня, стоящей с кнутом в руке. Что-то, что Алекс может ясно прочесть в моих глазах.

— Держу пари, она согласится, если ты ее попросишь.

Деймон заливается смехом, звук которого проникает в меня и наполняет радостью.

— Ты гребаный идиот, чувак.

— Просто говорю. Бьюсь об заклад, она довольно извращенная под этой внешностью подавленной принцессы.

Деймон качает головой. Несколько секунд я не думаю, что он собирается отвечать, но затем он удивляет меня.

— Ты понятия не имеешь. Она каждый раз ставит меня на колени. Она просто... она меня не боится. На самом деле, она просто толкает меня сильнее и ныряет со мной во тьму.

— Итак... — Начинает Алекс, и у меня встают дыбом волосы, зная, что он собирается убить себя до того, как нас обоих обнаружат. — Если она такая извращенная, как ты думаешь, она согласится на небольшую двойную игру?

На мгновение между ними воцаряется тишина, и у меня перехватывает дыхание. Потому что меня не интересует образ, который он рисует. Очевидно. Да, вот почему.

— Ты забавный, — издевается Деймон, откладывая комментарий в сторону, как будто он знает, что Алекс насмеяется над ним.

— Не, я серьезно, чувак. Я сдерживался ради тебя, но, черт возьми, мне действительно не помешало бы попробовать ее п—

Треск.

Быстрее, чем я думала, это возможно, Деймон бросается на Алекса, его кулак врезается ему в челюсть.

Крик срывается с моих губ, когда я вскакиваю на ноги и бросаюсь вперед, готовая оказаться в центре событий — и не так, как только что предлагал Алекс.

Я почти перед ними, когда Алекс откидывает голову назад и заливается смехом.

— Братан, с тобой так чертовски легко, — выдавливает он, несмотря на свое веселье, когда Деймон вскакивает на ноги.

— Ты все это слышала? — рычит он, сокращая пространство между нами с опасным выражением на лице.

Я нервно сглатываю, хотя волнение сковывает мои внутренности. Я ничего не могу с собой поделать, но меня заводит, когда он в таком настроении, чего, боюсь, Алекс, возможно, только что и добивался.

— М-может быть.

— И что? Ты думаешь, что мой член недостаточно хорош, теперь у тебя есть выбор из двух?

Слова застревают у меня в горле, когда он подкрадывается ближе, мое сердце колотится в груди, как басовый барабан.

— Ответь мне, Ангел.

— Н-нет.

— Что нет?

— Нет, я не хочу вас обоих. — Потому что я этого не хочу. Фантазия — это одно, но я знаю, что все, чего я хочу, все, что мне нужно, — это Деймон. Алекс тоже это знает, вот почему он использует это, чтобы подразнить его.

— Итак, чего ты хочешь?

Отводя от него взгляд, я рассматриваю каждый песчаный, потный дюйм его груди, прежде чем нахожу пояс, а затем выпуклость, скрывающуюся за тканью.

Снова встречаясь с его темными, бурными глазами, я провожу языком по своей нижней губе.

— Твой член, — выдыхаю я.

— Мы тренировались почти два часа, малышка Си. На твоём месте я бы туда не спускался, — услужливо предлагает Алекс.

— Я безумно люблю его, но он не почувствует твоего вкуса тебя, Ангел. Я делил с ним все, почти всю свою жизнь. Но ты моя. И только моя, — рычит Деймон достаточно тихо,

чтобы только я могла его услышать.

— Я твоя, Николас. И только твоя.

Его грудь вздымается, когда он нависает надо мной, его запах наполняет мой нос, а тепло его кожи согревает мою.

— Черт. Я-я... черт.

Забыв о том, что он собирался сказать, он вытягивает руку, его пальцы обхватывают мое горло, когда он захватывает мои губы во влажном и грязном поцелуе, который слишком грязен, чтобы происходить в компании. Но я думаю, что для Деймона Алекс не в счет.

Он закидывает мою ногу себе на бедро, позволяя мне чувствовать все, что я делаю с ним.

— Возьми ее. Я обещаю, что не буду смотреть, — поддразнивает Алекс, как я полагаю, со своего места на песке.

— Если он думает, что просмотр остановит меня, то он действительно не знает меня так хорошо, как я думал, — шепчет Деймон у моих губ.

Его руки обвиваются вокруг моей талии, в то время как мое тело обвисает от его слов.

Я не хочу, чтобы он трахал меня, пока его брат смотрит на это... верно?

Я вспоминаю типично и то, как было жарко, зная, что нам не следовало делать это прямо там. Хорошо, да. Так что, возможно, у меня действительно есть слабость к эксгибиционизму.

Деймон отрывает свои губы от моих, целуя вдоль моей челюсти, в то время как его бедра продолжают толкаться, гарантируя, что его член прижмется ко мне самым восхитительным образом.

— Николас. — Его имя срывается с моих губ в мольбе, когда меня охватывает жар. Мои колени подгибаются, когда я танцую на грани удовольствия.

— Ты будешь хорошей девочкой и кончишь для меня, Ангел?

— О Боже, — всхлипываю я.

Его рука убирается с моего горла в пользу моей задницы, и он притягивает меня ближе. Ощущение его члена напротив моего клитора через ткань нашей одежды усиливается до такой степени, что я теряю контроль над тем, чтобы нырнуть головой вперед с этого утеса и отбросить свои запреты на ходу.

— Николас. — Его имя уносится прочь в тишине маленького кусочка рая, когда я возвращаюсь на Землю.

— Господи, — ворчит Алекс где-то позади нас. И когда я набираюсь смелости заглянуть Деймону через плечо, я вижу, что он сбрасывает шорты, к счастью, оставляя боксеры на месте, и бежит к морю.

Деймон оглядывается, чтобы увидеть, что привлекло мое внимание.

— Он собирается остыть. Вероятно, хорошая идея. Руки вверх, красавица.

Даже если бы я хотела поспорить, у меня нет шанса, поскольку он задирает ткань моего топа вверх по рукам, обнажая розовое бикини, которое на мне надето под ним.

— Ему действительно повезло, что я, блядь, люблю его, — слегка бормочет он.

— Он видел все это раньше.

Его движения замирают, его глаза сверлят мои.

— Это должно заставить меня чувствовать себя лучше? — рычит он.

— Отбрось свою собственническую и ревнивую чушь, дьявольский мальчик. Он любит тебя так же сильно, как и ты его, поэтому он может выглядеть так, как ему нравится, но он никогда бы тебя не перехитрил. И, — говорю я, соприкасаясь кончиком своего носа с его, —

я бы тоже.

Он качает головой, и на секунду я думаю, это потому, что он мне не верит. Но затем он снова перехватывает мое дыхание, рыча. — Ты, блядь, убиваешь меня, Ангел. Я всегда знал, что мое сердце бьется только для тебя, но я никогда не думал, что это будет так.

— Например, как? — шепчу я.

— Это... Это... — Он зажмуривает глаза. — Это всепоглощающая вещь, которой я просто не могу насытиться. Меня не волнует, что в моей жизни будет что-то еще хорошее, пока у меня есть ты.

— Братан, если ты не собираешься засунуть в нее свой член, иди поиграй со мной, — кричит Алекс, разрушая момент.

— Я должен был ударить его сильнее, — бормочет Деймон, расстегивая пуговицу на моих шортах и помогая мне стянуть их с бедер.

Он не утруждает себя снятием шорт. Вместо этого он просто сбивает меня с ног и перекидывает через плечо, прежде чем развернуться и бежать к морю.

— Деймон, — визжу я, отчаянно пытаюсь удержаться и удержать свои сиськи внутри, по общему признанию, слишком маленького бикини.

Вода плещется вокруг нас, когда он входит в океан, чтобы присоединиться к Алексу. Если он замечает температуру, то никак не реагирует, и в ту секунду, когда он по пояс погружен, он снова переворачивает меня вертикально и погружает еще глубже в ледяную ванну, которая является морем.

Я кричу, но звук быстро обрывается, когда я погружаюсь. Я тону с такой скоростью, что проигрываю битву со своим бикини, и я все еще пытаюсь его поправить, когда наконец снова всплываю.

— О, ты должна была сказать, что хочешь повторить наше купание нагишом, — говорит Алекс с ухмылкой, когда мельком видит мою грудь. — Я пытался быть вежливым, не снимая боксеров, но—

— Даже не думай об этом, — рычит Деймон, подходя и становясь передо мной, чтобы я могла привести себя в порядок, не сводя глаз с Алекса.

— Боже, с тобой неинтересно, братан.

— Я думаю, Калли не согласилась бы, верно, Ангел?

— Полный отстой, — невозмутимо произношу я, прежде чем огромная волна воды обрушивается на меня, когда Алекс набрасывается на Деймона, и они начинают вести себя как дети, которыми я не совсем уверена, что они когда-либо были, и начинают бороться и плескаться друг в друга водой.

Я забываю обо всем, что нас окружает, обо всем том дерьме, которое является нашей реальностью, и просто откидываю голову назад и смеюсь над ними, пока они развлекаются.

15

КАЛЛИ

Алекс остался с нами еще на два дня после того, как мы провели день, расслабляясь на пляже и ведя себя как дети в море, прежде чем он вернулся к реальной жизни в Лондоне.

Мне нравилось видеть их вдвоем без груза или давления реальной жизни, давящей на их плечи.

Их связь сильнее, чем я когда-либо предполагала, и вид их совместной работы сводит меня с ума. Прошлой ночью они готовили вместе, и, клянусь, я все это время сидела за

столом посреди комнаты, уткнувшись челюстью в пол, когда они плавно двигались вместе. Это было почти так, как если бы они были одним человеком.

Я хотел бы, чтобы у нас было больше времени, или больше для того, чтобы они могли проводить больше времени вместе. Они оба выглядят намного счастливее после того, как хорошо провели время вместе.

— Чему ты улыбаешься? — спрашивает Деймон, забираясь обратно на шезлонг со свежими напитками и тарелкой чипсов для меня, поскольку я снова жаловалась, что проголодалась.

— Когда все это будет сделано, я думаю, нам следует отправиться в отпуск. Настоящий отпуск.

Злая усмешка растягивает его губы, когда он опускается рядом со мной и засовывает в рот пригоршню чипсов.

— Черт возьми, да. Частный бассейн. Частный пляж. Мы можем провести все время голыми.

Мои бедра соприкасаются при виде нарисованного им образа, несмотря на то, что не так давно он заставил меня выкрикивать его имя в душе после того, как мы искупались при лунном свете.

— Как бы удивительно это ни звучало. Я больше думала обо всех нас.

— Все мы? Например... включая твоих брата и кузена? — спрашивает он скептически.

— Да, — соглашаюсь я, но мой желудок сжимается, несмотря на то, сколько уверенности я вкладываю в свой голос.

— Калли, — предупреждает он, но я закрываю ему рот рукой, прежде чем у него появляется шанс сказать то, что, я уже знаю, сорвется с его губ.

— Мы собираемся найти способ. Мы должны. Это, — говорю я, поворачиваясь на бок и кладя другую руку ему на затылок, — слишком важно, чтобы от него отказываться, потому что другим это не нравится. Мне насрать на их мнение или их ожидания от меня. Я хочу этого. Я хочу тебя.

— Калли, — выдыхает он, когда я опускаю руку. — Я тоже этого хочу. Больше всего на свете. Но я просто не думаю, что это будет возможно.

— Так и будет. Это должно быть.

— Но твой отец—

— Трахни моего отца. Конечно, они хотят, чтобы я была счастлива, желая их идеального партнера для меня? — Грустное, сочувствующее лицо, которое смотрит на меня в ответ, кажется, не подтверждает это утверждение, и мое сердце падает.

— Он годами искал и планировал твоего будущего мужа. Каждого парня неосознанно проверяли на пригодность. Я почти уверен, что каждый потерпел неудачу, имей в виду. Его стандарты чертовски высоки.

— Как и мои.

Горький смешок срывается с его губ. — Вряд ли.

— Ты ошибаешься, — говорю я, отставляя свой напиток и отодвигая тарелку с чипсами, я больше не хочу ничего, кроме мужчины передо мной. От него исходит уязвимость, и я отчаянно хочу избавиться от нее. Чтобы каким-то образом убедить его в том, насколько он невероятный.

Закидывая ногу ему на талию, я устраиваюсь над ним и опускаю руки по обе стороны от его головы.

— Я хочу, чтобы мой мужчина был сильным. — Я провожу губами по его губам. — Независимый. — Оставляю поцелуй на его подбородке. — Могущественный. — Я облизываю линию на его горле, вибрация его одобрительного рычания заставляет улыбку подергиваться в уголках моего рта. — Опасный. — Мои руки проскальзывают под ткань его рубашки, заставляя напрячься его пресс, когда я продвигаюсь выше. — Смертельно, — шепчу я, когда он помогает мне сесть, чтобы я могла стянуть с него футболку. — Все еще уязвимый. — Мои губы находят верхнюю часть его самого длинного шрама. — Храбрый. — Мои губы скользят по нему, пока его пальцы перебирают мои волосы. — И все же ему немного страшно.

Мои глаза удерживают его, когда он грубо сглатывает, его губы слегка приоткрываются, а брови слегка хмурятся.

— Умный. — Он насмехается над этим, но его аргумент прерывается, когда мой язык находит начало его V-образной линии. — Решительный. — Я опускаюсь ниже, заставляя его снова зарычать, прежде чем мои пальцы находят завязку на его спортивных штанах. — Страстный.

Я опускаю ткань, и он помогает мне, поднимая свою задницу с шезлонга.

— Сексуальный. Темный. Немного сломанный, но во многом совершенный.

— Калли, — выдыхает он, когда я облизываю его твердую длину.

Обхватывая рукой основание его члена, я обвожу языком головку, наслаждаясь глубоким стоном, срывающимся с его губ, и тем, как его бедра подсакакивают на шезлонге.

— Черт возьми, Ангел, — рывкает он, когда я наконец беру его в рот. — Ах, чееррт, — стонет он, его пальцы запутываются в моих волосах, посылая вспышку боли вниз по позвоночнику. — Твой рот. Блядь. Мне этого никогда не будет достаточно.

— Хорошо. Потому что у тебя не будет шанса, — признаюсь я, прежде чем снова прижаться к нему.

Возможно, я неопытна в этом, но я быстро поняла, что ему нравится. Где лизать, насколько сильно сосать, и в мгновение ока его длина набухает у меня между губ, готовясь к удару.

— Черт, ты так хорошо сосешь у меня, красавица. Твой рот грешен.

Как раз перед тем, как он кончает, раздается грохот, который звучит так, будто он исходит изнутри дома. Но я не хочу, чтобы это заканчивалось здесь, несмотря на то, как его глаза расширяются, когда он удерживает мои, я не сдаюсь.

Я беру его глубже, сосу сильнее, и не секундой позже его низкий стон удовольствия раздается вокруг нас, когда он кончает мне в горло.

Садясь, я вытираю рот тыльной стороной ладони, его вкус наполняет мой рот, когда я проглатываю его.

— Черт возьми, да, — выдыхает он, притягивая меня за волосы и прижимаясь своими губами к моим.

Его язык едва касается моего, прежде чем раздается еще один хлопок и крик.

— Черт.

Прежде чем я понимаю, что происходит, меня швыряют на шезлонг с такой силой, что я, черт возьми, чуть не отскакиваю с другой стороны.

К тому времени, как я поднимаю взгляд, Деймон уже прячется за раздвижной дверью и заглядывает внутрь темного дома.

Он выглядит как долбаный Джеймс Бонд, стоящий там. Если Джеймсу Бонду был

почти восемнадцать и он был невероятно сексуален, то есть.

— Что это? — шепчу я.

Он машет мне рукой, чтобы я заткнулась, прежде чем проскользнуть в дом.

Мое сердце подскакивает к горлу, когда его окутывает тьма, и моя паника усиливается.

— О черт, — тихо выдыхаю я, пробираясь к дверям, отчаянно пытаюсь услышать что-нибудь, что может происходить внутри.

До меня доносятся тихие голоса, но у меня нет шансов услышать, что они на самом деле говорят. Мое сердце бьется так сильно, что заглушает все остальное происходящее.

У меня дрожат руки при мысли о том, что итальянцы найдут нас. О том, что они придут сюда, чтобы забрать меня.

У меня скручивает живот, когда я думаю о том, что Деймона поймали, что они заберут и его тоже. О том, что они причинят ему боль из-за меня.

Мои ноги двигаются без команды для моего мозга, и я быстро обнаруживаю, что огибаю гостиную по направлению к блоку, где Деймон спрятал свое оружие и оружие Алекса после того, как мы вчера тренировались по стрельбе по мишеням на пляже.

Я съеживаюсь, когда скрипит выдвижной ящик, но секунду спустя громкий крик боли наполняет дом, и я двигаюсь быстрее.

Деймон.

Держа пистолет на поясе, я направляюсь по коридору. Громкий хлопок и крушение какой-то мебели заставляют меня подпрыгнуть, но я заставляю себя сохранять спокойствие.

Деймон смертельно опасен. Лучший солдат, который когда-либо был у папы и дяди Дэмиена.

Если кто-то и может справиться с тем, что сейчас происходит на кухне, и обеспечить мою безопасность, то это он.

Но я отказываюсь съеживаться, как слабая маленькая леди. Потому что я не такая. В моих жилах течет кровь Чирилло, и я полна решимости проявить себя. Быть не просто легкомысленной наследницей, которая не может защитить себя и тех, кого любит.

Мои шаги замедляются от осознания этого, но у меня нет времени останавливаться от тяжести этого прямо сейчас. Особенно когда еще один громкий хлопок и вопль достигают моих ушей.

Бросаясь вперед, я снимаю пистолет с предохранителя, как показывал мне Деймон, и переступаю порог.

Мои глаза расширяются от того, как все это происходит, когда трое парней, одного с нами возраста, выходят против Деймона, который сжимает нож и выглядит намного лучше, чем каждый из них.

Нога Деймона врезается в живот одному из них, отбрасывая его назад ко мне. Я отпрыгиваю в сторону, все еще невидимая, когда прячусь за углом.

— Ублюдок, — ворчит Деймон, и я поднимаю взгляд, чтобы обнаружить двух других на нем, нож в его руке со звоном падает на пол.

— Ты сказал, что это место будет легкой добычей, — жалуется один из парней, но никто не отвечает.

Парень на полу недалеко от меня начинает подниматься на ноги, и я улавливаю свой момент.

В ту секунду, когда он на полпути вверх, я обхватываю его рукой за горло в удушающем захвате — снова, точно так, как мне показывал Деймон — и прижимаю дуло пистолета к его

виску.

— Отпусти его, или этот не выйдет отсюда с вами. — Мой холодный, жесткий голос прорезает воздух, и все взгляды обращаются на меня.

Глаза Деймона расширяются от шока, но я почти уверена, что также не упускаю того, как они темнеют от желания.

Двое парней, которые начали его одолевать, делают, как им сказали, и отступают.

Один из них тянется к своему боку, и я быстро понимаю, что из него льется кровь. Один взгляд на нож, который скользнул по полу, говорит мне, что именно там произошло.

— Мы пришли сюда не за неприятностями, — кричит парень под моим прицелом, его голос срывается от страха. — Мы думали, что тут пусто.

— Так ты собирался ограбить это место?

— Нам жаль, ладно? — говорит парень без ножевого ранения, пытаюсь отступить к запахивающейся двери.

— Мы не можем просто позволить тебе уйти отсюда сейчас. Что, если ты натравишь на нас полицию?

— Мы не будем, чувак. Мы клянемся.

Не сводя глаз с двух нападавших на него, Деймон подходит ближе, прежде чем опуститься на корточки и изучить парня в моих объятиях.

Я понятия не имею, что он видит, но это, кажется, очаровывает его.

— У кого из вас есть записка? — спрашивает он, снова вставая и вытирая руки о спортивные штаны, как будто для него это обычное дело, в то время как я изо всех сил стараюсь не позволить своим рукам дрожать. — НУ? — гремит он, когда никто не отвечает.

— У м-м-меня е-есть, — говорит парень с ножевым ранением.

— Покажи мне.

Он медленно засовывает руку в карман и вытаскивает упаковку из фольги.

— Брось это на пол.

Его губы приоткрываются, чтобы возразить, но он, должно быть, видит обещание смерти в глазах Деймона и решает не бросать ему вызов.

Маленький сверток попадает прямо в середину одной из плиток.

— Тебя сюда кто-нибудь посылал?

— Н-нет. Мы месяцами включали и выключали наблюдение за домом. Тут всегда пусто.

— Ну, ты определенно выбрал для этого не тот гребаный день, да? — Бормочет Деймон, его голос полон веселья.

По комнате разносится всхлип, и когда я смотрю на придурка с ножевым ранением, я замечаю, что его лицо с каждой секундой становится все бледнее, а кровь течет сквозь его пальцы, впитываясь в его и без того грязные джинсы.

Потянувшись за кухонным полотенцем, Деймон направляется ко мне.

— Я хочу, чтобы ваши телефоны тоже были на полу.

Двое напротив меня нерешительно подчиняются, но парень в моих объятиях не двигается.

— Это относится и к тебе, засранец, — ворчу я, сильнее прижимая пистолет к его голове.

— Если бы ты знал, кто она такая, ты бы сейчас не колебался, — предупреждает Деймон.

Мои глаза ловят его взгляд, и миллион и одно грязное обещание наполняют его глаза

наряду с жаждой крови, которая говорит мне, что он хотел бы посмотреть, как я пристрелю этого ублюдка.

Одной этой мысли почти достаточно, чтобы заставить меня сделать это.

Наконец, он вытаскивает свой телефон из кармана, и он падает на пол вместе с остальными.

— Отпусти его, красавица. — Я делаю, как он говорит, но не убираю пистолет. — Иди встань со своими тупыми друзьями вон там.

Деймон подходит ко мне и шокирует меня до смерти, когда его рука резко сжимает мой затылок и он облизывает щеку.

— Ты чертовски возбуждаешь меня, Ангел. У тебя в руках этот пистолет. Черт, — ворчит он мне на ухо. — Однажды я увижу, как ты вышибешь мозги какому-нибудь ублюдку, прежде чем заставлю тебя закричать прямо здесь и сейчас.

Мне удается уловить всхлип желанья, который вырывается у меня из горла, прежде чем вырваться на свободу.

Трое парней, стоящих по другую сторону кухни, смотрят на нас так, как будто мы не можем быть настоящими, и моя грудь раздувается от власти, которой мы обладаем над ними троими.

— Я хочу, чтобы ваши удостоверения личности были там вместе с вашими телефонами.

На этот раз они не колеблются.

— К черту это. Просто брось все. Мы с моей девочкой с удовольствием устроим небольшой костер со всем вашим дерьмом, как только вы уберетесь.

Они делают то, что им сказано, за секунду до того, как на джинсах парня, которого я держала, появляется подозрительно выглядящее мокрое пятно.

— Прямо сейчас выглядишь как большой мужчина, да? — Бормочу я. — Держу пари, всем девчонкам нравится твой член, пахнущий мочой.

Деймон сдерживает смех над моими словами, вытирая пистолет, который он взял у меня из рук.

— Передавайте это по кругу, убедитесь, что вы все хорошо к этому прикасаетесь.

И снова они делают то, что им сказали, и Деймон забирает его обратно, используя кухонное полотенце, теперь оно покрыто их отпечатками.

— Ладно, я просто пойду дальше и предположу, что вы всего лишь несколько слабаков, наркоманов-неудачников, которые чертовски боятся того, что случится с вашими тугими задницами, если мы вызовем копов и отдадим им это, — говорит Деймон, указывая на маленькую куча улик, которые он поручил им собрать для нас. — И я также собираюсь предположить, что вы выйдете отсюда и забудете, что все это когда-либо происходило.

Он тянется ко мне и притягивает к своему телу, обнимая за талию и вдыхая мой аромат.

— Я предлагаю вам отвести его в неотложку и сказать, что вы все попали в аварию, когда были под кайфом — и чертовски глупы — и подлатать его, пока он не истек кровью до смерти. И если все будет хорошо, мы больше никогда не будем иметь ничего общего друг с другом. Вам понятно?

Они все кивают. Мне с трудом удается подавить улыбку, которая хочет расползтись по моему лицу от того, как быстро они превратились из опасных раздражителей в испуганных маленьких кисок из-за нас двоих. Ладно, из-за Деймона, но я с радостью приму на себя часть этой заслуги, потому что, в конце концов, именно у меня был пистолет.

— Хорошо. А теперь убирайтесь нахуй, пока я не был вынужден убить вас всех и

выбросить ваши задницы в океан на съедение рыбам.

Они убегают так быстро, что это действительно вызывает жалость, и они даже закрывают за собой дверь, которая, конечно, больше не закрывается должным образом из-за их неудачной попытки взлома.

— Сейчас, — рычит Деймон, хватая меня сзади за шею и толкая вперед через кровавую бойню, которой является кухня.

— Что ты— Мои слова обрываются, когда он наклоняет меня, другой рукой возвращая мою задницу именно туда, куда он хочет.

— Держись за стойку. Сцепи локти. Это не будет нежно.

О, черт.

Жар разливается между моих бедер от грязных обещаний того, что должно произойти.

Его пальцы хватаются за пояс моих леггинсов, прежде чем он грубо стягивает их вниз по моим бедрам и оставляет чуть выше колен, как только достигает, чего хочет.

Треск.

— Срань господня, — ахаю я, когда его ладонь обжигает мою задницу.

— Ты, блядь, понятия не имеешь, не так ли, Ангел?

— Я-я... э-э...

— Вижу тебя с этим пистолетом. Вижу, как ты угрожаешь жизни этого ублюдка. Мне никогда в жизни не было так чертовски тяжело. Ты чертовски жестокая, красивая, и на это чертовски умопомрачительно смотреть.

— Да, — кричу я, когда он снова шлепает меня.

— Мне нужно тебя трахнуть.

— О, Боже.

— Это ни в коем случае не будет мягким, или нежным, или любящим. Это будет грубо, жестоко и, вероятно, будет больно, — предупреждает он, как будто я собираюсь отступить и убежать от него сейчас.

— Да. Все это, да.

— Черт, ты идеальна, — стонет он, прежде чем потереться головкой члена о мою киску. — И ты такая чертовски влажная для меня. Насилие возбуждает тебя так же, как и меня?

— Похоже на то, — бормочу я, выгибая спину в надежде, что он даст мне больше, чем просто будет дразнить мой клитор своим членом. — Николас.

— Отчаянная маленькая шлюха, не так ли, Ангел? Скажи мне, как сильно ты нуждаешься во мне, наполняющем тебя прямо сейчас.

— Так сильно. Пожалуйста, Николас. Мне нужен твой— да, — кричу я, когда он, наконец, толкается вперед, заполняя меня до отказа и почти заставляя меня врезаться в стойку, которую я должна была держать.

— Сцепи руки, — ворчит он, прежде чем выйти почти до конца. Он не дает мне ни секунды, чтобы отдышаться, он просто врывается обратно, трахая меня до тех пор, пока мы оба не станем потными, тяжело дышащими, которые едва могут держаться на ногах.

16

ДЕЙМОН

Калли все еще спит, пока я собираю остальную часть кухни обратно. Я запер дверь, прежде чем отнести ее в душ, и попытался выкинуть из головы образ того, как она

приставляет пистолет к голове этого ублюдка. Это было принятие желаемого за действительное. Оказывается, каждый гребаный раз, когда я думаю об этом, я снова становлюсь твердым, как гвоздь.

Вытащить свою задницу из постели, чтобы прийти и разобраться в этом беспорядке, вместо того, чтобы разбудить мою девочку и снова овладеть ею, было тяжело. Намеренный каламбур.

Но, несмотря на мою бесконечную потребность в ней, я оставил ее отдыхать.

Я был груб с ней прошлой ночью. Слишком груб. Если она сможет нормально ходить сегодня, я буду поражен.

Чувство вины захлестывает меня, когда я вспоминаю, как сильно мои пальцы впились в ее бедра, как сильно я взял ее. Я знаю, что она не стеклянная, и я сделаю все, что смогу, чтобы доказать ей, что я не вижу в ней какую-то невинную, бесполезную маленькую принцессу, как это делают другие. Но даже сейчас. Я зашел слишком далеко.

Я возвращаюсь в дом после того, как выбросил не подлежащие восстановлению обеденный стол и стулья в палисадник, когда начинает звонить мой телефон. Мое сердце замирает, как всегда, и становится только хуже, когда я достаю его из кармана и вижу, что на меня смотрит имя Эвана.

Проходя по дому, я быстро проскальзываю в раздвижную дверь и не останавливаюсь, пока не оказываюсь в нескольких дюймах от того места, где вода набегаёт на берег.

— Босс, — говорю я, как только он касается моего уха.

Я возношу безмолвную молитву, чтобы сегодня не наступил тот день, когда все это закончится. Но я уже знаю, что это бессмысленно. Глубоко в моем животе сидит тяжелый комок страха. Мое подсознание уже знает, что вот-вот сорвется с губ Эвана. Невысказанные слова текут по моим венам, как яд, леденя меня изнутри.

— Пришло время вернуть мою девочку домой, Деймон.

Несмотря на нежелание реагировать на его заявление, весь воздух вырывается из моих легких, когда разочарование поражает меня с силой гигантского реактивного самолета, мать его.

— Все улажено? — спрашиваю я, придавая своему тону легкость, которой я определенно не чувствую.

— Да. Мы пришли к соглашению, которое не позволит ей вмешиваться.

— И что это? — подсказываю я, желая убедиться, что согласен с тем, что не собираюсь вести свою девочку прямо в зону боевых действий.

— Ты в отпуске, Деймон. Детали не имеют значения. Для нее безопасно возвращаться домой.

— Тебе не кажется, что—

— В эти выходные у Кассандры день рождения. Она хочет, чтобы ее дочь была здесь, чтобы отпраздновать с ней.

Мне почти удастся проглотить то, что я действительно думаю по этому поводу. Вы всегда можете положиться на Кассандру, которая попытается скрыть уродство этой жизни, наложит на лицо косметику и будет веселиться, как будто в мире все хорошо.

— Верно, — бормочу я, мои внутренности болезненно скручиваются.

— Охрана усилена. За ней все время будут присматривать.

Чертовски здорово.

У меня подкашиваются ноги, и я падаю на задницу.

— Все в порядке, сынок?

— Да. С нетерпением жду возвращения.

— Как продвигается учеба?

Мои мысли возвращаются ко вчерашнему занятию в обнаженном виде. — Э-э... — Я запускаю руку в волосы, дергая до тех пор, пока боль не становится сильнее моего желания, когда я думаю о том, как она сидит верхом у меня на коленях, ее сиськи прямо у моего лица, когда она допрашивала меня. — Да. Хорошо.

— Моя Калли — ангел. Я полностью в ней уверен.

Мне нечего на это сказать. Мое сердце слишком занято тем, что разбивается на миллион крошечных кусочков.

— Дай мне знать, когда тебя ждать домой.

— Идет. Если что-то изменится, дай мне знать, — говорю я, надеясь и молясь, чтобы в ближайшие пару часов что-нибудь началось и остановило нас от возвращения.

У нас есть еще неделя до начала занятий. Мы легко могли бы остаться здесь подольше. Ну, мы могли бы, если бы не чертов день рождения королевы Кассандры.

— Скоро увидимся, — говорит он, и его тон говорит мне, что здесь нет места для споров.

Он вешает трубку, прежде чем я успеваю сказать что-нибудь еще. В ту секунду, когда наступает тишина, моя рука опускается, а вместе с ней падает и сердце.

— Черт, — выдыхаю я, глядя на море, раннее утреннее солнце заставляет волны переливаться обещанием нового дня. Все это время тьма вцепляется в мои внутренности, когда мой мир начинает рушиться вокруг меня.

Возвращение в Лондон фактически означает подписание свидетельства о смерти всего, что мы здесь построили. Больше никаких ночных купаний голышом с моей девочкой. Больше никакого грязного душа или ленивого утра. Больше не будет... ее.

Уронив голову на руки, я закрываю глаза, борясь за то, чтобы удержать все, что я узнал о себе здесь. Сила, которую дала мне Калли, чтобы встретиться лицом к лицу с несколькими моими демонами и принять ее помощь.

Как я могу вернуться в свою квартиру без этого? Без ее мягкой улыбки, ее нежных прикосновений, ее отчаянных криков о большем.

Я понятия не имею, как долго я сижу там, утопая в собственной печали и жалости к себе. Но солнце намного выше в небе, и оно начало обжигать мою кожу некоторое время назад.

Я наполовину ожидал, что она проснется и придет искать меня, но от нее не было никаких признаков.

Понимая, что Эван хочет, чтобы она вернулась домой как можно скорее, я в конце концов поднимаюсь на ноги и направляюсь к дому. Каждый шаг причиняет боль, мое сердце становится пустее, а душа темнее с каждым шагом, который я заставляю себя сделать.

К тому времени, как я проскальзываю в гостиную, я снова воздвиг стены так высоко, что, клянусь, ничто не сможет коснуться меня.

Я становлюсь пустой версией себя, которой был так долго, что забыл о существовании мальчика, которым я когда-то был.

Мои шаги замедляются, когда я переступаю порог спальни и нахожу Калли все еще крепко спящей, стянув одеяло до пят, открывая мне всю длину своего тела.

У меня текут слюнки, когда я пробегаю глазами по ложбинке у нее на талии и

спускаюсь к ее круглой, восхитительной заднице.

Мой член шевелится в предвкушении, но я уже знаю, что мы туда не пойдём.

После прошлой ночи это произошло как нельзя кстати.

Наша последняя встреча оставит у нее воспоминание о том, какой я на самом деле жестокий, эгоистичный, разрушительный мудака.

Таким она должна меня помнить. Это то, что ей нужно. Потому что, если она не возненавидит меня, если она попытается бороться за меня и позволит мне хотя бы на секунду поверить, что мы могли бы быть кем-то за пределами нашего маленького кусочка рая здесь, тогда я сломаюсь и сделаю что-нибудь глупое, например, пойду к Эвану, умоляя отдать мне его дочь. Поступить так было бы все равно что выписать себе смертный приговор.

Черт.

Как я могу просто уйти от нее?

Я всю свою жизнь учился быть сильным. Всегда выходить победителем из любой ситуации. И я это делал. До этого момента в моей жизни ничто не могло победить меня.

Но есть она.

Мой ангел.

Мое утешение.

Мое все.

Теперь мне просто нужно придумать способ построить будущее без нее.

Ради нее.

Потому что, несмотря на то, во что она пытается заставить меня поверить...

Она заслуживает лучшего, чем я.

Запирая последнюю частичку Николаса, я натягиваю маску и приступаю к тому, что мне нужно сделать.

Моим приоритетом всегда была она. Держать ее в безопасности. И это прямо сейчас ничем не отличается.

— Прости, Ангел.

17

КАЛЛИ

Солнечный свет заливает комнату, обжигая мои глаза сквозь закрытые веки, когда Деймон раздвигает шторы, немедленно будя меня.

Очевидно, у него есть планы на это утро, но я могла бы придумать больше, чем несколько других способов, которыми он мог бы меня разбудить.

Мои мышцы болят и тянут, когда я поворачиваюсь к свету, напоминая мне обо всем, что произошло прошлой ночью.

Меня снова охватывает чувство власти, когда я думаю о том, как приставила пистолет к голове этого придурка. Я думала, что понимаю пристрастие парней к такой жизни. К опасностям, насилию, тьме, но прошлой ночью я поняла это. Я почувствовала вкус той жажды крови, которая так ярко светилась в глазах парней — черт возьми, даже девушек. И я не могу отрицать, что хочу попробовать это снова.

Я, наконец, поднимаю глаза, только когда на меня опускается тьма.

Мое сердце подпрыгивает, а желудок сжимается от волнения, когда я обнаруживаю, что Деймон нависает надо мной. Но все меняется в ту секунду, когда я смотрю в его глаза,

потому что я не нахожу той легкости, которая была в них всю прошлую неделю, того неотфильтрованного желания, которое исходило от него постоянно. Вместо этого я нахожу замкнутую тьму, о существовании которой почти забыла.

Мое сердце падает, когда меня охватывает паника.

У меня не хватает слов, когда я борюсь за то, чтобы вдохнуть нужный мне воздух.

Я знаю, что означает этот взгляд. Я боялась, что он последует за любым телефонным звонком, который он получил, с того дня, как я проснулась здесь.

Я хочу просить, умолять, сделать все, что угодно, чтобы это не случилось.

Но я знаю, что это невозможно.

— Нет — это единственное слово, которое мне удастся выдать из себя в конце концов, поскольку Деймон продолжает безучастно смотреть на меня.

Моего Николаса давно нет. На его месте Деймон, солдат, которого видят все остальные.

Слезы обжигают мои глаза, а к горлу подступает комок.

— Вставай и собирай свое барахло, — холодно требует он.

— Деймон, нет. Пожалуйста, — умоляю я, перекидывая ноги через край кровати и поднимаясь на ноги.

Утренняя прохлада в воздухе вызывает мурашки по моей обнаженной коже, а соски сжимаются.

Но он не смотрит.

Его холодные, отстраненные глаза не отрываются от моих, и это разрывает меня на части.

— Не делай этого, — умоляю я, поднимая руку, чтобы дотянуться до него. Но он видит, что это приближается, и делает шаг назад, следя за тем, чтобы мои пальцы не соприкоснулись с его.

— Я ничего не делаю, Калли.

Калли. Не ангел, не красавица.

Просто Калли.

Это разбивает мое сердце быстрее и сильнее, чем я думала, что это возможно.

Слезы застывают на моих ресницах, и я борюсь с собой, чтобы сдержать их, не сорваться так быстро у него на глазах.

— Я не хочу уходить. Я не хочу этого. Я-я н-не—

— Собирай свое барахло, или я сделаю это за тебя. Мы уезжаем через тридцать минут.

Он отворачивается от меня, разрывая любую связь, которая все еще потрескивала между нами, и направляется к двери.

— Деймон, — кричу я, боль разрывает мою грудь от этой новой реальности, в которой я проснулась.

Он останавливается в дверях, и по моим венам струится слабая надежда, что я смогу взобраться на стены, которые он возвел с тех пор, как узнал, что нам предстояло сделать сегодня.

Его плечи немного напрягаются, прежде чем он снова смотрит на меня.

Моя надежда увядает и умирает в ту секунду, когда наши взгляды встречаются.

Его не переубедишь.

Ему отдали приказ, и, будучи хорошим маленьким солдатом, которым он является, он последует, отбросив все, что он чувствует, все, чего он действительно хочет.

Это жестокое осознание того, что независимо от того, что он говорил мне во время

нашего пребывания здесь, он всегда будет ставить Семью превыше всего.

Рыдание вырывается из моего горла, когда я молча умоляю его не делать этого. Не замыкаться в себе и не забывать все, что мы здесь нашли.

Все мои надежды и мечты о том, что это что-то значит, любая возможность того, что мы могли бы продолжить это дома, что мы могли бы бороться за это вместе, рушатся у моих ног.

Он моргает, и с таким же успехом он мог бы просто вырвать мое сердце прямо из груди и растоптать его, прежде чем уйти, не сказав больше ни слова.

Я стою там посреди комнаты, абсолютно голая, и весь мой мир рушится у моих ног.

Мой желудок сжимается, а сердце истекает кровью, и, прежде чем я понимаю, что происходит, я бегу в ванную. Мои колени ударяются о кафельный пол в ту секунду, когда я оказываюсь перед туалетом, но я ничего не чувствую, поскольку мой желудок сводит судорогой и заставляет меня выблевать то, что осталось от водки и чипсов, которыми мы с Деймоном перекусывали во время нашего дикого секс-феста на разрушенной кухне.

Я вздрагиваю, пока ничего не остается, прежде чем положить руку на сиденье и положить на нее голову.

Слезы от рвоты окрашивают мои щеки, но я отказываюсь плакать. Я отказываюсь позволить ему увидеть, как легко было сломать меня.

Всего один взгляд.

Один холодный, отстраненный взгляд, и все, что я открыла в нем за последнюю неделю, было надежно запихнуто обратно в непроницаемую коробку, в которой раньше было спрятано. И что-то подсказывает мне, что открыть ее во второй раз будет еще сложнее.

С тяжелым вздохом я поднимаюсь на ноги и подхожу, чтобы встать перед раковиной.

Пустота в моих глазах заставляет меня задыхаться. Они горят от потребности изгнать это отчаянное, но безнадежное чувство, которое кружится внутри меня, как шторм. Но я не буду плакать. Нет, пока я не останусь одна.

Смирись, Каллиста, говорю я себе, глядя мертвым взглядом в свои холодные глаза.

Я становлюсь выше и расправляю плечи, делая все возможное, чтобы натянуть свою собственную маску.

— Ты Кирилло, и ты сильнее дьявола.

С вновь обретенной силой, хотя и вынужденной, я тянусь за зубной щеткой, чтобы смыть минутную слабость.

Я работаю на автопилоте, натягивая леггинсы и толстовку с капюшоном в надежде, что смогу спрятаться в них. Если бы у меня было больше времени, мой выбор одежды мог бы быть другим. Я могла бы приложить больше усилий и попытаться показать ему ошибку, которую он совершает, снова закрываясь от меня. Но прямо сейчас у меня кружится голова, а желудок все еще ноет после того, как меня вырвало.

Я бросаю последний взгляд на комнату, убеждаясь, что у меня все есть, прежде чем перекинуть сумку через плечо и направиться к выходу.

Я смотрю себе под ноги, пока иду на кухню. Мое сердце не может вынести воспоминаний о том, как мы последние несколько дней тусовались, смеялись и наслаждались друг другом.

Теперь я знаю, что это происходит, мне просто нужно вернуться домой. Мне нужно это сделать, чтобы я мог придумать, как справиться с этим, не привлекая к себе внимания.

Деймон стоит у окна, глядя на улицу. Он натянул толстовку, которая прикрывает его

голову, но проделывает ужасную работу по сокрытию напряжения в его теле.

От него исходит темная аура. По комнате пробегает рябь опасности. И я уверена, что это отпугнуло бы большинство людей. Я думаю, ему просто жаль, что я не такая, как большинство людей.

Мои мышцы болят от желания подойти и провести рукой по его спине, шепча ему на ухо мягкую поддержку, что все будет хорошо. Но я уже знаю, что это бессмысленно.

Он замкнулся, и любые слова, которые я сейчас скажу, любой аргумент, какими бы убедительными они ни были, останутся без внимания.

Не дожидаясь, пока он обратит на меня внимание, я подхожу к двери и открываю ее.

— Ты гребаный трус, Николас Деймос, — бросаю я через плечо, прежде чем выбежать из дома.

Он не собирается сильно отставать от меня, но, услышав такое последнее слово, я чувствую себя немного лучше.

Только когда я останавливаюсь в конце пустой подъездной дорожки, я начинаю все подвергать сомнению.

Они привезли меня сюда в фургоне, фургоне, который, как потом сказал мне Деймон, был привезен обратно в город Антом, когда он уезжал.

Мысли о парне, который привел все это в движение, не заставляют меня чувствовать себя лучше.

У меня не было с ним никаких контактов с тех пор, как он ушел отсюда на следующий день после того, как они похитили меня.

Я знаю, что так безопаснее, и я знаю, что между нами все хорошо и по-настоящему кончено, но это все еще причиняет боль. Не зная, все ли с ним в порядке, или узнал ли кто-то, что он сделал, я не могла отделаться от мыслей с тех пор, как он ушел.

Все, что я могу сделать, это надеяться. Нас здесь никто не нашел, так что это должно быть хорошим знаком того, что он просто вернулся в город и продолжил свою жизнь. Верно?

— Как мы вернемся? — Спрашиваю я, когда Деймон наконец запирает дом позади нас и присоединяется ко мне.

Его глаза на мгновение находят мои, прежде чем он снова отводит взгляд, как будто на то, что он видит в моих синих глубинах, слишком больно смотреть.

Хорошо. Прямо сейчас я действительно надеюсь, что причинила ему много боли, потому что именно это он и делает со мной.

Не говоря ни слова, он крадется к гаражу и распахивает дверь, открывая—

— О, нет. Я ни за что на свете не соглашусь на это, — заявляю я.

— Что случилось, принцесса. Испугалась? — насмехается он, его голос холоден как лед.

Расправляя плечи и подтягивая трусики большой девочки, я делаю шаг вперед.

— У тебя нет лицензии, чтобы водить это. Ты недостаточно взрослый. — Я рискую, поскольку мои знания о мотоциклах примерно такие же жалкие, как и об оружии. Но мне он кажется большим и быстрым ублюдком.

— Я более чем способен справиться с этим. А теперь, ты идешь, или мне нужно придумать, как сказать твоему отцу, что я оставил его непокорную дочь здесь, чтобы идти домой пешком?

Он бы не стал. Даже сам дьявол не был бы настолько глуп, чтобы пойти наперекор просьбам моего отца подобным образом. Но даже знания этого недостаточно, чтобы погасить огонь, который горит у меня в животе.

— Думаю, я предпочла бы рискнуть пешком. Хотя спасибо.

Закидывая сумку повыше на плечо, я поворачиваюсь к нему спиной, прежде чем у него появляется шанс сказать что-нибудь еще, и ухожу в сторону пустынной улицы за домом.

Я почти добираюсь до тропинки, которая приведет меня хрен знает куда, прежде чем его пальцы обхватывают мое предплечье и меня притягивают обратно к его твердому телу. Может, я и знаю, где мы находимся в стране, но все остальное, сейчас для меня загадка.

Его горячее дыхание танцует у моего уха, и мое предательское тело содрогается в ответ на его близость.

— Сейчас не время испытывать меня, Калли. — Его голос глубокий и пронизан угрозой насилия.

— Что ты собираешься делать? Снова накачаешь меня наркотиками и все равно втянешь в это?

— Если придется, — бормочет он, таща меня обратно к гаражу, подальше от глаз любого, кто может проехать по этой пустынной дороге.

— Мне дали приказ, и я должен выполнить его, несмотря ни на что.

— Пфф, — шиплю я, когда он стаскивает мою сумку с плеча и засовывает ее в отделение на байке. — Не надо мне этого дерьма. Тебя отстранили. Ты сейчас не солдат Чирилло, так что можешь сказать моему отцу, чтобы он отсосал.

Глубокое рычание вырывается из его горла, прежде чем он приближается ко мне, его рука протягивается, чтобы схватить меня за горло.

— Осторожно, солдат. Мой папочка пристрелит тебя в мгновение ока за то, что ты поднял на меня руки, — шиплю я, более чем желая играть в эту дерьмовую игру, если он готов.

Его ноздри раздуваются, дыхание вырывается из приоткрытых губ.

На самые короткие секунды я клянусь, что сломала его. Тьма в его глазах рассеивается, и у меня перехватывает дыхание.

Но затем, так же быстро, как это появилось, это снова исчезло, разбив мои надежды на еще более мелкие кусочки, чем они уже есть.

— Я рискну, если тебе все равно, принцесса.

Я раздраженно скалываю на него зубы, но все, что он делает, это ухмыляется.

Да, я ни на секунду не думала, что это делает его вообще пугающим.

— Я собираюсь сесть на байк, а ты последуешь за мной. Папа хочет, чтобы его принцесса снова была заперта в своем замке, и так все и будет.

— Может быть, я была права, — бормочу я, когда он наконец отпускает меня и делает шаг ко мне. — Может быть, никто тебя не недооценивал. Может быть, ты просто холодный, бессердечный придурок.

Он резко втягивает воздух при моих словах, но это единственная реакция, которой он меня одаривает, прежде чем пинком снять мотоцикл с подставки и вытолкнуть его из гаража, закрывая и запирая за собой дверь.

Перекидывая ногу через чудовище-машину, он бросает на меня взгляд, в его глазах ярко светится едва завуалированная угроза того, что он может сделать, если я откажусь от его инструкций.

— Прячься, сколько хочешь, дьявольский мальчик. Я вижу тебя. Я вижу твою маску, твоё притворство. Твою ложь.

— Садись на гребаный мотоцикл, — шипит он.

За неимением другого выхода я наконец-то делаю, как мне сказали.

Ставя ногу на маленькую ручку, я перекидываю ногу и устраиваюсь позади него, чертовски желая, чтобы прямо сейчас между нами был какой-нибудь барьер.

Его задница идеально располагается между моих бедер, и я молча проклиная его.

— Надень это, — требует он, передавая мне шлем. — И затяни его потуже.

— Да, босс.

Я делаю, как мне сказали, и к тому времени, как эта штука закреплена у меня на голове, двигатель подо мной урчит, а Деймон нетерпеливо ждет взлета.

— Держись.

— Я держусь, — сладко говорю я, мои пальцы обхватывают ручки по обе стороны от моих бедер.

— Я не это имел в виду, — рычит он, протягивая руку назад и обхватывая пальцами мои запястья.

Мои руки отрываются от байка, и в мгновение ока мои руки обвиваются вокруг его талии, мои ладони прижимаются к его напряженному прессу.

— Нет, я— Я пытаюсь высвободить руки, но он держит меня слишком крепко.

— Делай, как тебе говорят, Каллиста.

— Я ненавижу тебя, — киплю я. — Я действительно чертовски ненавижу тебя. — Эти слова настолько далеки от правды, что смехотворны, но прямо сейчас это именно то, во что я хочу, чтобы он поверил.

— Хорошо. Ты должна.

Прежде чем я успеваю даже подумать о том, что на это ответить, он заводит двигатель, и у меня нет другого выбора, кроме как держаться изо всех сил, пока он мчится по сонной улице на опасной скорости.

Если бы я не знала ничего лучше, я бы сказала, что он пытался убежать от своих демонов. Но мы все знаем правду. Он направляется прямо к ним.

18

ДЕЙМОН

За свои почти восемнадцать лет я пережил несколько адских ситуаций. Но сидеть на своем мотоцикле с девушкой, которую я жажду больше всего на свете, обвинившейся вокруг меня, и держаться изо всех сил — это одна из самых мучительных ситуаций, которые я когда-либо переживал.

Я должен был оставить ее держаться за ручки. Но моя потребность в ее прикосновениях, даже сейчас, слишком велика, чтобы отрицать.

К тому времени, как мы подъезжаем к дому Эвана, у меня болит челюсть от того, что я стискивал зубы всю обратную дорогу до города.

Меня сжигает потребность развернуться и снова забрать ее. Но как бы сильно я этого ни хотел, я знаю, что не могу. Все это время я знал, что Калли не была и никогда не могла быть моей. Я знал, что этот день настанет, я просто изо всех сил старался отодвинуть это на периферию своего сознания и притвориться, что этого не существует.

Ее хватка на мне ослабевает, когда я замедляю мотоцикл и подъезжаю к высоким воротам, которые охраняют эту часть поместья Чирилло.

Солдаты в черном с головы до ног появляются в ту же секунду, как они открываются,

что свидетельствует о правдивости слов Эвана о дополнительной безопасности.

Поднимая забрало, я позволяю им увидеть мое лицо, прежде чем они поднимут оружие, которое, более чем очевидно, спрятано у них под куртками.

— Деймон, — приветствует старший из двух.

Не в настроении наверстывать упущенное, я киваю головой и выхожу вперед.

Короткая поездка до дома — самая мучительная в моей жизни. Боль пронзает меня, когда я представляю, как она проходит через парадную дверь всего за несколько секунд и даже не удосуживается оглянуться.

Так и должно быть. Но это не имеет значения, потому что это разорвет меня в клочья.

В тот момент, когда я останавливаюсь, открывается входная дверь, и выходят Эван и Нико, их взгляды прикованы к нам, когда они спускаются по ступенькам к нам.

— Я сказал, верни ее в целостности и сохранности, — усмехается Эван, глядя на мотоцикл, на котором я, очевидно, не должен был ехать под нами.

— Мы здесь в целостности и сохранности, не так ли? — Огрызаюсь я, заставляя его брови взлететь при моем отношении.

Обычно я не из тех, кто говорит что-либо, особенно о работе. Но, похоже, Калли изменила меня сильнее, чем я думал, потому что прямо сейчас я бы рискнул и наставил пистолет на своего младшего босса, если бы это означало, что я мог бы удержать ее.

— Осторожно, солдат, — предупреждает Эван, в его глазах мелькает беспокойство.

Я выключаю двигатель, и руки Калли, наконец, отпускают мое тело.

Горе захлестывает меня, обещание темноты прямо на горизонте угрожает поглотить меня целиком.

Мне нужно попасть домой, прежде чем это случится. Я отказываюсь позволять кому-либо еще видеть, как уход от нее, притворяющийся, что она ничто, притворяющийся, что прошедшая неделя ничего для меня не значила, убивает меня.

— Папочка, — поет Калли чертовски сладким голосом, прежде чем прыгнуть в его объятия.

Я ничего не могу с собой поделать, но оцениваю ее действия с двух сторон. Они такие... ненастоящие.

Но тогда, я думаю, мои сейчас тоже такие, поскольку я держу свою стальную маску на месте.

— Я полагаю, ты не доставила Деймону слишком много проблем, — говорит Эван, в его тоне слышится веселье.

— Если ты имеешь в виду, была ли я мила с парнем, который неделю держал меня в плену, то нет, не слишком.

— Что ж, ты в безопасности. Это все, что имеет значение.

Она недовольно соглашается с этим утверждением, прежде чем повернуться ко мне.

В ту секунду, когда ее глаза встречаются с моими, все, чего я когда-либо желал за последние десять лет, разлетается в клочья. Я надеялся увидеть ненависть в ее глазах, гнев, разочарование. Но то, что смотрит на меня в ответ, просто... пустота. И это поражает меня сильнее, чем я когда-либо думал.

Я застыл, пойманный на себе ее холодным, жестким взглядом.

Если бы я был в лучшем состоянии, я бы узнал в нем то самое, на совершенствование которого потратил годы. Но как бы то ни было, все, на чем я могу сосредоточиться, — это агония, когда отрывается еще одна часть моего сердца.

Почему ты впустил ее? Ты знал, что это произойдет.

Ее глаза расширяются в ожидании, когда ее рука опускается на талию, бедро выпячивается с таким отношением, которого я не привык от нее видеть.

— Мне нужна моя сумка, — кипит она.

— Ты иди внутрь. Я заберу твои вещи, — предлагает Нико. — Мне все равно нужно поговорить с Деймоном.

Паника сжимает мою грудь, затрудняя дыхание, которое мне нужно на несколько секунд, когда я наконец отрываю взгляд от Калли в пользу ее брата.

Он смотрит на меня так, как будто не знает меня. И я клянусь, блядь, когда его кулак сжимается, я вижу, что моя смерть ждет меня в конце того, о чем бы он ни хотел поговорить.

— И жизнь снова возвращается в нормальное русло, — бормочет Калли себе под нос, прежде чем отвернуться от меня.

Эван ловит ее, прежде чем она добежит до лестницы, ведущей к входной двери.

— Хорошо, что ты вернулась. Мы скучали по тебе.

— Я тоже скучала по тебе, папа, — говорит она, прежде чем идти вперед.

И, как я и предсказывал, она ни разу не оглянулась на меня.

Это выводит меня из себя.

Тьма тени Нико, наконец, заставляет меня оглянуться на него.

Не желая видеть вопросы и жажду смерти в его глазах, я отворачиваюсь и хватаю сумку Калли. Как только достаю ее, я сую ее в грудь Нико.

— Моя работа выполнена. Твоя маленькая принцесса в безопасности, — ворчу я.

Каким-то гребаным чудом все его поведение меняется, когда он находит ремни ее сумки и забирает ее к себе.

— Спасибо, чувак. Мы действительно ценим, что ты терпел ее, пока мы разбирались с этим дерьмом.

— На самом деле у меня не было особого выбора, не так ли?

— Ты знаешь, что они просто пытаются подтолкнуть тебя к тому, чтобы ты был лучшим, — говорит он, говоря мне без лишних слов, что теперь он тоже в курсе ситуации.

— Потому что сертификат с парой оценок делает меня лучшим солдатом, — усмехаюсь я.

— Я понимаю это, чувак. Я действительно, блядь, понимаю.

— Верно. Что ж, я собираюсь— Я показываю пальцем через плечо и возвращаюсь к своему байку.

— Да. Я собираюсь отнести это злой девчонке в подвале. Я знал, что она разозлится, но я этого не ожидал.

— Ей пришлось неделю терпеть меня за компанию. Чего ты ожидал?

— Ты хороший человек, Ди. Не позволяй тому, что происходит прямо сейчас, заставить тебя думать иначе.

— Конечно, — соглашаюсь я, перекидывая ногу через байк, более чем готовый совершить побег.

Движение в кухонном окне привлекает мое внимание, и мое сердце подскакивает к горлу при мысли, что она, возможно, стоит там и наблюдает за мной, но затем Эван снова появляется из парадной двери, и я понимаю, что моя надежда была бессмысленной.

— Спасибо тебе, Деймон. Я благодарен за все, что ты сделал для ее безопасности.

Ты бы так не говорил, если бы знал правду.

— У меня были задания и похуже, — бормочу я, перекидывая ногу через байк, более чем готовый убраться отсюда ко всем чертям, теперь, когда мой груз доставлен.

— Иди и насладись покоем, — говорит он со смехом. — Я не могу себе представить, что ты получил много такого за последнюю неделю, когда моя девочка проболтала тебе все уши.

— Она была не такой уж плохой. В основном она злилась и кричала на меня.

— Ну, да. Я тоже могу это представить.

Сможешь ли?

С лицом, все еще застывшим в каменной маске, я киваю им двоим и опускаю забрало своего шлема, оставляя запасной, который был на Келли, на гравии под ногами Эвана и Нико. Возможно, я выдаю желаемое за действительное, но, может быть, всего лишь может быть, однажды я найду повод снова усадить ее к себе за спину.

Не говоря больше ни слова, я завожу двигатель, разбрасывая брызги камней по подъездной дорожке, когда выезжаю к воротам. Я едва останавливаюсь, чтобы поблагодарить солдат, которые позволили мне сбежать, когда я нацеливаюсь на дом.

В тихом уединении моей квартиры.

Я полюбил это место еще до того, как переехал. Как только папа упомянул планы Дэмиена и Эвана относительно здания, я был полностью согласен.

У меня были все намерения уйти из дома при первой же возможности. Я просто предполагал, что сначала мне придется закончить Найтс-Ридж. Поэтому, когда появилась возможность быстрее обзавестись собственным домом, я ухватился за это. Я бы переехал сюда, не закончив его, если бы пришлось. Что угодно, лишь бы выбраться из папиного дома и подальше от воспоминаний — кошмаров — которые у меня остались от этого дома. Единственное худшее место в мире — это старый дом моих бабушки и дедушки. Или, более того, сарай нашего дедушки.

Дрожь пробегает у меня по спине при одной мысли об этом месте.

Бабушка была достаточно доброй, но даже в детстве у меня было ощущение, что она пресытилась жизнью мафии. Они с дедушкой были вместе с детства, и он был таким же жестоким, как и они, так что я не могу представить, что у нее была самая легкая жизнь. Хотя она с этим мирилась. Я просто понятия не имею, было ли это из-за страха или любви. Что-то подсказывает мне, что, вероятно, первое.

Болезненный вздох вырывается из замкнутого пространства моего шлема, когда я сворачиваю с дороги на внешнюю парковку нашего здания. Последний раз, когда я был здесь, было началом лучшей недели в моей жизни.

Я говорил себе снова и снова, пока мы были там, что мне нужно использовать каждую секунду так, как будто это наша последняя встреча.

И я думал, что у меня получилось.

Пока все не закончилось.

Теперь я знаю, что никогда в достаточной степени не ценил ее улыбки, не наслаждался ее прикосновениями, не запоминал звук ее смеха, ее стоны.

Дверь на колесиках, ведущая на подземную парковку, открывается передо мной, когда я подъезжаю к ней, и я быстро позволяю зданию поглотить меня.

Если я добьюсь своего, я останусь там до тех пор, пока у меня не останется иного выбора, кроме как отправиться в школу.

Не могу лгать, после обсуждения с Калли и позволения ей объяснить мне все по-своему,

все действительно кажется немного более возможным. Но я боюсь, что в ту секунду, когда я получу эти книги обратно и буду вынужден снова попытаться разобраться во всем в одиночку, все хорошее, чего она достигла, разобьется на зазубренные, бесполезные осколки, которые, как и мое сердце, никогда больше не соберутся вместе должным образом.

Моя машина припаркована именно там, где я ее оставил, когда бросил перед тем, как сесть на байк, в кузов фургона, который мы использовали для нашей миссии по похищению. Сумка с вещами, которую я взял на случай, если останусь в этих типах с остальными, все еще лежит на заднем сиденье.

Схватив ее, я прохожу мимо пустого места Алекса и направляюсь вверх, более чем готовый запереться в своей квартире и утопить свои печали в таком количестве алкоголя, какое смогу найти и переварить.

19

КАЛЛИ

— Каллиста, — выдыхает мама, и почти настоящая улыбка растягивает ее губы, когда она встает с табурета на кухне.

Это фальшивое счастье исчезает почти мгновенно, когда она рассматривает мой наряд, ее губа кривится от отвращения.

— Я ехала на заднем сиденье мотоцикла Деймона, мам. Что ты ожидала, что я надену? Летнее платье и туфли на каблуках?

— Я думала, что неделя вдали от дома позволила бы тебе расслабиться. Ты выглядишь напряженной.

— Ладно, быть изгнанной из города и вынужденной неделю жить с психом на самом деле не так уж весело, просто чтобы ты знала. — Я съеживаюсь от собственных горьких слов, но я не могу остановить, как они срываются с моих губ

— Ты хотя бы немного позанималась? — С надеждой спрашивает мама.

— Да, — шиплю я, направляясь к холодильнику и доставая банку кока-колы, к большому маминому ужасу.

— Тебе не следует это пить, — отчитывает она.

— Я не думаю, что одна банка кока-колы истощит мои мозговые клетки, — бормочу я.

— Каллиста, я не уверена, что мне нравится твое отношение, — кричит она мне вслед, когда я поворачиваюсь к ней спиной и выбегаю из комнаты.

— Да, ну, это просто тяжело, — бормочу я себе под нос, направляясь в свой подвал.

Я должна чувствовать какое-то удовлетворение, вернувшись в единственный дом, который я когда-либо знала, я уверена. Но я не чувствую. Я чувствую себя не на своем месте, как предмет мебели, который не сочетается с остальным безумно дорогим дерьмом, которым мама любит наполнять дом.

Это заставляет меня осознать, что я всегда чувствовала это до определенной степени. Просто у меня никогда не было другого места, где я чувствовала бы себя как дома раньше. Но быть в том пляжном домике с Деймоном... это было так... правильно. Так легко и непринужденно. У меня здесь такого никогда не было. Я всегда на взводе, гадая, появятся ли мама или папа в какой-то момент и скажут мне, что я не совсем соответствую их невероятно высоким и недостижимым ожиданиям.

Я спускаюсь в свой подвал в надежде, что мое личное пространство поможет мне почувствовать себя лучше. Но когда я спускаюсь по лестнице и толкаю дверь, мой запах

может быть правильным, но место было прибрано с точностью до сантиметра от его жизни. Это была Джослин, а не мама, и это заставляет меня чувствовать себя немного лучше, но все же огромная часть меня просто хотела погрузиться в хаос моей жизни вместо этой идеальной, фальшивой версии.

Со вздохом я продвигаюсь вперед, открываю банку в руке и направляюсь к окнам от пола до потолка.

Мои глаза сканируют линию деревьев, которая тянется вдоль стены дома, в поисках ветки, с помощью которой Деймон мог бы подсматривать за мной.

Он не лгал о том, что там он прячется, когда наблюдает за мной. Я видела чистую честность в его глазах, когда он признавался, так что я знаю, что его место где-то там.

Движение заставляет мое сердце подпрыгнуть к горлу, но затем один из папиных солдат появляется из-за деревьев, осматривая местность, как будто он находится в зоне боевых действий, черт возьми.

— Нет, — выдыхаю я, уже зная, что означает его вид.

Я тянусь вперед и хватаюсь за ручку двери. Это бессмысленно, но я все равно делаю это, даже когда голос отца звенит в пространстве. — Они заперты.

Я тяну сильнее, мое сердце колотится, когда адреналин пронизывает меня.

— Нет, — выплевываю я, разворачиваясь к нему лицом. — Ты не можешь так поступить со мной.

— Пока я не буду уверен, что это абсолютно безопасно.

— Тогда почему я здесь? — Спрашиваю я, уже начиная походить на сумасшедшую.

— Потому что мы скучали по тебе. — Горький смешок срывается с моих губ, прежде чем, наконец, всплывает правда. — И твоя мама отчаянно хотела, чтобы ты была здесь на ее вечеринке.

— Ах, конечно. Теперь все обретает смысл, — бормочу я, иду в угол комнаты, где находятся жалюзи, и быстро опускаю их, закрывая и солнце, и людей отца, которые патрулируют поместье. Охранники у ворот должны были подсказать, насколько все это серьезно.

— Тебе следовало просто оставить меня там. По крайней мере, я не была заперта в клетке.

— Каллиста, все не так. Это только—

— Только что, папа? — Спрашиваю я, мои руки опускаются на бедра, когда я пристально смотрю на него.

В его глазах мелькает чувство вины. При виде этого у меня замирает сердце. Папа никогда не показывает свою уязвимость, совсем как кто-то другой, кого я когда-то знала, так что то, что он позволяет этому проявляться так явно, действительно о чем-то говорит.

— Ты ушла из дома, Калли.

— Потому что ты был властным— Я проглатываю следующее слово, когда папа приподнимает бровь.

— Да, — признает он. — Был. Я должен был объяснить все должным образом.

— Тебе следовало делать это много, много раз в моей жизни. Но, как и в те разы, ты решил скрыть это, попытаться притвориться, что все было в порядке. Если бы ты просто был честен, я, возможно, не ушла бы так, как ушла. — Честно говоря, я не уверена, как это произошло бы. Но мне хотелось бы думать, что, если бы папа сказал: «Остановись, итальянцы жаждут крови, и они могут в конечном итоге достать тебя», это могло бы

заставить меня усомниться в моем выборе в тот день.

— Я знаю, что должен, — признается он, впервые в моей жизни искренне сожалея о том, что он сделал.

— Я отказываюсь жить здесь, внизу, как заключенная.

— Это небезопасно.

— Я думала, что все улажено. Следовательно, почему я сейчас здесь.

Он колеблется. — И да, и нет.

— Что это вообще должно означать?

— Они больше не охотятся конкретно за тобой. Но угроза всем нам все еще существует. Война по-прежнему неизбежна. Я отказываюсь подвергать твою жизнь большему риску, чем она уже есть.

— Отлично, — бормочу я, тоскуя по свободе, которая была у меня на прошлой неделе. Может, мы и не выходили из дома, но, по крайней мере, я могла спуститься на пляж. По-видимому, даже сад сейчас находится под угрозой.

— Если тебе нужно будет уехать, ты возьмешь с собой своего брата или одного из мальчиков для защиты.

— Ты знаешь, я могла бы защитить себя. Все, что тебе нужно сделать, это научить меня. — Это ложь. Деймон и Алекс, пока он был с нами, проделали чертовски хорошую работу, обучая меня. Я чувствую себя более уверенной, чем когда-либо, в том, что смогу сделать то, что может потребоваться, если что-то случится снова.

Он кивает в знак согласия, и мой подбородок почти касается пола. — Я сделаю. Я не позволю тебе снова быть беспомощной.

— Э-э... — Я заикаюсь, потрясенная до глубины души. Если бы я знала, что все, что потребовалось бы, — это быть похищенной, чтобы заставить его образумиться, тогда я бы сделала это много лет назад... возможно.

— Мне нужно выйти и уладить кое-какие дела. Но я собираюсь сводить тебя на стрельбище. И я поговорил с Нико и Стеллой о том, чтобы дать тебе несколько уроков самообороны.

— Ты сделал? — выдыхаю я, не веря тому, что слышу.

— Я достаточно мужчина, чтобы признать, что был неправ, Калли. Твоя мать, она никогда не хотела быть вовлеченной во все это, и она убедила меня, что ты тоже не будешь. Но я вижу, что ты больше дочь своего отца, чем своей матери.

— Ты только сейчас это заметил? — спрашиваю я.

— Эта жизнь... она—

— Опасная, пугающая, жестокая. Я знаю, папа. Я знаю все эти вещи. Но это и моя жизнь тоже. Я не хочу прятаться. Я не хочу быть слабой и уязвимой. Я не хочу быть бесполезным членом Семьи, которую вы все чувствуете, что должны защищать. Я не та девушка, папа.

— Я знаю, и мне жаль, что я предполагал, что ты будешь счастлива ею быть.

Я смотрю на него, разинув рот.

— Так хорошо, что ты вернулась, малышка.

Я улыбаюсь ему, не в силах сдержать тот же уровень раздражения, что и тогда, когда он впервые спустился сюда.

— Спасибо тебе, — выдыхаю я, прижимаясь к его груди.

Его руки обвивают мое маленькое тело, и я мгновенно снова чувствую себя маленькой

девочкой.

— Пожалуйста, Калли. Будь благоразумной. Нам нужно, чтобы ты была в безопасности. Если тебе нужно куда-нибудь пойти, позвони мне. Позови одного из парней.

— Я сделаю, я обещаю. — В конце концов, я не в настроении быть похищенной по-настоящему.

— Вечеринка у твоей матери в субботу вечером. — Блестяще. — Но завтра у нас ужин с друзьями, на котором она ожидает, что ты будешь.

— Я уверена, что было бы лучше просто—

— Пожалуйста, Калли. Просто сделай для меня одну вещь. — Точно так же, как каждый раз, когда он говорит таким тоном, я мгновенно теряю самообладание.

— Хорошо, прекрасно, — соглашаюсь я сквозь стиснутые зубы. — Я буду там, и я обещаю позвонить ребятам, если захочу куда-нибудь пойти, но ты должен выполнить свою часть сделки.

— Спасибо тебе, — выдыхает он, снова притягивая меня к себе и целуя в макушку.

В ту секунду, когда он поворачивается и оставляет меня распаковывать сумку, которую он принес с собой, тишина и одиночество моего подвала захлестывают меня.

Я уже неделю не была одна. Всякий раз, когда мне было нужно что-то, с кем можно поговорить, поплакать на плече, он был рядом. И теперь... он просто ушел.

Исчез, как будто то, что между нами было, ничего не значило.

Я занята тем, что снова расставляю все по своим местам, когда мое внимание привлекает окно в единственной двери, ведущей наружу.

Что-то подсказывает мне, что его там не будет, но во мне мелькает небольшое сомнение, которое заставляет меня действовать.

Разрезая бумагу по размеру, я говорю себе, что это для того, чтобы сторожевые псы, которых держит там папа, не подглядывали за мной, но я знаю, что лгу только себе. Никто из этих людей не стал бы рисковать гневом моего отца, пользуясь предоставленной им работой в сфере безопасности.

Я вздыхаю с облегчением, когда закрываю его.

Конечно, он не стал бы рисковать быть пойманным, придя посмотреть на меня. До сих пор он делал все, что мог, чтобы сохранить меня, как свой маленький грязный секрет.

Рыдание разрывает мою грудь при этой мысли, потому что это все, чем я была для него.

Маленький грязный секрет. Какой-то извращенный курортный роман. Немного повеселился, пока его заставляли нянчиться со мной, как хорошего маленького солдата.

— О Боже, — выдыхаю я, едва держа себя в руках.

Все это... это была просто работа.

Я была просто работой.

Я отступаю назад, пока мои ноги не упрутся в кровать, а затем я падаю на нее.

Горе, боль и сожаления — все это сталкивается и погружает меня глубже в пучину отчаяния.

Я позволила себе думать, что это реально. Верила всему, что он мне сказал.

Было ли все это ложью, дерьмом и манипуляцией?

Их голоса достигают моих ушей в ту секунду, когда они спускаются по лестнице, и я улыбаюсь впервые с тех пор, как меня грубо разбудили этим утром.

— Выходи, выходи, где бы ты ни была, — поет Стелла, когда я заканчиваю мыть руки.

После моего эпического срыва ранее, я позволила себе хорошенько поговорить с самой собой и отправилась в душ в надежде смыть как следы слез, которые окрашивали мои щеки, так и опустошение, которое, казалось, сочилось из каждой поры.

Я натянула самое сексуальное нижнее белье в моем ящике, не потому, что у меня были планы, чтобы кто-нибудь это увидел, просто потому, что мне нужно было что-нибудь, что угодно, чтобы я не чувствовала себя так, словно умираю внутри. Я нашла свое любимое платье и надела его с парой леггинсов, уложила волосы и нанесла макияж, как будто собиралась отправиться в город.

Стелла и Эмми стоят посреди моего подвала, когда я выхожу из ванной с озабоченно нахмуренными бровями.

— Эй, что случилось?

— Калли, — ахают они обе, подбегая и заключая меня в тройные объятия.

— Э-э... я что-то пропустила? — Бормочу я, зажатая между ними двумя.

Мы болтали почти все дни, пока меня не было, и они были нормальными. Но это... это ненормально.

— Мы беспокоились о тебе, — признается Стелла.

— П-почему? — спрашиваю я, когда они, наконец, освобождают меня.

— Мы не знали, где ты была, и здесь было чертовски напряженно. Парни держат язык за зубами обо всем, независимо от того, сколько раз мы им отсосали и—

— Вау. Я тоже скучала по вам обоим, но есть шанс, что мы можем отложить разговор о минуте хотя бы на тридцать минут?

— Прекрасно, — говорит Эмми с оживленным вздохом. — Но ты знаешь, как сильно мы любим говорить о них.

— Разве я не знаю, — бормочу я, подходя к холодильнику. — Хотите выпить? У меня есть... черт, — вздыхаю я, когда реальность бьет меня по лицу, как мокрая рыба. — Вода или... — Я переворачиваю упаковку, мой нос морщится, когда я читаю этикетку. — Кокосовая вода.

— Вау, ты действительно любишь нас, да? — Пробормотала Стелла. — К счастью для тебя, мы это предвидели и привезли припасы. Она поднимает сумку, прежде чем бросить ее на прилавок и вытащить содержимое. — И мы уже заказали китайскую кухню. Мы мило поговорили с одним из парней у ворот. Он собирается написать мне, когда заказ придет, чтобы мы могли незаметно выбраться и забрать его. Твоя мама никогда не узнает, что ты ела сахар.

— Трахни мою мать, — усмехаюсь я, доставая одну из бутылок сидра, которые она поставила на стойку. В ту же секунду, как я нашла свою открывалку для бутылок, я откупориваю ее и подношу к губам, делая глоток за глотком, в то время как обеспокоенные взгляды моих друзей прожигают меня.

— Ты хочешь поговорить об этом? — спрашивает Эмми.

— Что? Как меня вынудили уехать из города ради... «моего же блага», — говорю я, передразнивая мамин голос. — Защищали, как бесполезную маленькую девочку, потому что я явно не могу справиться с тяжелым дерьмом?

— Калли, я не— Я пристально смотрю на Стеллу.

— Но ты казалась такой счастливой, когда тебя не было, — говорит Эмми, ее брови сильно сдвинуты в замешательстве.

— Я была у моря, светило солнце. Так все всегда выглядит лучше. Теперь я застряла здесь и могу выходить только в том случае, если у меня есть гребаный охранник. Который, я полагаю, вам был не нужен, чтобы добраться сюда.

— Э-э... нет. Но у меня есть это, — говорит Стелла, морщась, вытаскивая пистолет сзади из джинсов.

— Конечно, есть. Мне тоже не разрешают ничего подобного. Клянусь Богом, мои родители думают, что мне восемь. Я имею в виду, просто посмотри на это...

С грохотом поставив почти пустую бутылку на стойку, я бросаюсь к своему гардеробу и к остальным удовольствиям, которые ждали меня, когда я распаковывала вещи ранее.

— Что, черт возьми, это такое? — спрашивает Эмми, в каждом слове сквозит отвращение.

— Почти уверена, что это одежда чьей-то бабушки, — съязвила Стелла.

— Я знаю, что ты провела неделю в каком-то сонном приморском местечке, но действительно ли были необходимы покупки в их благотворительных магазинах?

— Ха-ха-ха, — говорю я с горечью. — Ты забавная. Я не выбирала это.

— На них повсюду написана Кассандра. По сути, они имитируют то дерьмо, которое мы выкинули, когда ты переехала сюда.

— Они отвратительны, — говорит Эмми, зажимая ткань одного из платьев между большим и указательным пальцами.

— Они дизайнерские, — говорю я, заставляя себя говорить серьезно.

— Дизайнерское дерьмо. Серьезно, для них есть только одно место. — Эмми хватается за оба платья и вешалки, на которых они висят, и с размаху швыряет их в угол комнаты.

— Почти уверена, что она хочет, чтобы я надела их на следующие две ночи ада.

— Вечеринка по случаю ее дня рождения? — подтверждает Стелла.

— Ага, и завтра вечером какой-то дерьмовый ужин.

— Ну, по крайней мере, мы все будем там на вечеринке. И у нас есть время купить тебе новые платья, потому что ты их не наденешь. — Стелла бросает взгляд на кучу ткани в цветочек. Я удивлена, что это не вспыхивает пламенем от чистой ненависти в ее глазах.

— Мама убьет меня, если я не—

— Что ты сказала о своей маме всего несколько минут назад? — спрашивает Стелла, глядя на меня ободряющим взглядом.

— Да, да. Хорошо. Налей мне еще сидра и давай закажем замену. Если она собирается разозлиться на меня, я могу выглядеть чертовски сексуально, делая это.

— Аминь. — Стелла поднимает свою бутылку сидра в знак приветствия, прежде чем осушить ее наполовину самым неподобающим для леди способом, который, я думаю, я когда-либо видела.

Широкая улыбка расплывается на моем лице, когда я наблюдаю за ней.

Возможно, то, что меня оторвали от Деймона и нашего маленького убежища, все еще гложет меня, но пребывание здесь с моими девочками помогает смягчить удар, который он нанес, даже не сказав ни слова или сообщения о нашем времени вместе.

— Возьми свой iPad, Кэл. Давай отправимся за покупками, — требует она, падая на мой диван.

— Почему все жалюзи закрыты? — спрашивает Эмми. — Это как... на улице идеальный весенний день.

— Ха, — бормочет Стелла. — Я удивлена, что принцесса тьмы вообще заметила восход

солнца этим утром.

— Пошла ты. Я видела это. Это отражалось от пресса Тео, когда он голым проходил мимо окна в нашей спальне, дразня меня моей любимой игрушкой.

— Эм— Я начинаю предупреждать, но она быстро обрывает меня.

— Что? Ты сказала тридцать минут. Это было— Она бросает взгляд на свой телефон.

— Именно. Как бы я ни ценила компанию, мне не нужно... это.

— Тебе нужно потрахаться, — поет Эмми за бутылкой. — Кто придет на эту чертовски скучную вечеринку субботним вечером? Есть потенциальные поклонники для нашей принцессы Чирилло?

Образы Дэймона из нашего недельного отсутствия мелькают в моем сознании. Наблюдая, как он выходит из моря с водой, стекающей по его мускулам, как он улыбается мне сверху вниз, как он держал меня, когда учил целиться из пистолета.

Черт.

— По нашим меркам или моих родителей?

— Наши, очевидно. Ни один родитель не планировал бы для тебя то, чего мы хотим.

— Тогда никаких, потому что такие плохие мальчики были бы слишком напуганы гневом моего отца и брата.

— Все еще думаю, что это должен быть Алекс, — бормочет Стелла. — Он бы показал тебе—

— Он знает, что я вернулась?

— Понятия не имею. На самом деле его не было. Думаю, он был у Стефаноса.

— Серьезно, что с ним такого? — Спрашивает Эмми. — У него есть своя квартира, своя свобода, но он продолжает бегать домой к папочке. Почему?

— Это имеет значение? — Спрашиваю я, в надежде увести разговор подальше от любого из близнецов Дэймос.

Как только Алекс узнает, что мы двое дома, я не сомневаюсь, что он приедет в гости, и, честно говоря, это то, что я рада отложить как можно дольше.

Они оба смотрят на меня, их глаза сужаются.

— Что случилось? — Спрашивает Стелла, очевидно, прочитав что-то в выражении моего лица, о чем я не хотела говорить.

— Н-ничего.

— Что-то случилось с Алексом?

— Что? Нет, конечно, нет.

Они обе смотрят на меня так, как будто не верят мне.

— Seriously, с Алексом ничего не случилось. Он был всего лишь джентльменом в типичном. — В то время как он слушал, что его брат-близнец был полной противоположностью.

Мои щеки заливают жаром, и я внутренне стону.

Я никогда не смогу держать это в секрете, если не могу сохранять хладнокровие даже при упоминании их имен.

На что, черт возьми, это будет похоже, когда в следующий раз меня заставят находиться с ними в одной комнате?

С ним.

— Братан, открой гребаную дверь, — гремит Алекс, но я не двигаюсь со своего места на диване, куда упал после того, как неохотно смыл с себя ее запах.

Воспоминания в моей голове достаточно плохие. Но еще и возможность чувствовать ее запах?

Чертова пытка.

— Уходи, — кричу я в ответ, даже не потрудившись убрать руку, прикрывающую глаза.

Еще светло. Несмотря на то, что я задернул шторы, чтобы утонуть в собственных мрачных сожалениях и страданиях, я знаю, что солнце проберется сквозь щели в ту секунду, когда я открою глаза. И если я впущу его, будет только хуже.

Алекс всегда был светом в моей тьме. Юмором в моих страданиях.

Мне это нахуй не нужно прямо сейчас.

Мне просто нужно допить бутылку водки, стоящую на моем кофейном столике, и снотворное, которое есть в моей ванной. Только тогда боль, разрывающая мою грудь, уменьшится.

— ДЕЙМОН, — рывкает Алекс. — Я не собираюсь, блядь, шутить. Открой эту дверь или я ее, блядь, вышибу.

Я не реагирую. Зачем мне это? У него нет ни единого гребаного шанса разрушить ее. Она заперта крепче, чем утиная задница, на засовы.

Единственный способ попасть внутрь — обойти систему безопасности.

— Черт, — шиплю я, прекрасно зная, что Алекс опустил бы так низко, чтобы добраться до меня, если бы пришлось. — Чего ты хочешь? — Кричу я в ответ.

— Увидеть тебя. Я, блядь, слишком многого прошу?

ДА.

— Увидимся завтра, хорошо? Просто... *Отвали и дай мне утонуть в одиночестве.*

— Не-а, чувак. Этого не будет. Нам нужно поговорить после всего, что произошло с—

— Не надо, — рывкаю я. — Не говори этого, черт возьми.

— Ага, видишь? Тебе, блядь, нужно впустить меня.

— Иисус, блядь, Христос, — тихо бормочу я себе под нос, свешивая ноги с дивана.

— Клянусь Богом, Деймон. Я— наконец-то, — шипит он, когда я открываю первый замок.

— Что? — Я рывкаю в ту же секунду, как открываю дверь, и просто смотрю на него через двухдюймовую щель.

— Господи. Ты дерьмово выглядишь, — говорит он, озабоченно хмурия брови.

— Отлично. Ты видел меня. Можешь теперь отвалить?

Он пристально смотрит на меня, молча сообщая мне, что вероятность того, что это произойдет, равна нулю.

— Чувак, что, черт возьми, произошло? Ты был так... счастлив.

Услышав этот поучительный комментарий, я открываю дверь и несусь обратно в гостиную за своей водкой.

Приглашая себя, как и ожидалось, его шаги становятся ближе, а его обеспокоенный взгляд прожигает мне спину.

— Что случилось?

— Ничего. Я привез ее домой, как просили. Теперь жизнь может продолжаться как обычно, — заявляю я, горечь в моем тоне заставляет меня вздрогнуть.

— Нормальная, в том смысле, что ты ходишь чертовски несчастный, пытаюсь забыть,

что ты безумно, блядь, влюблен в нее?

Я разворачиваюсь так быстро, что комната вокруг меня расплывается, заставляя меня задуматься, не собираюсь ли я упасть на пол.

Протягивая руку, я прижимаю ладонь к холодной стене и на несколько секунд закрываю глаза.

— Да, я думаю, с тебя этого достаточно, не так ли? — Говорит Алекс, пытаюсь вырвать бутылку из моих рук.

— Пошел ты, — рычу я. — Ты не имеешь ни малейшего гребаного представления о том, что мне нужно прямо сейчас.

Его брови приподнимаются, но он не отступает. Он даже не вздрагивает.

— Не, ты не совсем в моем вкусе. Слишком большой член и все такое.

Я скалю на него зубы, моя свободная рука сжимается в кулак, более чем готовая стереть ухмылку прямо с его лица.

— Что случилось с Калли, Деймон? Что ты сделал?

— Свою гребаную работу, придурок.

Я слишком погружен в свои мысли, в тот момент, когда она повернулась спиной и вошла в дом, как будто я даже не стоял там, проигрывая на повторе снова и снова, разрывая свое сердце снова и снова.

— Ты причинил ей боль, не так ли?

— Я бы и пальцем к ней не прикоснулся, и ты это знаешь, — рычу я, глядя ему прямо в лицо.

— Я не имел в виду физическое насилие, — ворчит он, его лоб соприкасается с моим, когда он стоит со мной лицом к лицу. — Скажи мне, что ты сделал.

— Зачем? Чтобы ты мог пойти и вытереть ее гребаные слезы и доказать ей, что она все это время трахалась не с тем близнецом?

Сердитое рычание вырывается глубоко из его горла.

— Так вот к чему все это, не так ли? Ты хочешь ее. Ты хочешь ее и не можешь смириться с тем, что однажды я победил. Что я победил тебя.

Треск.

Его костяшки пальцев нанесли мне в челюсть сокрушительный удар.

Боль пронзает мою шею, правая сторона лица горит от столкновения. И я, блядь, получаю от этого удовольствие.

Мне это нужно.

Мне нужно чувствовать боль откуда-то еще, кроме черной, зияющей дыры в моей груди, где должно быть мое сердце.

Алекс может думать, что я люблю ее.

Но я не могу.

Как я могу?

Я родился с испорченным сердцем, и я почти уверен, что неспособен кого-либо любить. То, что я чувствую к ней... это навязчивая идея. Нездоровая навязчивая идея, от которой ей было бы лучше держаться подальше.

— Еще, — рычу я, когда он сразу же не бьет меня снова.

— Я не буду удовлетворять твою гребаную потребность в боли, Деймон. Я пришел помочь, поговорить.

— Меня это не интересует. Просто заставь меня заплатить за то, что я с ней

переспал. Сделай мне больно, заставь меня истекать кровью, а потом выйди отсюда и иди к ней. Мы оба знаем, что в любом случае ей было бы лучше с тобой—

— Да, — говорит он с грустным смехом. — Она, вероятно, была бы рада, глядя на твое состояние, но я думаю, что для этого чертовски поздно, не так ли? Она так же чертовски увлечена тобой, как и ты ею. Разве ты не видишь, как она смотрит на тебя?

— С жалостью и замешательством, как и все остальные? — Поднося бутылку к губам, я делаю еще несколько глотков, прежде чем кинуть ее на кофейный столик.

— Ты гребаный идиот. Открой свои гребаные глаза и посмотри, что прямо перед тобой.

— Девушка, которая слишком хороша для меня. Девушка, к которой я никогда не должен был прикасаться. Девушка, у ног которой весь мир, и ей не нужно, чтобы такие, как я, унижали ее.

Он смотрит на меня, его грудь вздымается, как будто он только что пробежал гребаный марафон, но он не дает мне того, что мне нужно. Чего я жажду.

Вместо этого он просто продолжает срывать с меня клочки, как она, сама того не подозревая, делала весь день.

— Девушка, которая чертовски любит тебя, чувак. Девушка, которая сделала бы для тебя все, что угодно, даже если бы это означало причинить себе боль в процессе. Она — лучшее, что когда-либо случалось с тобой. И если ты думаешь, что я собираюсь смотреть, как ты вырываешь себе сердце из-за своей неуверенности, тогда тебе действительно нужно, блядь, подумать еще раз.

На этот раз первый ход делаю я, мой кулак с тошнотворным хрустом врежется в лицо Алекса, прежде чем из его носа начинает литься кровь.

Звериное рычание прорезает воздух на мгновение, прежде чем он бросается на меня, наконец уступая своей темной потребности причинить мне боль за то, что я сделал. Весь воздух вырывается из моих легких, когда его кулак попадает мне в живот, заставляя меня согнуться, но мне удается прийти в себя до того, как он наносит второй удар.

Реальность наконец исчезает, и я полностью позволяю себе утонуть в темной бездне, в которой я так привыкла жить.

Первое, что я чувствую, когда просыпаюсь, это агония. Но я не уверен, что болит сильнее — мое лицо или пустота в груди.

— Черт, — стону я, переворачиваясь на спину, каждый дюйм моего тела ноет от восхитительной, вызывающей привыкание боли, которой, я знаю, мне никогда не будет достаточно.

Этого почти достаточно, чтобы заглушить то, что сжимается у меня в груди. Почти.

Еще один громкий стон прорезает воздух, прежде чем что-то теплое касается моей руки.

— Что за— Я сажусь, немедленно доставая нож, который лежит у меня под подушкой.

Хотя я быстро выпускаю его снова, когда узнаю, кто решил воспользоваться другой стороной моей кровати.

— У меня есть гребаная свободная комната, придунок, — бормочу я, мой язык запекся от затяжного эффекта водки и всего остального, что я мог найти прошлой ночью, и мой голос чертовски хриплый после сна.

— Подумал, что ты можешь проснуться в слезах и нуждаться во мне.

— Чертовски маловероятно, — ворчу я.

Опираясь на локти, я пытаюсь сесть. Вскоре я обнаруживаю, что это чертовски глупый поступок, когда у меня кружится голова и сводит желудок.

— Не вздумай, блядь, плевать на меня, — предупреждает Алекс, когда я падаю обратно на подушки и закрываю глаза рукой.

— Отвали, — ворчу я, не интересуясь аудиторией, пока тону в своем похмелье и страданиях.

— Я говорил тебе не пить так много.

— Что ж, мне чертовски жаль, что я разочаровал тебя, — невозмутимо говорю я. — Хотя ты уже должен был привыкнуть к этому.

— Братан, — выдыхает он.

— Нет, — огрызаюсь я, поднимая руку и свирепо глядя на него. — Нет. Ты не можешь лежать здесь и рассказывать мне обо всех вещах, которые я должен или не должен был делать. Ты понятия не имеешь, через что я прошел. Что было у нас с Калли. Поэтому мне не нужны твои советы по ситуации. Она там, где ей место, и она в безопасности. Это то, что сейчас важно.

— Но—

— Нет, Алекс, — рывкаю я, сглатывая желчь, которая поднимается к моему горлу, когда я заставляю свое тело встать прямо. — Мне не нужны твои советы прямо сейчас. Мне просто нужно, чтобы ты ушел.

Я врываюсь в свою ванную комнату, захлопываю за собой дверь, вздрагивая в ту секунду, когда звук удара достигает моих ушей.

Черт. Я действительно, блядь, зависаю.

Я включаю душ, переключаю регулятор на холодную воду, прежде чем отлить и почистить зубы, все время борясь с желанием плевать.

Мое тело дрожит в ту секунду, когда я вхожу под струю ледяной воды, но я не уклоняюсь от нее. Я заставляю себя стоять там и терпеть боль. Это то, чего я заслуживаю за то, как я вчера все закончил.

Я вздрагиваю, когда Алекс ударяет кулаком по двери. Он поворачивает ручку, но далеко не уходит, потому что я защелкнул замок в ту же секунду, как оттолкнулся от двери.

— Отвали, Э.

— Да, да. Я, блядь, ухожу. Я просто хотел сказать еще одну вещь.

— Великолепно, — бормочу я про себя, зная, что любой самородок, который вот-вот сорвется с его губ, будет самым тяжелым ударом.

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что я считаю тебя гребаным трусом. Всю свою жизнь я благоговел перед тобой. Твоей силой, твоей способностью сбрасывать всю чушь со счетов. Сосредоточиться на том, чего ты действительно хочешь, и убедиться, что ты это получишь. Но ты облажался с этим, братан. И ты не только разочаровал меня, но ты, блядь, подвел ее, а она — лучшее, что, блядь, когда-либо случилось с тобой.

Моя ладонь с болезненным шлепком ударяется о плитки, а сердце колотится так сильно, что кружится голова.

— Подумай об этом, ладно? И когда у тебя вырастет пара яиц, пойди поговори с ней. Тем временем я буду рядом с ней, потому что она заслуживает друга, если ничего другого.

За этим заявлением следует только звук моего тяжелого дыхания.

Еще раз хлопнув ладонью по плитке, я делаю шаг вперед, прижимаюсь лбом к стене и

крепко закрываю глаза, прокручивая в голове все то, что я должен был сделать по-другому за последние несколько недель, ну... месяцев на самом деле, потому что все это началось с моего гребаного жалкого самоконтроля на Хэллоуин.

— Кто, черт возьми, нассал на твоего котенка? — спрашивает Айла, пригласив себя в мою квартиру позже тем же днем.

Я ворчу в ответ, уставившись в учебник передо мной, пытаюсь понять, почему все это дерьмо не имеет смысла теперь, когда у меня на коленях одновременно не сидит горячая девушка в бикини. Не совсем подходит для настоящих экзаменов, потому что я почти уверен, что приватный танец был бы встречен неодобрительно.

Отрывая глаза от дерьмовой книги, я обнаруживаю, что она смотрит на меня сверху вниз, оперев руки в бедра.

— Не думаю, что я когда-либо видела, как ты учишься раньше, Ди, что-то определенно происходит.

Я пристально смотрю на нее, моя бровь приподнимается.

— Ты действительно собираешься стоять там, притворяясь невинной? — спрашиваю я. Ее появление сегодня днем никак не может быть совпадением. Алекс вызвал подкрепление. Я знал, что это произойдет — вот почему я не закрыл замки, когда наконец вышел из ванной. Честно говоря, я ожидал, что это будет мама. Я не уверен, разочарован я или рад, что у меня действительно есть моя прямолинейная, ни о чем не жалеющая лучшая подруга.

— Я вижу, ты все еще маленькая сучка, — бормочет она, скидывая свои кроссовки и падая на диван напротив меня, как будто это гребаное место принадлежит ей.

— Чувствуй себя как дома, — бормочу я, когда она кладет лодыжки на подлокотник, а голову на одну из моих подушек.

— Когда я этого не делаю? Что ты делаешь?

Я сердито смотрю на нее. Большинство людей, вероятно, съежились бы, но Айла не относится к большинству людей.

— Учусь. На что, черт возьми, это похоже?

— Честно? Пытка. Эта складка у тебя на лбу такая глубокая, что ты, вероятно, никогда от нее не избавишься.

Мой взгляд становится только более убийственным, но у нее ничего этого нет.

Подняв руку, она указывает на мое лицо. — Ты можешь обратить это дерьмо на кого-нибудь другого. Ад замерзнет в тот день, когда ты напугаешь меня, Ди.

— Очень жаль. Может быть, я обрел бы немного покоя, если бы у тебя была душа, как у нормальных людей, — усмехаюсь я.

— Ой, мое почерневшее сердце обливается кровью, — выдыхает она, прижимая руку к груди, как будто ей больно.

— Ты идиотка.

— А ты, судя по всему, слабак, так что с того?

— Я собираюсь надрать ему задницу за то, что он притащил тебя сюда.

— Не стесняйся. Могу я посмотреть? Нет ничего, что мне нравится больше, чем смотреть, как истекают кровью солдаты.

— С тобой что-то не так, — бормочу я.

— Нужно быть одним, чтобы узнать другого. Итак, что заставило тебя отвлекаться на школьную работу? И на этот раз настоящий ответ. На этой неделе с меня хватит дерьма.

Мои губы приоткрываются, чтобы прокомментировать это, но она быстрее меня.

— Мы говорим не о моем дерьме, мы говорим о твоём. — Она пронзает меня взглядом, который останавливает меня от спора.

— Папа увольняет меня с работы, если я не сдам это дерьмо, — говорю я, сбивая книгу, которая свисает с края кофейного столика, и переворачивая ее. Я полагаю, что это самая легкая из моих проблем, с которой мне сейчас приходится иметь дело. И если мне повезет, она не раскусит мою чушь и не поймет, что это наименьшая из моих проблем после того, как я позволил Калли поверить, что я не был заинтересован в попытке сражаться за нас.

— Это многое объясняет.

— Да, потому что я, блядь, никогда не пройду.

— Заткнись нахуй, Ди, ты более способный, чем сам думаешь.

К черту мою жизнь, я сыт по горло тем, что люди так говорят.

— Я думаю, мы узнаем, насколько это правда, когда появятся результаты.

— Так ты свободен до экзаменов или до результатов?

— Черт его знает, — говорю я, откидываясь на спинку дивана и поднимая ноги на кофейный столик.

— Ты знаешь, что тебе нужно?

— Нет, но что-то подсказывает мне, что ты собираешься указать на это.

— Ночная прогулка. Она улыбается мне, как будто это лучшая идея в мире.

— Серьезно?

— Черт возьми, да. Вся работа и отсутствие развлечений делают дьявола скучным ублюдком. Плюс, выпей немного, и ты, возможно, действительно наберешься мужества и расскажешь мне гребаную правду о том, что с тобой на самом деле происходит.

— Я никуда не собираюсь.

— Хорошо, тогда просто скажи мне. — Она раздражающе усмехается и просто ждет.

— Ты заноза в моей заднице, Айла Каллис.

— Но ты все равно любишь меня. Иди одевайся. У меня есть друг, который играет на вечере с открытым микрофоном у Рика. Это будет круто.

— Ночь с тобой никогда не бывает спокойной.

— И мы обычно никогда не пытаемся отвлечь тебя от разбитого сердца, так что, очевидно, настал день перемен.

— У меня нет разб—

— Солги мне еще раз, Ди, я, блядь, не шучу.

21

КАЛЛИ

Несмотря на защитные наушники, которые папа настоял, чтобы я надела, выстрелы с обеих сторон от меня все еще отдаются эхом в моем теле, когда Нико и папа делают выстрел за выстрелом по намеченным целям.

Я держу пистолет наготове, точно так, как меня учили.

Они вернулись к основам, и я позволила им. Я имею в виду, я вряд ли могла сказать им, что Деймон провел большую часть нашего времени вместе, занимаясь точно таким же делом. Он должен был защищать меня и ничего больше.

Я позволила им думать, что все, чему я научилась, было благодаря им. И я была рада, что сделал это, когда их груди раздулись от гордости, когда я попала в цель в первый раз.

Было приятно доказывать их неправоту после всех этих лет, когда они меня душили, но в основном это просто причиняло боль. Как и все, кажется, прямо сейчас.

Вчера девочки помогли. Они оставались со мной допоздна, находя любой способ рассмешить меня, несмотря на то, что не знали, что я умираю внутри.

Меня грызло чувство вины за то, что я не сказала им. Но я подумала, в чем смысл?

Деймон сделал свой выбор. Он выбрал Семью, что на самом деле не должно было меня шокировать. Семья была всей жизнью Деймона. С моей стороны было глупо думать даже на секунду, что я могла бы серьезно соперничать с этим в каком-либо роде.

Вокруг нас воцаряется тишина, и взгляды обращены в мою сторону.

— Что случилось? — спрашивает папа, хотя я вынуждена читать по губам, поскольку его голос едва доносится сквозь наушники.

— Ничего, — говорю я, загоня свою боль и сожаления глубоко в коробку, в которой они должны быть заперты, и сосредотачиваясь на текущей задаче.

Прицеливаясь, я наматываю палец на спусковой крючок. Все мое тело сотрясается от силы выстрела, когда я наконец стреляю.

Сила, контроль, опасность... черт возьми, это пьянящее чувство. Я уже знаю, что к нему можно было бы очень легко привыкнуть.

В первый раз, когда Стелла тайком привела меня сюда, пока все парни были на работе, я колебалась. Во мне все еще оставалась часть хорошей, подавленной маленькой принцессы, которая хотела следовать правилам и ожиданиям, которые от меня требовали.

Но в тот момент, когда я обхватила оружие рукой и почувствовал его вес, что-то просто показалось правильным.

Точно так же, как это происходит сейчас, когда я попадаю в цель снова и снова, пока моя обойма не опустеет.

— Срань господня, малышка Си. Это было эпично, — произносит знакомый, впечатленный голос позади меня, как только я снимаю наушники.

Я точно знаю, кому принадлежит этот голос. Но я не могу избавиться от надежды, что его узнавание пробудится в моем теле.

— Черт возьми, чувак. Я пропустил ночь драк или что-то в этом роде? — спрашивает Нико, заставляя мое сердце подпрыгнуть к горлу.

Если на Алексе боевые раны от драки, то наверняка есть только один человек, с которым он в нее втянулся.

Делая глубокий вдох и собирая с ним немного сил, я разворачиваюсь.

Мой подбородок чертовски близок к тому, чтобы упасть на пол, когда я смотрю в его лицо. Чувство вины клубится у меня внутри, мучительно осознавая, что я причина его боли.

— Алекс, — выдыхаю я, мой пистолет безвольно падает на бок, когда я делаю шаг к нему.

— Я в порядке, Кэл. Сотри это беспокойство со своего лица.

— Держу пари, другой парень выглядит хуже, верно, чувак? — небрежно говорит Нико, перезаряжая пистолет и готовясь к следующему раунду.

— Очевидно, — усмехается Алекс, но он морщится, когда его глаза встречаются с моими, в них читается извинение.

Без всякого предупреждения выстрел пистолета Нико пронзает меня насквозь, заставляя

слегка взвизгнуть от шока, и я проклиная себя за то, что вела себя именно так, как они видели меня последние семнадцать лет.

— Тебе нужно проглотить эти звуки, если ты хочешь, чтобы мы относились к тебе серьезно, сестренка.

Я стискиваю зубы и поджимаю губы, сдерживая свой ответ, который приведет только к нашей ссоре. У меня сейчас нет на это сил.

— Думаю, я собираюсь покончить с этим на сегодня. У меня болит плечо, — лгу я, убирая наушники и пистолет в шкаф.

— Не волнуйся, малышка. У тебя было тяжелое утро. Иди отдохни перед вечером. Очевидно, в твоём гардеробе есть что надеть.

Горький смех срывается с моих губ. — О да, я нашла это.

— Это хорошо? — спрашивает Нико, сделав паузу в своём последнем раунде, чтобы подслушать меня и папу.

Он более чем осведомлен о чудовищах, в которые наша мать одевала меня на протяжении многих лет.

Я свирепо смотрю на него в ответ, молча давая ему понять, что все *настолько* плохо.

— Что ж. Не могу дождаться, когда увижу это, — поддразнивает он.

Я задерживаю дыхание, готовая отпустить резкое замечание, но быстро отпускаю его снова.

— Я собираюсь пойти в душ, — говорю я, хватая толстовку, которую оставила на стуле, и перекидывая ее через руку.

Теперь, когда я остановилась, каждый дюйм меня начинает болеть.

Этим утром меня разбудили ни свет, ни заря, когда мой брат храбро сорвал с меня простыни и потребовал, чтобы я подняла свою толстую, нетренированную задницу — его слова, не мои — и приготовилась.

Когда папа сказал мне, что Нико согласился тренировать меня, я не думала, что он воспримет это так серьезно.

Но там был он, смотрящий на меня сверху вниз с решимостью, наполняющей его темные глаза.

Возможно, он никогда не признает этого, но в глубине души, я думаю, он действительно взволнован тем, чтобы превратить меня в плохую девчонку. Я уверена, что где-то здесь кроются эгоистичные причины, но прямо сейчас я просто рада, что и он, и папа согласны с этим.

Мне еще предстоит узнать, что мама думает обо всем этом. Но, честно говоря, мне действительно похуй.

— Тебе нужно быть готовой к семи, — кричит папа, когда я ухожу, быстро заполняя пространство, которое Алекс оставил между нами.

— Да, я буду готова, — говорю я, хотя в моих словах отсутствует какой-либо энтузиазм.

Мои глаза встречаются с глазами Алекса, когда я подхожу ближе. — Я в порядке, — заверяю я его. — Поиграй с мальчиками, ладно?

Я делаю шаг, готовая идти дальше, но он протягивает руку, хватая меня за руку.

— Не лги мне, Кэл. Я вижу это в твоих глазах.

— Это сделано. Закончено. Время двигаться дальше.

— Это чушь собачья, и ты это знаешь.

— Это так?

Вырывая свою руку из его хватки, я сосредотачиваюсь на доме вдалеке и убегаю.

— Братан, мне здесь нужно какое-нибудь гребаное соревнование. Старик потерял хватку.

— Следи за своим языком, мальщ, и помни, кто тебя обучал в первую очередь.

— Я помню. Дядя Дэмиен.

Качая головой в ответ на их подшучивания, я заставляю себя продолжать двигаться. Темные фигуры движутся вдоль линии деревьев, их глаза прожигают меня, напоминая, что мне действительно не нужно, чтобы за мной постоянно наблюдали и защищали.

Я понимаю. Итальянцы представляют угрозу. Но действительно ли они настолько глупы, чтобы нанести удар по нам на нашей собственной территории? Вероятно, нет.

Я беру бутылку воды, поскольку это все, что у меня есть на главной кухне, а также направляюсь вниз, чтобы спрятаться в моем подвале, надеясь, что Нико будет развлекать Алекса достаточно долго, чтобы он не почувствовал необходимости спуститься сюда и тащить все, что я отчаянно пытаюсь игнорировать.

Прошлой ночью я хотела рассказать девочкам все. Правда прожгла меня насквозь, чтобы быть честной обо всем, что я скрывала от них все это время. Но каждый раз, когда наступала тишина и представлялась возможность, слова просто застревали у меня на языке.

Итак, я рассказала свою историю прямо, притворившись, что всю прошлую неделю была одна, все это время позволяя лжи отравлять мои вены и наполнять меня еще большей горечью и сожалением.

Я выпил половину бутылки еще до того, как спустилась в подвал, но вместо того, чтобы направиться напрямик в ванную, чтобы смыть свою эпическую тренировку с Нико, я направляюсь прямо к своей кровати и падаю на нее головой вперед.

Я думаю, что мне нужно немного отдохнуть, прежде чем готовиться к тому, что наверняка станет одной из самых болезненных ночей в моей жизни.

Должно быть, я почти сразу отключилась. Нетрудно представить почему, учитывая, что я провела большую часть ночи рыдая в подушку в надежде изгнать всю боль и огорчение, чтобы к восходу солнца их не существовало.

Это было принятие желаемого за действительное.

Стон срывается с моих губ, когда я переворачиваюсь, и каждый мой мускул напрягается и болит.

Я уже чувствовала это после недели тренировок с Деймоном. Я думала, что он обходился со мной сурово, но оказалось, что это была детская забава по сравнению с жестоким наказанием моего брата. Кажется, он серьезно воспринял слова отца о моих занятиях по самообороне и действовал жестко.

Доставая свой телефон, я обнаруживаю, что я проспала почти пять гребаных часов.

— Господи, — бормочу я, протирая глаза ото сна и моргая, осматривая свою комнату.

К счастью, Алекс не следит за мной, как подонок, и нет никаких признаков того, что Деймон был здесь.

Я отвечаю на пару сообщений, ожидающих меня от Стеллы и Эмми, открываю свой любимый плейлист в надежде, что музыка, льющаяся из динамиков объемного звучания, поможет мне избавиться от меланхолии, и, наконец, направляюсь в ванную.

Вода у меня достаточно горячая, чтобы обжечься, и я стою под струями намного дольше, чем необходимо, надеясь, что вся моя боль просто уйдет в канализацию вместе с пузырьками.

Ужас разливается по моим венам от того, что предстоит сегодня вечером. Это будет шикарный званый ужин, на котором мама сможет похвастаться перед своими друзьями. Какого черта она хочет, чтобы я была там, я понятия не имею. Она, вероятно, просто хочет выставить меня напоказ, пытаюсь показать, как красиво я выгляжу в своем бабушкином платье. Это то, чего большинство других не могут сделать, потому что, в отличие от меня, все они некоторое время назад обрели мужество, сбросили свою сверхзащитную оболочку и вступили в собственную жизнь.

Образы Айлы мелькают в моем сознании, и ревность скручивает мои внутренности.

Я помню ее маленькой девочкой. Она появлялась здесь со своей мамой, одетая в красивые платья в цветочек, с бантами в волосах, и не прошло и двух секунд после прибытия, как она все испортила.

Раньше она направлялась напрямиком к Нико, и он был вынужден играть с ней, как с одним из мальчиков. Они гонялись друг за другом по деревьям, пачкались в грязи, рвали на себе одежду и всегда выходили смеющимися, в то время как обе наши матери сходили с ума, а я просто сидел там, разрываясь между желанием поступить правильно и повеселиться.

Расти хорошей девочкой в мире мужчин было тяжело.

Возможно, если бы у меня были яйца Айлы или упорство, было бы легче заставить моих родителей действовать.

Может быть, если бы они не смотрели на Нико каждый божий день, как на золотого ребенка, который не мог сделать ничего плохого, и иногда задевали мою гордость, я бы не жаждала так сильно угодить им.

Все «если», «но» и «может быть» бессмысленно крутятся у меня в голове. Теперь слишком поздно.

Я могу отталкивать все, что захочу. Но я не уверена, что когда-нибудь смогу избавиться от этой потребности угодить им.

Мне почти восемнадцать, я заканчиваю шестой класс, и вот я здесь, все еще иду тем путем, которым они хотят для меня. Я подала документы в университеты, которые они считают подходящими, и выбрала курсы, которые, по их мнению, принесут мне пользу. Все это время я скрываю все, что делает меня счастливой, потому что боюсь их реакции, их разочарования.

Нуждаясь в чем-нибудь, в чем угодно, что помогло бы мне пережить предстоящую ночь, я оборачиваю полотенце вокруг тела и наматываю другое на волосы, и распахиваю дверь в надежде найти немного алкоголя. Я уверена, что видела, как Стелла прошлой ночью прятала оставшиеся сидры в глубине моего гардероба. Хотя я была изрядно пьяна. Это могло быть сном.

— Срань господня, — визжу я, мои руки взлетают к полотенцу, чтобы убедиться, что оно волшебным образом не упадет, когда его взгляд падает на него. — Господи, — тяжело дышу я, когда мое сердце выпрыгивает из груди при виде Алекса, сидящего на краю моей кровати, как будто ему здесь самое место.

Странное чувство дежавю захлестывает меня, когда я отрываю взгляд от его обеспокоенных глаз и направляюсь к своему гардеробу.

— Вот, — говорит он, очевидно, чувствуя, что мне нужно, когда поднимает бутылку

розовой блестящей жидкости со своего бока.

— Что, черт возьми, это такое — алкоголь? — Спрашиваю я, забывая о мелких деталях. Мне было наплевать на цвет, блеск или вкус, главное, чтобы оно было крепковатым.

— Конечно. Подумал, что тебе это может понадобиться по ряду причин.

— Ты лучший, — говорю я, подходя и выхватывая бутылку у него из рук.

В его глазах вспыхивает боль от моих слов, и я тут же сожалею о них.

— Мне жаль, — шепчу я, мое сердце снова раскрывается.

Если бы на его месте мог быть он, то сейчас все было бы совсем по-другому.

Он избавляется от этого, и его обычное мальчишеское очарование возвращается в его глаза.

— Так в чем дело с твоим отцом и Нико? Какой-то переворот на сто восемьдесят.

— Очевидно, то, что на меня напали, заставило их пересмотреть свое отношение ко мне, позволив мне быть совершенно неспособной защитить себя. На них произвел впечатление мой девственный выстрел. — Я подмигиваю.

— Девственница — моя задница, — издевается он, заставляя мои щеки гореть.

Сосредоточившись на бутылке с блестками, я откручиваю крышку и отправляюсь на поиски стакана.

— Хочешь немного?

— Этого? — спрашивает он, с отвращением опуская глаза на бутылку. — Не-а.

— Это не заставит твой член сморщиться и превратиться во влагалище, я обещаю, — поддразниваю я.

— Я в этом не так уверен, — язвительно замечает он, когда я наливаю себе напиток и выпиваю половину, морщась от того, насколько он сладкий. — Так вкусно, да?

— Тебе действительно стоит попробовать, — говорю я, проводя языком по зубам, наполовину ожидая обнаружить прилипшие к ним крупинки сахара.

— Я в порядке, спасибо. — Его глаза отслеживают меня, когда я направляюсь к своим ящикам, чтобы достать нижнее белье. — Хочешь, я помогу выбрать? — предлагает он.

— С тобой что-то не так, — бормочу я сквозь улыбку.

— Может быть. Но я тебя подбодрил, верно?

— Я в порядке, — утверждаю я.

— Конечно. Такая же, как он.

У меня перехватывает дыхание при мысли о том, что он возвращается к своей жизни, как будто ничего не произошло. Как будто я и время, которое мы провели вместе, ничего не значили. Меньше, чем ничего.

— Он в беспорядке, Кэл.

Мои пальцы сжимаются на паре трусиков, которые я достала из ящика комода.

— Это для того, чтобы мне стало лучше или что-то вроде того? — шиплю я.

— Нет. Это должно заставить тебя понять, что уйти от тебя было не тем, чего он на самом деле хотел. Что вещи, которые, я могу только предположить, он сказал тебе вчера, не были правдой.

— Ну, он определенно звучал убедительно, — бормочу я.

— Калли, — вздыхает Алекс. — Он так увлечен тобой, но он в ужасе.

— Он не единственный. — Слова произносятся так тихо, что он никак не может их услышать. — Если он недостаточно храбр, чтобы быть честным, пытаться бороться за это, тогда я не заинтересована.

Я закрываю ящик с большей силой, чем необходимо, отчего бутылка и безделушки на крышке дребезжат.

Алекс молчит, пока я открываю свой гардероб и вытаскиваю одно из платьев, доставленных для меня этим утром, которые Джослин принесла для меня. Ни одно из них не является тем, что мама когда-либо выбрала бы для меня, но это немного более сдержанное, чем то, которое я приберегаю на завтрашний вечер. Я полагаю, мы должны подготовиться к этому. Кроме того, есть все шансы, что Деймон будет там, и я чувствую, что мне действительно нужно пустить в ход большие пушки, если я собираюсь встретиться с ним лицом к лицу и притвориться, что ничего не произошло.

— Это выбрала твоя мама? — спрашивает Алекс, не сводя глаз с платья.

— Это? Нет. Стелла и Эмми выбрали его примерно через десять минут после того, как выбросили те, что мама оставила для меня, в мусорное ведро. Если бы двери были открыты, то я бы не пропустила мимо ушей, что они вынесли бы их во внутренний дворик и сожгли.

— Двери заперты? — спрашивает он, нахмутив брови.

— Да. Честно говоря, я не уверена, для того ли это, чтобы удержать меня внутри или итальянцев снаружи.

— Чтобы держать их подальше, — уверяет он меня.

— Я вернулась и была фактически заперта в клетке. С таким же успехом я могла бы просто остаться там, потому что это... — Я развожу руки в стороны, мгновенно сожалея об этом, когда мое полотенце ослабевает.

Мне едва удастся поймать его, прежде чем я оголюсь перед ним.

— Иди одевайся, малышка Си.

Раздраженно я делаю, как он предлагает, потому что да, я стою здесь голая, прикрытая только полотенцем.

Я быстро натягиваю платье и не могу удержаться от улыбки, стоя перед зеркалом в полный рост, потому что оно сидит идеально.

Обычно я не любитель ходить без лифчика и демонстрировать такую большую грудь, но к черту все это. К тому же я сейчас чувствую себя не совсем в своей тарелке, так что маме придется смириться с этим.

Я останавливаюсь, направляясь к двери, задаваясь вопросом, действительно ли я чувствую себя собой, и робкая девушка из моего прошлого никогда не была настоящей мной.

Взъерошив рукой свои влажные темные волосы, я откидываю плечи назад.

— Срань господня, Кэл. Тебе, наверное, следовало оставаться в тени, — выпаливает Алекс, его подбородок чуть не касается пола, когда он смотрит на меня.

Платье длиной макси с очень глубоким вырезом спереди. Ткань опускается почти до моего пупка — от чего у моей мамы из ушей пойдет пар. Я не могу дождаться.

— Нет, Алекс. Не делай этого, — возражаю я, когда он достает свой телефон.

— Что? Несчастный придурок сидит дома и хандрит. Ему нужно это увидеть.

Подбегая, я обхватываю пальцами его телефон и пытаюсь вырвать его из его рук.

— Слишком поздно, — говорит он с далеко не невинной улыбкой.

— Ты заноза в заднице. Я чувствовала себя плохо из-за того пинка под зад, который он явно тебе дал.

Он усмехается. — Я думаю, ты знаешь, что это я надрал задницу, малышка Си.

— Да, похоже на то.

— Он облажался. Он сильно облажался, позволив тебе думать, что ты ему не нужна.

Подойдя к своему туалетному столику, я опускаю задницу на табурет и пристегиваю к сердцу какие-то доспехи. — Мы все еще действительно говорим об этом?

Мои глаза встречаются с его взглядом в зеркале. Гнев разогревает меня изнутри, когда я вижу, что на меня смотрит жалость.

— Все кончено, Алекс. Между нами все кончено. Так что, если ты все еще хочешь получить шанс, сейчас, вероятно, самое подходящее время воспользоваться им. Я слышала, что секс, после расставания — это фантастика.

Его челюсть подергивается, губы поджимаются, когда он смотрит на меня в ответ, медленно качая головой.

— Если бы я хоть на секунду подумала, что от этого будет какая-то польза, я был бы рядом, Кэл. Но у меня нет ни малейшего намерения причинять боль кому-либо из вас.

Он откидывается на мою кровать, как будто все круто, и я не просто предложила ему трахнуть в надежде избавиться от его близнеца.

Господи. Что, черт возьми, со мной не так?

22

ДЕЙМОН

— Ха, похоже, все нас боятся, — бормочет Айла достаточно громко, чтобы я услышал сквозь музыку, когда она ставит две бутылки пива на наш стол и смотрит на пустые бутылки, окружающие нас. Подозрительно похоже, что все обходят нас — меня — стороной. — Интересно, почему это так?

— Отвали, — огрызаюсь я, потянувшись за своим напитком. — Ты знала, что со мной не будет весело, когда вытаскивала меня из моей квартиры. Смирись.

— Пфф. — Она драматично падает на свое место. — Всего пара порезов и синяков, и все думают, что ты бандит. У него было разбито сердце. Проявите к нему немного сочувствия, — объявляет она достаточно громко, чтобы заставить меня вздрогнуть, но недостаточно громко, чтобы донести до других столов. Особенно пока группа на сцене исполняет какую-нибудь кавер-версию старой песни Led Zepplin.

— Господи. Не хочешь заткнуть свой большой гребаный рот?

— Значит, я права? Кто-то разбил твое маленькое черное сердечко.

Я пристально смотрю на нее, надеясь — предсказуемо бессмысленно, — что она откажется от этого.

— Кто? — спрашивает она.

— Это не имеет значения. Все кончено и о ней забыто.

— Ты хочешь сказать это себе в лицо? Черт возьми, Ди, вряд ли я собираюсь пойти и—

— Это была Калли, — выпаливаю я, сама того не желая.

Шок на мгновение делает ее бесполезной, как будто она физически не может обработать этот бит информации.

Но затем ее подбородок опускается, а глаза расширяются, и я знаю, что она услышала это громко и ясно.

— Калли? — повторяет она. — Калли Чирилло? Папина идеальная маленькая принцесса, которая никогда ни на шаг не переступает черту?

— Да, — рычу я, мне не нравится осуждающий тон ее голоса.

— Что? Это правда.

Мои губы приоткрываются, чтобы возразить, но я с трудом подбираю слова, думая о

версии Калли, которую видят все, кроме меня.

— У нее есть совершенно другая сторона.

Айла наклоняется ближе, интрига наполняет ее глаза.

— Ну, должно быть, потому что не все охотно танцуют с дьяволом или даже близки к тому, чтобы разбить его сердце.

— Это было... ничем. Все это было ошибкой. Я никогда не должен был—

— Прекрати, — говорит Айла, поднимая руку между нами, чтобы прервать меня. — Ты можешь просто прекратить нести чушь? Я знаю, что я не Алекс, — я качаю головой, когда она произносит его имя с одним лишь презрением, — но я вижу тебя, Ди, я вижу то, чего не видят другие. И я могла бы шутить о твоём черном сердце, но я вижу это. Я вижу это все гребаное время. Так что не вешай мне лапшу на уши с ошибками, и это ничего не значит, или что-то в этом роде.

— Ты в беспорядке. Так что это не было ничем, и, вероятно, это не было ошибкой. — Мои губы приоткрываются, чтобы возразить, но у меня нет шанса что-либо сказать, потому что она продолжает. — Калли не похожа на ту девушку, которая совершает что-то импульсивное или иррациональное. Если она была с тобой, значит, она хотела быть.

Я качаю головой. — Я не тот парень для нее, Ай. Я был для нее просто развлечением. «Пошел ты» для ее родителей.

— Я чертовски ненавижу, что ты не видишь того, что вижу я, когда смотрю на тебя, — жалуется она.

— Ты видишь то, что хочешь видеть.

Выражение ее лица становится жестче, когда она смотрит на меня. — Я собираюсь пока проигнорировать оскорбление в этом заявлении и просто сосредоточиться на фактах. Я думаю, что я могла бы видеть точно то же, что видит Калли. Все, что ты пытаешься скрыть от всех остальных на планете.

— Мне это не нужно — бормочу я, осушая свое пиво несколькими большими глотками.

— Значит, проигнорировать это и облажаться — лучший вариант, чем выслушать мой совет?

— Не уверен, что ты дала какой-нибудь совет.

— Это потому, что я потратила все это время, пытаюсь вытянуть из тебя правду.

Я усмехаюсь, отрывая от нее взгляд на суматоху на сцене, когда новая группа готовится играть. Надеюсь, что-нибудь получше, чем предыдущая дерьмовая.

— Ты знаешь, что она делает сегодня вечером? — Спрашивает Айла, снова привлекая мое внимание.

— Нет, — ворчу я.

— Ее заставляют присутствовать на праздничном ужине в честь дня рождения ее матери.

— Правда?

— Джером собирается развлечь ее.

— Джером? — шиплю я, мои кулаки сжимаются на коленях, когда я думаю о другом парне, сближающемся с ней. Даже если это такая киска, как Джером. В какой-то момент у него должны вырасти яйца, верно?

— Да, из того, что я слышала, он равнодушен к твоей девушке. Может быть, Кассандра и Айрис пытаются играть роль свахи.

Одна мысль об этом заставляет мою кровь закипать. Айла, черт возьми, тоже это знает,

вот почему она продолжает настаивать.

— Он был бы надежным выбором для нее. Верный, искренний, милый, надежный.

— Господи, ты говоришь о нем как о гребаной собаке, Ай.

— У него чистая греческая ДНК. И он довольно горяч. Если тебе нравится эта симпатичная атмосфера «Я знаю все о компьютерном кодировании». — Мои брови приподнимаются, когда я смотрю на нее. Она кивает, соглашаясь со своими собственными мыслями. — Они были бы хорошей парой. — Рычание вырывается глубоко из моего горла. — Ты так не думаешь?

Ярость начинает закипать у меня в животе, когда ревность медленно, как яд, растекается по моим венам.

— Да, — выдавливаю я, слово словно кислота на моем языке. Но я не в состоянии оспорить ее точку зрения. В конце концов, он именно такой парень, которого, я уверен, Эван и Нико всегда представляли для своей маленькой принцессы.

К счастью, у меня в кармане жужжит телефон, давая мне хороший предлог больше ничего не говорить на эту тему.

Я с тревогой вытаскиваю его. Я уже получил несколько сообщений и по крайней мере одну фотографию от Алекса, которые я игнорировал. Скорее всего, каждое сообщение просто содержит больше доказательств того, что я придурок. То, что мне действительно не нужно читать прямо сейчас. Особенно когда Айла говорит мне это в лицо.

Но когда загорается экран, и я нахожу сообщение с неизвестного номера, смотрящее на меня в ответ, волнение поднимается глубоко внутри меня.

Если это то, о чем я думаю, то я чертовски в деле.

Микки уже несколько недель отчаянно пытается провести «Ночь боев». Он теряет деньги с тех пор, как итальянцы подорвали наши шансы остаться незамеченными из-за наших подпольных разборок, так что я ожидал, что что-нибудь всплывет. И это не могло произойти в лучшее время.

Едва я открываю сообщение, чтобы посмотреть местоположение, как мой телефон начинает звонить, и передо мной появляется лицо Алекса.

До этого сообщения я бы не ответил. Но теперь я провожу пальцем по экрану и прикладываю телефон к уху.

— Ты получил?

— Да, чувак, — кричу я, перекрикивая музыку.

— Ты идешь?

Я бросаю взгляд на Айлу, которая с любопытством наблюдает за мной.

— Мы только что получили сообщение о драке, — говорю я ей.

— Иди, — призывает она. — Я знаю, что кровь нужна тебе больше, чем музыка и слушание моих советов.

— Да, — рявкаю я. — Я иду.

— Оставайся там, мы заедем за тобой через двадцать минут. — Он вешает трубку, прежде чем я успеваю сказать еще хоть слово. Конечно, этот ублюдок выследил меня, чтобы выяснить, где я.

— Еще на дорожку? — спрашивает Айла, как только я снова опускаю телефон.

Я смотрю на маленькую красную точку, которая говорит мне, что у меня непрочитанные сообщения.

Мой большой палец замирает над ней, часть меня умирает от желания увидеть, что он

прислал, другая часть не желает знать.

— Да, но возьми что-нибудь покрепче пива, — говорю я, не отрывая глаз от экрана.

— Будет сделано, босс.

Она исчезает в толпе, но я едва поднимаю взгляд, чтобы увидеть, как она уходит.

Не раздумывая, я нажимаю большим пальцем на значок сообщения и открываю наш чат.

Я игнорирую сообщения в пользу фото, которое я вижу в теме.

Когда я открываю его, мое сердце уходит в пятки.

Калли стоит, выглядя совершенно расслабленной и счастливой в греховном платье, которое открывает гораздо больше кожи, чем, я уверен, одобрили бы ее родители. Но она выглядит сногшибательно. И она собирается провести ночь с кем-то, кто не я.

Это платье впустую потрачено на кого-то вроде Джерома. У него никак нет навыков, которые потребовались бы, чтобы снять его с ее тела позже, чтобы оставить его на полу ее спальни, когда он обнаружит, что она прячет под ним.

Ревность вскипает во мне быстрее, чем я могу контролировать, когда красная дымка ярости опускается вокруг меня.

Она в порядке. Она не уделила мне ни минуты с тех пор, как я позволил ей поверить, что между нами все кончено. Нет, хуже этого. Что нас никогда даже не существовало.

Закрывая его, я прокручиваю выше, нахожу другую фотографию. На этой она со спины. Она подняла пистолет и выглядит как принцесса мафии, которой она жаждет быть. Мой член набухает, когда я живо вспоминаю, как она выглядела с моим пистолетом в руках.

Как только я насытился, но до того, как моя потребность в ней полностью заставила меня потерять контроль, я прочитал его сообщения.

Алекс: Калли — крутая задница с пистолетом. Заставляет меня сильно...

Алекс: Ты наказываешь только себя, братан.

И, как будто этого недостаточно, сообщение, сопровождающее фото в платье, почти толкает меня через край.

Алекс: Жаль, что тебя не будет здесь, чтобы составить ей компанию сегодня вечером. Я мог бы просто подождать в ее комнате, пока она закончит позже. Ты знаешь, что платье будет лучше смотреться на полу...

Моя хватка на телефоне становится крепче. Я знаю, что он дразнит меня. Я знаю, что он ничего бы с ней не сделал. Если бы у него были какие-то намерения, то он бы уже это сделал. Однако это не мешает его словам попасть именно в то место, в которое он хочет, чтобы они попали.

В ту секунду, когда передо мной появляется бокал чего-то, я без колебаний выпиваю его залпом.

Это обжигает до чертиков, но я жажду этого и еще немного.

— Еще, — требую я, и, к счастью, моя лучшая подруга точно знала, что мне нужно, потому что она берет еще две штуки с подноса в руке и выстраивает их передо мной.

— Черт, — рывкаю я после того, как выпиваю третий. Тепло наполняет мой живот, когда жажда крови и потребность в боли сталкиваются.

Выпрямившись, я выхватываю поднос из ее рук, бросаю его на стол и обнимаю ее.

— Ты, блядь, лучшая, Ай.

— Да, я знаю, — бормочет она, уткнувшись мне в грудь.

— Ты уверена, что не хочешь пойти?

— Не сегодня вечером. Я встречаюсь здесь с друзьями. Просто пообещай мне кое-что? — спрашивает она, когда я отпускаю ее.

— Конечно.

— Не выходи сегодня на ринг. Ты не в том состоянии для этого.

— Я знаю, — шепчу я. Возможно, я увлекся этим с Алексом, но я полностью осознаю, что сейчас мое внимание рассеяно. — Спасибо за этот день.

Мой телефон жужжит в кармане, давая мне знать, что они снаружи, и я делаю шаг назад от стола.

— Веди себя хорошо, — предупреждает Айла с озорным блеском в глазах.

— Всегда.

— Я позвоню тебе завтра, — кричит она, прежде чем меня поглощает толпа, собравшаяся перед сценой. Очевидно, следующая группа не будет отстойной. Мне почти жаль, что я это пропущу.

В ту секунду, когда я выхожу на улицу, мой взгляд останавливается на Audi Алекса. Она точно такая же, как у меня, за исключением того, что у него белый салон, а у меня весь черный.

Заметив, что пассажирское сиденье пусто, я открываю его и падаю на него. Прежде чем кто-либо, кто может быть внутри, успеваает что-либо сказать, я наклоняюсь, прижимая моего брата к сиденью за горло.

Его глаза расширяются от шока, но он быстро приходит в себя, и на его лице появляется веселье. Он точно знает, что натворил. Пизда.

— Ты гребаный мудака.

С заднего сиденья раздается смех, и когда я поднимаю глаза, я вижу, что Нико и Тоби наблюдают за нами с ухмылками на лицах.

— Я ушел, не так ли? — Алекс рычит достаточно низко, чтобы его слышал только я.

— Да, потому что ты слишком слаб, чтобы сделать что-то большее.

— Рад видеть, что Айла помогла тебе прийти в себя.

— Пошел ты, — ворчу я, отпускаю его и падая обратно на свое место. — Поехали. Мне это нужно.

23

КАЛЛИ

— Милая, ты готова? Твоя мама вот-вот взорвется... Вау, девочка, — ахает Джослин, когда я появляюсь у подножия лестницы, по которой она спускается, чтобы найти меня.

Как обычно, ее внешность безупречна. Идеальный экспонат для мамы, чтобы покрасоваться сегодня вечером в кругу своих друзей.

— Тебе нравится? — спрашиваю я, на моих губах появляется злая улыбка.

Я знала, что платье будет идеальным, как только мы увидели его онлайн. Но реакция Алекса действительно привела меня в чувство.

Мама собирается выйти из себя, и впервые в жизни я готова к этому.

— Мне нравится, но что случилось с платьями, которые я положила в твой гардероб на сегодняшний вечер?

— О, эти... Я не могу тебе сказать. — Я нахально подмигиваю, и Джослин смеется.

— Мне нравится этот огонь в тебе, Калли. Я не знаю, кто его туда вложил, но тебе нужно держать их рядом. — В ее глазах что-то вспыхивает, и я морщю лоб, прежде чем мое

сердце падает, когда я думаю о причине моего нового, беспринципного отношения.

— Я просто подумала, что пришло время немного постоять за себя.

— Я здесь ради этого, милая девочка, — говорит Джослин с улыбкой, в ее глазах светится волнение.

— Просто будь готова со шваброй, когда ее голова взорвется.

— Я прикрою тебя, Калли, — шутит она.

Я следую за ней вверх по лестнице и через дом. Мои каблуки стучат по безупречно чистым мраморным полам, пока я люблюсь абсолютным совершенством дома. Здесь нет ничего неуместного.

— У тебя был тяжелый день, да? — Шепчу я через плечо, чувствуя, что Джослин все еще там.

— Мне нравится быть занятой.

Мой ответ запинается, когда мы выходим в коридор, и мама с папой поворачиваются в нашу сторону.

Всего на несколько секунд, я клянусь, время действительно останавливается, когда они оба смотрят на меня с разинутыми ртами и широко раскрытыми глазами.

Самодовольство переполняет меня, когда я уверенно стою там, владея своим выбором платья.

Это занимает больше времени, чем я ожидала, но, наконец, мама, кажется, приходит в себя.

— Каллиста, где платье, которое я тебе предоставила?

— Мне оно не понравилось, — говорю я небрежно, слегка пожимая плечами, — поэтому я выбрала это.

Мое сердце колотится, пытаюсь вырваться из груди, но я отказываюсь поддаваться страху, который пробивается внутрь, когда я стою перед обоими моими разочарованными родителями.

Проглатывая это, я заставляю свое тело вращаться.

— Что ты думаешь?

Джослин почти удаётся подавить свой веселый смех, когда я ловлю ее взгляд.

У мамы перехватывает дыхание, когда она обнаруживает открытую спинку, которая, черт возьми, почти достает до моей задницы, и всего пару завязок, скрепляющих ткань.

— Каллиста, — предупреждает она. От ее тона у меня мурашки бегут по спине, но я отказываюсь съеживаться, как непослушный маленький ребенок. — Тебе нужно пойти и—

Дверной звонок разрывает воздух, и быстрее, чем я думала, что она может двигаться, Джослин бросается к двери, чтобы поприветствовать наших гостей.

Айрис и ее муж Крестос стоят с другой стороны, и она быстро проводит их внутрь, предлагая им обоим по бокалу шампанского, стоящему на столе, который занимает почти всю длину коридора.

— Спасибо, — говорит Айрис, прежде чем встретиться взглядом с мамой и подойти к ней. — С днем рождения, Касс. — Но она не успевает закончить фразу, потому что ее взгляд останавливается на мне. — Вау, Калли. Ты выглядишь потрясающе. Это платье потрясающее.

Широкая самодовольная улыбка появляется на моих губах, когда ее глаза оббегают меня по всей длине.

— Ты выглядишь такой взрослой. Каждый раз, когда я смотрю на Джерома, меня

поражает мысль о том, как быстро пролетели годы.

— И где он? — Спрашивает мама отрывистым, явно раздраженным тоном.

У меня перехватывает дыхание от того, на что она намекает.

— Джером придет? — Спрашиваю я, хмуря бровь.

— Да, милая. Он просто забирает подарок твоей мамы из машины.

Почему? Какого черта он согласился на этот ад?

Слово «Подстава» громко звучит в моей голове, но я не хочу в это верить.

Все четверо улыбаются мне, хотя только Айрис и Крис полны счастья. Мама выглядит готовой кого-нибудь убить, ее глаза каждые несколько секунд опускаются на мою красивую обнаженную грудь. Все это время папа выглядит наполовину удивленным, наполовину смущенным. Он хочет быть на стороне мамы. Прошедшие семнадцать лет были достаточным доказательством этого. Но когда он, наконец, сдался, чтобы обучить меня, я начинаю задаваться вопросом, единственная ли я, кто восстает.

— О, я думаю, что Клио и Майкл только что прибыли, — говорит Джослин, упоминая родителей Айлы. Держу пари, что есть очень, очень маленький шанс, что они потащат с собой кого-то из своих детей.

Шаги направляются в нашу сторону, и мы все смотрим на дверь, когда появляется Джером, неся самый большой букет странных и ярких цветов, которые я когда-либо видела, и у него на запястье болтается синяя сумочка от Tiffany.

— С днем рождения, Кассандра, — вежливо говорит он, передавая ей огромную композицию, которую она быстро сует Джослин, которая едва может поднять эту штуку, прежде чем взять сумку.

— Большое тебе спасибо, Джером. Ты такой хороший мальчик. И ты выглядишь таким прекрасно сегодня вечером. Тебе не кажется, Калли?

При ее упоминании обо мне Джером поднимает глаза и сразу же находит меня. Как и у всех остальных, его глаза расширяются от удивления, но в них нет гнева. Если уж на, то пошло, я бы сказала, что есть некоторое желание. И я не совсем уверена, что я чувствую по этому поводу.

Мы с Джеромом дружим уже много лет. Но я никогда, никогда не чувствовала никакого волнения или желания, когда дело касалось его.

Мне всегда было интересно, разочарована ли мама этим.

— Вау, Калли. Ты выглядишь...

Я опускаю глаза на его стандартный черный костюм в стиле Семьи Чирилло, но там по-прежнему ничего нет. Он просто носит его не совсем правильно. В нем нет той развязности, от которой мое сердце учащенно бьется, а живот сводит от желания.

Я проглатываю свое разочарование. Я уверена, было бы намного проще, если бы я действительно так реагировала на него.

Мама и папа наверняка были бы более чем довольны, и не нужно было бы подкрадываться, красть запретные моменты в темноте, если бы мое сердце хотело Джерома.

К сожалению для всех в этой комнате, я не смогла бы быть менее заинтересованной, даже если бы попыталась.

— Ты тоже, — выдыхаю я. Это не ложь, он явно приложил некоторые усилия для сегодняшнего вечера. Причина, стоящая за этим, заставляет мой желудок неприятно сжаться.

— Почему бы вам двоим не пойти и не выпить, — подбадривает папа, когда до моих ушей доносится все больше голосов.

— Конечно. — Я могу только надеяться, что мои варианты сегодня немного разнообразнее, чем вода.

Я поворачиваюсь, чтобы убежать, более чем готовая уйти и спрятаться где-нибудь подальше от осуждающих взглядов мамы. Но прежде чем я успеваю пошевелиться, ее рука обвивается вокруг моего плеча.

— Я не ценю твоего неповиновения, Каллиста.

— Я думала, ты будешь довольна, — шиплю я. — Джерому, кажется, это нравится.

Ее хватка на моей руке усиливается, но она быстро отпускает меня, слегка подтолкнув в его сторону. — Тогда тебе лучше пойти и напомнить ему, насколько невероятна девушка, выпавшая из этого платья.

Мои зубы скрипят от ее слов. Я почти не вываливаюсь из этого платья. Если она действительно верит, что я такая, то ей действительно нужно посетить вечеринку в Найтс-Ридж и посмотреть, в каких нарядах появятся Тиган и ее компания.

Рука Джерома опускается на мою поясницу, его кожа касается моей. Но все же. Никаких покалываний.

Боль снова пронзает меня. Я ненавижу то, что даже сейчас я не могу стереть память о прикосновении Деймона из моего тела.

— Она выглядит счастливой, — шепчет Джером мне на ухо, как только мы оказываемся вне пределов слышимости.

Я не могу удержаться от смеха, и мне приятно, что я могу хоть немного снять напряжение, которое сковывает мои плечи, когда я это делаю.

— Сегодня я не соответствую ее стандартам.

— Почему, черт возьми, нет? Ты выглядишь... — он замолкает, и когда я поднимаю взгляд, я обнаруживаю, что его щеки пылают румянцем.

— Спасибо тебе, Джером. Я ценю это.

— Тогда что мы будем пить, дети? — спрашивает Джослин, к счастью, снимая напряжение, которое на мгновение снизошло.

— Ты имеешь в виду, у меня есть варианты? — спрашиваю я с надеждой.

Джослин ухмыляется мне. — И вот я подумала, что вы сегодня играли не по правилам, мисс Чирилло.

— Ты меня подловила. Тогда водки и всего, что у тебя есть, разбавь немного, пожалуйста.

— Джером?

— Я... э-э...

— Пиво?

— Конечно, звучит здорово. Спасибо.

Мы берем наши напитки и направляемся в кабинет, пока взрослые пьют перед ужином в нашей официальной столовой.

— Так в чем же тогда дело, Джером? Как твои родители продали это тебе? — спрашиваю я, мне чертовски любопытно, на что он согласился.

Он пожимает плечами, садясь по другую сторону дивана от меня.

— Мама только сказала, что тебе, возможно, понадобится кто-то, кто составит тебе компанию, учитывая, что Нико здесь не будет.

Моя хватка на бокале крепче сжимается при упоминании о том, что мой брат ускользнет от чего-то еще, что будет достаточно скучным, чтобы отправить меня спать.

— Я ценю это. Действительно ценю. Но наверняка у тебя есть еще какие-нибудь дела, намного более захватывающие в пятничный вечер? Разве нет вечеринки или еще чего-нибудь, на что ты мог бы пойти?

— Это совершенно круто. Ты знаешь, что я на самом деле не интересуюсь этим.

— Хотя она есть, не так ли?

— Да. — Он колеблется. — У Тиган домашняя вечеринка.

— Тебе следует уйти, — подбадриваю я. — Я скажу нашим родителям, что ты заболел или что-то в этом роде.

— Провести вечер с тобой совсем не сложно, — говорит он с искренней улыбкой.

— Что ж, тогда, может быть, нам обоим стоит сбежать и вместо этого веселиться всю ночь напролет.

Он смотрит на меня так, как будто не может решить, шучу я или нет.

Очевидно, так оно и есть.

Возможно, я чувствую себя бунтаркой, но я не собираюсь снова убегать из дома, когда знаю, насколько реальна угроза снаружи.

Я вздрагиваю, когда его рука ложится на мою. Он замечает это и быстро отдергивает руку, сожаление заливает его лицо. — Мне и здесь хорошо, Калли. Ночь будет такой, какой мы ее сделаем, верно?

Я улыбаюсь ему и еще немного расслабляюсь. Я не притворяюсь, когда провожу время с Джеромом. Он ни к чему не относится слишком серьезно и не слишком давит на себя — если не считать школьной работы. Он никогда не станет солдатом, как парни, но его это устраивает. У него нет такой жгучей потребности быть одним из них, несмотря на то, что мы все вместе учились в школе, и он не хочет соревноваться. Это освежает.

— Итак, как у тебя продвигается работа над подготовкой к экзаменам? Мама сказала, что ты уехала из города на неделю, чтобы по-настоящему сосредоточиться. По-моему, звучит как рай.

— Это было... это было что-то, — бормочу я, моя грудь болит, как будто он только что протянул руку и крепко сжал мое сердце. Поднося бокал к губам, я делаю глоток, не подобающий леди, с большим облегчением, что Джослин не стеснялась добавить водки. — Хотя не могу сказать, что чувствую себя настолько хорошо подготовленной.

Потому что я провела большую часть недели с солдатом между моих бедер.

Я отбрасываю эти мысли. Они не помогут мне пережить эту ночь.

— То же самое. На самом деле я чувствую себя менее уверенно с течением дней, несмотря на то, что ничего не делаю, кроме учебы.

— Если ты хочешь учиться вместе теперь, когда я вернулась, все, что тебе нужно сделать, это сказать слово. Я была заперта в этом доме, как девица в беде, поэтому я всегда буду рада компании.

— Временами эта жизнь трудна, да?

Я изучаю его, пока он проводит рукой по лицу, и я улавливаю вспышку чего-то, чего раньше не было. Темнота, которую мне не нравится видеть в нем.

— Что такое? Что-то случилось?

Он качает головой. — Нет. Не совсем. Папа просто ожидает от меня большего, чем я готов дать.

— Да? — Спрашиваю я, радуясь возможности погрузиться в его проблемы, а не в мои.

— Это не то, о чем ты хотела бы услышать. Просто семейная чушь. — Я грустно

улыбаюсь ему. — Я не был создан для драк и стрельбы в людей.

— Тебе не обязательно хотеть этого, чтобы быть ценным членом этой семьи, Джером.

— Я знаю. Папа просто хочет, чтобы я был более... всесторонне развитым или что-то в этом роде.

Я грустно улыбаюсь ему, полностью понимая, что он чувствует прямо сейчас.

Возможно, я была неправа ранее. Он ничем не отличается от остальных из нас, не оправдав всех тех невозможных ожиданий, которые возлагались на нас еще до нашего рождения.

— Мы разберемся с этим, Джей, мы найдем наши места.

Он допивает свое пиво, прежде чем наклониться вперед и поставить его на кофейный столик.

— Я рад, что пришел сегодня вечером.

— Я тоже рада, что ты это сделал. *Ты просто сделал этот невыносимый вечер терпимым.*

24

ДЕЙМОН

Кровь и жестокость действительно помогают мне успокоиться, когда я стою на краю ринга в том месте, где Микки сумел забить нам место в этот вечер.

Мы прямо на границе нашей территории. Настолько далеко от итальянцев, насколько это возможно.

Это все еще риск. Но, похоже, многие из нас готовы отложить это в сторону ради ночи боли.

Здесь почти все младшие члены семьи Чирилло, а также несколько старших. Хотя кажется, что все капо отсутствуют. Это заставляет меня задуматься, не помешал ли им Дэмиен приехать. Или, если они все снаружи, наблюдают. Вероятно, более вероятно.

Итальянцев нигде не видно. После того, как они, блядь, разрушили место проведения нашего последнего боя, они попали в черный список.

Эти ночи задуманы как нейтральное мероприятие, которым мы все можем насладиться. Немного кровавого, но добродушного веселья. Но они облажались, когда последовали гребаным приказам Джонаса и подожгли это место в надежде причинить вред Стелле.

Итак, хотя они изгнаны, приглашение было открыто для Волков. Поскольку Луис больше не у руля, а Арчер теперь ведет своих людей, казалось правильным пригласить их сюда.

— Как дела в Ловелле? — Я спрашиваю Арчера и двух его парней, Дэкса и Джейса, когда двух парней на ринге утащили. Прошло несколько недель с тех пор, как мы помогли им вернуть контроль над их территорией, и, насколько мы слышали, все хорошо.

— Да, чувак. Все спокойно, и бизнес идет хорошо. Дерьмо налаживается.

— Рад это слышать. А Джесси? — Спрашиваю я. — Сара?

Реальность такова, что я знаю правду. Эмми и Стелла держали Калли в курсе всего, что происходило здесь, пока нас не было, поэтому я знаю, что она все еще в коме в больнице.

— Он в беспорядке, — говорит Арчер, тревожно потирая подбородок. — Он почти не отходил от нее. У меня разрывается сердце, когда я вижу, как ему так больно.

— Жаль это слышать, чувак.

Арчер болезненно вздыхает, думая о своем брате.

— А как насчет тебя? Судя по тому, что мы слышали, дерьмо становится серьезным.

— Это не более чем то, с чем мы можем справиться.

Рев толпы не дает мне сказать что-либо еще, и когда я оглядываюсь на ринг, я нахожу Ксандера, одного из лучших бойцов Королевских Жнецов, без рубашки и готового к схватке со своим противником.

Движение за спиной Арчера привлекает мое внимание, и когда я сосредотачиваюсь, я вижу, как Джейс снимает свою толстовку.

— Он собирается выступить против Ксандера?

— Конечно. И он собирается покончить с ним. Не так ли, братан? — Говорит Арчер, хлопая Джейса по плечу.

— Черт возьми, да.

— Он хорош, — предупреждаю я.

— Ну, хорошо, что я лучше, а?

Я киваю, впечатленный его уверенностью и надеюсь, что он так хорош, как сам о себе думает.

— Джейс непобедим в Ловелле. Ему нужен этот вызов.

Арчер поворачивается к рингу, наши плечи соприкасаются, когда появляется Алекс с пивом.

Я делаю глоток, не сводя глаз с ринга, когда толпа сходит с ума. Микки подходит и представляет Джейса, и аплодисменты становятся громче. По-видимому, у него неплохой фан-клуб в Ловелле.

И оказывается, что на это есть веская причина, потому что Джейс — это что-то, блядь, нечто. Вероятно, нам следовало включить их в эти бои раньше, потому что Ксандер давно не видел такого противника.

Но как бы хорошо это ни было — наблюдать, как летают их кулаки и кровь покрывает почти каждый дюйм их тела, это не останавливает мой телефон, прожигающий дыру в кармане, или боль в груди, которая, кажется, поселилась здесь навсегда.

Когда мой телефон жужжит, мое непостоянное сердце разрушает мою сдержанность, и я отрываю взгляд от боя и достаю его из кармана.

Весь воздух вырывается из моих легких, когда я не нахожу имя, на которое надеялся.

Айла: Как там кровавая баня? Ты уже чувствуешь себя лучше?

Деймон: Это хорошо. И я в порядке.

Айла: Я так и думала. Ты должен пойти и увидеть ее.

Деймон: Она не заинтересована.

Айла: Хорошо, тогда пусть она заснет, думая о скучной, однообразной жизни с Джеромом. *пожимающий плечами смайлик*

Деймон: Ты не смешная.

Айла: И ты тоже. *смайлик с подмигивающим высунутым языком*

Завершив с ней разговор, я нахожу фотографию, которую Алекс прислал мне ранее, ту, что парень, о котором идет речь, не пропускает.

— Просто поезжай к ней. Скажи ей правду.

— Черт возьми, вы двое ополчились на меня или что?

— Я и Айла? Чертовски маловероятно. Просто так получилось, что мы оба согласны в одном.

— И в чем же?

— Что ты гребаный идиот, братан.

Я выдыхаю, называя себе все причины, по которым я сделал то, что сделал вчера.

— Черт возьми, да. Срази его, Икс, — кричит Алекс мне в ухо, снова теряя себя в азарте боя.

Когда он отвлекся, я ускользаю, оставляя грохот битвы позади меня.

Мне требуется добрых несколько минут, чтобы пробиться с нашего места в первом ряду, но, когда я наконец вырываюсь на свободу, я не направляюсь к бару, как собирался сделать, как я сказал себе. Вместо этого я поворачиваюсь к выходу.

Температура падает задолго до того, как я подхожу к выходу, и я понимаю почему, когда двое солдат, охраняющих дверь, открывают ее для меня, и внутрь заливает дождь.

— Все в порядке, Деймон? — спрашивает Джон, один из наших старших парней.

— Да, чувак. Просто нет настроения для этого.

— Достаточно справедливо. Ходят слухи, что там, внизу, идет настоящая борьба. — В его тоне сквозит разочарование, а в глазах появляется тоска.

— Да, Ксандер нашел достойного противника. Я не думаю, что это будет их последний бой, так что тебе стоит поймать их в следующий раз.

— Я надеюсь, — говорит он, кивая мне, когда я готовлюсь выйти под ливень.

Всего за несколько секунд мои волосы промокли насквозь, а рубашка практически приклеилась к телу, но я ни разу не останавливаюсь, чтобы вызвать Uber или нырнуть на станции метро, которые я прохожу.

Честно говоря, я даже не чувствую этого. Я слишком сильно переживаю из-за одного человека, с которым мне не следовало сблизиться настолько, чтобы перевернуть свою жизнь с ног на голову.

Я знал, что это будет результатом, если я уступлю ей. У меня никогда не было сомнений в том, что я не смог бы по-настоящему отказаться от нее, если бы я попробовал ее на вкус.

Мои руки сжимаются, когда дождевая вода капает с моих кулаков, ноги хлюпают в ботинках.

Я понятия не имею, как далеко и как долго я шел, но, когда я наконец поднимаю голову от тротуара, сразу становится очевидно, что я понятия не имею, где я нахожусь.

Заметив еще одну станцию метро, я направляюсь в том направлении, окончательно отдаваясь стихии.

Смех застревает глубоко в моем горле, когда я понимаю, что наткнулся на линию, которая приводит меня прямо к концу улицы, на которой находится поместье Чирилло.

Судьба?

Чушь собачья. Я не верю ни во что из этого дерьма.

Хотя мне трудно игнорировать это, когда я жду на платформе следующего поезда.

К счастью, вагон почти пуст, так что на мое разбитое лицо не устремляется множество любопытных взглядов, когда я падаю на сиденье, быстро создавая лужу у своих ног.

Наклоняясь вперед, я упираюсь локтями в колени и крепко закрываю глаза. Идти к ней — неправильный поступок.

Я ушел от нее по определенной причине.

Мне нужно вспомнить все, чем я ей не подходил, все причины, по которым мы не можем быть вместе.

Но это мало помогает подавить потребность, которая только растет во мне.

Я перестал наблюдать за ней на расстоянии, чтобы иметь возможность провести неделю, притворяясь, что она моя.

Лишиться всего этого, даже если это была моя собственная вина, больнее, чем я когда-либо мог себе представить.

Мои ноги двигаются сами по себе, когда поезд подъезжает к их станции, и, не раздумывая над своими действиями, я направляюсь к лестнице. Всего через пару минут я снова выхожу под дождь.

Прогулка до дома Эвана проходит быстро, и, сказав всего несколько слов солдатам, охраняющим поместье, они впускают меня внутрь, полагая, что я здесь по официальному делу. Идиоты.

Я серьезно надеюсь, что они будут немного более осторожны, если незнакомец — итальянец — появится перед ними глубокой ночью.

В шикарной гостиной, в которую Кассандра никогда нас не пускала, ярко горит свет, и когда я огибаю территорию по периметру, оставаясь скрытым в тени, я обнаруживаю, что Эван и Кассандра, а также родители Джерома и Айлы все еще там, пьют и смеются. Хотя, похоже, им не очень-то весело. Их позы напряжены, а улыбки фальшивые.

Все меняется, когда я продолжаю обход здания и обнаруживаю, что смотрю в кабинет.

У меня перехватывает дыхание, боль пронзает внутренности, когда я смотрю, как моя девочка смеется и наслаждается с другим парнем.

Они вдвоем стоят посреди комнаты, танцуют и смеются, и вообще выглядят так, будто проводят лучшее время в своей жизни.

Я несколько минут смотрю на Джерома, пока он кружит ее по комнате, задаваясь вопросом, смотрю ли я на того же парня, который всегда кажется таким скучным и чопорным.

Не требуется много времени, чтобы понять, что это такое.

Это она.

Это всегда она.

Единственная, кто когда-либо снимал с меня все слои и прокладывал себе путь в мое сердце, даже ничего не делая.

Похоже, она оказывает похожее влияние на нашего тихого солдата.

Я прислоняюсь к дереву и просто наблюдаю за ними двумя.

Быстро становится очевидно, что они оба пьяны. Их танцевальные движения небрежны, а ноги нетверды. Но даже когда она теряет контроль, Джером никогда не выходит за рамки дозволенного. Он ни разу не прикасается к ней неподобающим образом и не пытается перевести отношения на следующий уровень. Кажется, он просто доволен тем, что проводит с ней время.

Ревность съедает меня. Это яд, который просачивается сквозь меня, пока я не уверен, что он поглотит меня целиком.

Единственным бонусом является то, что дождь почти прекратился, воздух вокруг меня согревается, несмотря на то, что я промок насквозь и дрожу от каждого дюйма промокшей одежды.

Я смотрю их очень долго, и в конце концов, родители отзывают Джерома, что они уходят, и он бросает мою девочку посреди комнаты.

Она стоит там с потерянным видом. Впервые с тех пор, как я вернулся сюда, чтобы посмотреть на нее, она выглядит совершенно побежденной миром. Ее плечи опускаются, как

будто это сексуальное платье слишком тяжелое, чтобы его держать.

Ее глаза по-прежнему устремлены на дверь, как будто она кого-то ждет — возможно, своих родителей, потому что она никак не может ожидать, что я войду в дом и заключу ее в свои объятия, шепча, что все будет хорошо.

Возможно, это то, что я страстно хочу сделать. Но я знаю, что не могу.

Когда дверь на другой стороне комнаты так и не открывается, Калли вскидывает руки, отходит в сторону, берет бутылку водки и подносит ее к губам.

Вид ее явно тонушей разрушает меня. Но что я могу с этим поделать?

Голоса всех остальных наконец стихают, прежде чем гул двигателей наполняет воздух, когда они проезжают через ворота, прежде чем снова становится смертельно тихо.

В доме гаснет свет, но Калли все еще стоит одна посреди комнаты, танцуя со своей водкой.

Ее тело покачивается, а бедра двигаются в такт, который слышит только она. Я не могу отвести от нее глаз. Она совершенно очаровывает меня.

Время идет. Я уверен, что в этой комнате звучит песня за песней, но она не останавливается, пока у нее не подкашиваются ноги.

Я ахаю, когда она внезапно падает, исчезая из виду.

— Черт, — выдыхаю я, выскакивая из-за деревьев и подбегая к окну.

Только когда я добрался туда, я понял, насколько это было чертовски глупо. Ребята Эвана патрулируют все поместье. Одно неверное движение, и меня могут застрелить, как будто я напористый итальянец.

Забыв обо всем этом, я прижимаюсь лицом к окну и вздыхаю с облегчением, когда нахожу ее спящей на диване, бутылка водки все еще свисает с ее пальцев.

— Ангел, — выдыхаю я, мое сердце разбивается при виде нее.

Мой пульс учащается, когда моя рука поднимается к стеклу, как будто я смогу прикоснуться к ней через него. Сильная дрожь пробегает по моему позвоночнику, когда холод снова проникает в мои кости.

— Черт, — шиплю я, зная, что не могу просто уйти сейчас. Я должен уйти — это именно то, что я должен сделать. Но я не могу.

Когда я огибаю здание, из одной из самых больших комнат в доме льется свет, на который я надеялся. Мне остается только надеяться, что Эван и Кассандра не там, выпивают по стаканчику на ночь.

Но риска недостаточно, чтобы остановить меня.

В ту секунду, когда я нахожу комнату именно такой, как я ожидал, я позволяю себе быть замеченным, подходя и становясь прямо перед окнами от пола до потолка.

Это занимает пару секунд, но вскоре Джослин чувствует тяжесть моего взгляда, пока она пробирается через то, что кажется бесконечной кучей посуды.

Я ничего не слышу, но не может быть, чтобы крик ужаса не сорвался с ее приоткрытых губ, а глаза не расширились от страха.

Я поднимаю руки в знак защиты и натягиваю мягкую улыбку на лицо.

Качая головой, она подходит и открывает дверь.

— Что, черт возьми, ты делаешь...

— Деймон, — предлагаю я, когда она пристально смотрит на меня, пытаюсь понять, кто я из близнецов.

— Тебя могли подстрелить, когда ты бегал там в темноте.

— Не, мне не настолько повезло, — невозмутимо говорю я, проскальзывая в теплую кухню.

— Что, черт возьми, происходит? — спрашивает она, ее глаза следят за моей все еще мокрой одеждой. По крайней мере, я больше не оставляю лужи везде, куда иду.

— Ты никогда не видела меня, хорошо? — Говорю я, подмигивая, проходя через комнату, аромат еды, которую она приготовила для сегодняшней вечеринки, ударяет мне в нос и заставляет мой желудок урчать.

— Ты играешь с огнем.

— Я более чем в курсе.

Когда я спешу к коридору, я чувствую, что она следует за мной по пятам. Я не спрашиваю ее. Она, вероятно, так же, как и я, обеспокоена состоянием Калли прямо сейчас.

Это не первый раз, когда мне приходится пользоваться услугами незаметной экономки Чирилло, и что-то подсказывает мне, что это может быть не последний.

Она входит в кабинет позади меня, тихий вздох слетает с ее губ, когда мы оба смотрим на отключившуюся девушку на диване.

— Они оставили ее здесь?

Я не отвечаю. В этом нет необходимости.

Подойдя, я забираю бутылку из ее пальцев, прежде чем сделать глоток и поставить ее на стол.

Опускаясь на корточки, я провожу пальцами по ее щекам, мои глаза изучают каждый дюйм ее лица. Ее макияж по-прежнему безупречен. Она выглядит красивой, умиротворенной и совсем не похожей на ту побежденную девушку, какой она была, когда я наблюдал за ней здесь в одиночестве.

— Прости, — шепчу я, нуждаясь в словах, чтобы признать, что во всем этом моя вина.

Я никогда не должен был прикасаться к ней. Никогда не должен был позволять себе иметь что-то настолько хорошее в своей жизни.

Я опускаю голову на мгновение, моя ненависть к себе берет верх надо мной, прежде чем я сделаю то, ради чего я пришел сюда.

Просунув руки между ней и диваном, я прижимаю ее к своей груди.

— Николас, — шепчет она.

Мое сердце разрывается, когда это единственное слово достигает моих ушей, но в то же время, когда она в моих объятиях, что-то еще встает на свои места.

— Я здесь, Ангел.

Остановившись, я отрываю взгляд от своей девочки и смотрю на Джослин, которая стоит в дверях, с любопытством наблюдая за нами.

Ее глаза смягчаются, а на губах появляется грустная улыбка.

Она знает. Она видит это. Я почти уверен, что она всегда знала, вот почему она отвернулась, когда поймала меня в комнате Калли или оставила дверь незапертой для меня в прошлом.

— Ты должен бороться за нее, — шепчет она.

— Она не моя. Она никогда не будет.

Джослин прерывисто дышит.

— Но она уже такая. Тебе просто нужно найти способ показать это остальному миру.

Я поднимаю глаза к потолку, указывая туда, где где-то над нами спят родители Калли.

— Извините меня, — бормочу я, не желая вести этот разговор прямо сейчас. Или когда-

либо, если честно.

— Ты хотя бы сказал ей, что ты на самом деле чувствуешь? — спрашивает Джослин, когда я иду по коридору к двери в подвал.

— Это не имеет значения, — шепчу я. Она не может быть моей.

— Жизнь слишком коротка, чтобы жить с сожалениями и «что, если».

Ее слова повторяются снова и снова, пока я спускаюсь по лестнице с Калли, все еще мирно спящей в моих руках.

— Утром будет больно, Ангел, — говорю я ей, укладывая ее на кровать, кладу руки по обе стороны от ее головы и смотрю на нее сверху вниз.

Мое сердце бешено колотится, мое желание раздеть нас обоих до нитки и забраться в постель с ней сжигает меня насквозь.

Что-то подсказывает мне, что теперь, когда Джослин знает, что я здесь, она сделает все, чтобы нам не помешали. Но я все еще не могу так рисковать.

Так что, в конце концов, я соглашаюсь просто переодеть ее.

Затем я подтаскиваю стул из угла и предаюсь своему любимому занятию — смотрю, как она спит, пока она пребывает в блаженном неведении.

25

КАЛЛИ

Мои глаза отслеживают Деймона на полу моей спальни, и мои брови сжимаются, когда я нахожу его одетым в белую футболку вместо его обычной черной.

Но я не подвергаю это сомнению. Я слишком рада, что он здесь, чтобы сомневаться в чем-либо прямо сейчас.

Хотя, наблюдая за ним еще несколько секунд, я понимаю его намерения, и мое сердце подскакивает к горлу.

— Они заперты, — говорю я, мой голос едва слышен, как всхлип, из-за того, как пересохло у меня в горле.

Он замирает, все его тело напрягается, как будто он не ожидал услышать мой голос, прежде чем он опустит голову.

— Ты должна была спать.

— Иди сюда, — требую я. — Не убегай от меня. Только не снова.

Боль, которая все еще остается в моей груди, сталкивается с надеждой найти его здесь, и я тянусь к нему, отчаянно желая почувствовать его прикосновение, его тепло, вдохнуть его аромат.

— Я не могу, — говорит он, его голос глубокий и завораживающий.

Он пересекает комнату, направляясь к лестнице.

— Я не должен быть здесь. Я просто...

— Пожалуйста, Николас. Ты мне нужен. Я—

— Я не то, что тебе нужно, Ангел. Я недостойн тебя. Я никогда не был, и я был глуп, полагая, что смогу быть хотя бы на секунду. Проводи больше времени с Джеромом. Он был бы хорош для тебя. Он мог бы быть тем, что тебе нужно.

Я судорожно вздыхаю, когда он исчезает из поля моего зрения, и когда мои глаза распахиваются, я обнаруживаю, что сижу посреди своей комнаты, глядя туда, где он только что стоял. Или, по крайней мере, там, где я думала, что он стоял.

Реальность такова, что его здесь нет. И никогда не было.

— Черт, — выдыхаю я, падая обратно на кровать, когда стыд охватывает меня.

Всего на минуту я действительно подумала, что—

Несмотря на стук в голове и скручивание желудка, я сажусь обратно и смотрю на себя сверху вниз.

На мне майка. Майка, которую я не помню, как надевала.

Мои глаза сканируют комнату, ища доказательства того, что мой сон был реальностью, но я ничего не нахожу. Все выглядит точно так же, как я помню.

— Черт. Это был просто сон.

Но это казалось таким реальным.

Протягивая руку, я нахожу свой телефон сбоку, точно там, где я его оставила, и вздрагиваю, когда включаю экран и обнаруживаю, что уже почти обеденное время. Я получила целый поток сообщений от Стеллы и Эмми, спрашивающих, как прошла прошлая ночь, желающих узнать, отдала ли я Джерому свою V-карту и в какой момент я собираюсь проснуться, чтобы мы могли пойти на нашу встречу в спа-салон для сегодняшней вечеринки.

Яркие, разноцветные огни прожигают дыры в моих глазах, когда я пытаюсь ответить, но мой мозг и пальцы, кажется, не настроены на одну волну.

Я отправляю им что-то наполовину разборчивое, прежде чем нахожу свой разговор с Джеромом.

Калли: Что произошло прошлой ночью? Последнее, что я помню, был танец...

Я не решаюсь отправить это. Что, если что-то действительно случилось? Что, если он был тем, кто переделал меня и уложил в постель? Последнее, что он хотел бы прочитать этим утром, — это доказательство того, что я все это забыла.

Мое сообщение почти сразу же становится прочитанным, и у меня сводит живот. Я действительно не хочу, чтобы он отвечал, напоминая мне о том, как он укладывал меня в постель, а я делала то, о чем потом пожалею.

Джером: У меня слишком сильно болит голова, чтобы думать. Что ты мне дала, мышьяк?

С моих губ срывается тихий смешок.

Калли: Просто водка...

Джером: Я ничего не помню после танца с тобой.

— Да — срывается с моих губ при его словах. Даже если это был он, что маловероятно, если он был настолько пьян, то, по крайней мере, он не помнит.

Прошлой ночью кто-то насмотрелся на мои сиськи, и я рада, что это был не Джером. Вероятно, он увидел бы их впервые, и мне бы очень хотелось, чтобы этот опыт стал для него лучшим.

Калли: Я тоже. Хотя я проснулась в постели... немного смущена.

Джером: Тебе повезло. Я был на полу в своей спальне. Понятия не имею, туда ли меня бросили родители или я упал с кровати.

Я не могу удержаться от смеха, от которого, в свою очередь, у меня болит голова и сводит живот.

— О, черт, — выдыхаю я, сбрасываю одеяло и бегу в ванную.

Моя кожа покрыта испариной, мое тело дрожит, когда я сажусь спиной к стене и вытираю рот.

Какого черта я позволила себе так много выпить?

Я откидываю голову назад на плитку пола и запрокидываю голову, закрывая глаза и

делая глубокий вдох.

Мой желудок продолжает бурлить, но, к счастью, он не чувствует необходимости снова вызывать у меня тошноту.

После долгих, неудобных минут, проведенных на полу, я поднимаю свое ноющее тело и встаю перед зеркалом.

Я несколько секунд не отрываю взгляда от раковины, прежде чем рискну поднять глаза. Я буду выглядеть как жертва автомобильной аварии, я просто знаю это.

Протягивая руку, я вытираю один глаз от влаги, все еще прилипшей к ресницам после рвоты, и хмурюсь, когда моя рука не возвращается с размазанным по ней черным макияжем.

Мои глаза находят зеркало, и я ахаю, когда обнаруживаю, что на моем лице нет темного макияжа, который я так долго совершенствовала прошлой ночью и который, я знала, только усилит раздражение моей матери.

— Что за черт? — Бормочу я, уставившись на свое чистое лицо.

Да, хорошо, у меня под глазами мешки, из-за которых моя кожа выглядит бледной и тусклой, а глаза налиты кровью, но это чертовски намного лучше, чем я ожидала.

Смятение продолжает воевать внутри меня, когда я тянусь за зубной щеткой и пытаюсь привести в порядок состояние своего рта. Это работает, просто жаль, что это мало помогает моей голове и желудку.

Я плетусь обратно в свою спальню, отчаянно нуждаясь в кофе, но также осознавая, что у меня нет сил приготовить его самой, даже если бы мама не украла мою кофеварку в своем стремлении заставить меня жить чистой жизнью, или чего она там пытается добиться с помощью кокосовой воды. Дерьмо.

Я падаю обратно в кровать и сворачиваюсь в клубок.

У меня есть две минуты, чтобы утонуть в своих неверных решениях предыдущей ночи, прежде чем в моей комнате раздаются шаги.

Я втягиваю воздух, молясь тому, кто может услышать, чтобы мне не пришлось терпеть мамин визгливый голос, когда она ругает меня за мое вызывающее поведение.

Но когда этого не происходит, и вместо этого в нос мне ударяет запах жидкого золота, в котором я так отчаянно нуждаюсь, я приоткрываю глаз, рискуя увидеть, кто это.

Джослин стоит передо мной с мягкой, понимающей, но обеспокоенной улыбкой на лице.

— Спасибо тебе, — шепчу я, когда она ставит огромную кружку на мой прикроватный столик.

Я ожидаю, что она снова уйдет, но, к моему шоку, она опускается и садится на край моей кровати.

Она тянется к моей руке и нежно сжимает.

— Я думаю, нам пора немного поболтать, не так ли?

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, но я слишком смущена, чтобы подобрать какие-либо слова.

— Эм... Я знаю, что слишком много выпила. Прости, если я причинила—

— Ты не должна передо мной извиняться, милая. — Она одаривает меня мягкой улыбкой, которую я, вероятно, должна была раз или два получать от своей матери. Но я не уверена, что она на это способна.

— Я давно знала, — начинает она, никоим образом, не помогая мне понять, о чем мы на самом деле говорим. — Я надеялась, что, может быть, ты поймешь, что я знала, и

расскажешь мне об этом.

— Прости, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Он действительно заботится о тебе, Калли. И я должна признать, я была обеспокоена, когда Алекс начал тусоваться здесь с тобой, но, похоже, ничего не изменилось. Он был здесь, когда ты в нем нуждалась, точно так же, как, кажется, всегда.

Мой рот открывается и закрывается, как у рыбы, выгащенной прямо из аквариума.

— Ты знаешь? — Шепчу я, едва способная переварить это, поскольку в моих венах все еще остается шестьдесят процентов водки.

— Поговори со мной, Калли. Я вижу, что тебе больно, и я ненавижу это. Я не твоя мать, я не буду судить тебя или критиковать твой выбор. Ты умная, вдумчивая молодая женщина, и я верю, ты знаешь, что для тебя лучше.

Слезы жгут мне глаза, когда я смотрю на ее доброе лицо.

Рыдание вырывается из моего горла за секунду до того, как я падаю в ее объятия.

— Это такой беспорядок, Джослин. Я даже не... — Я прерывисто дышу.

Она обхватывает мое лицо руками и смотрит мне в глаза.

— Он был здесь прошлой ночью. — Это должно прозвучать как вопрос, но этого не происходит, потому что в глубине души я уже знаю. Возможно, я проснулась во сне о нем, но, как и предыдущий опыт, это было взято из реальности.

— Я думаю, он, должно быть, наблюдал снаружи. Глупый, безмозглый мальчишка. Если бы кто-нибудь увидел его, они бы застрелили его, слоняющегося в тени.

Я задерживаю дыхание, думая о том, что он вот так рискует своей жизнью.

— С ним все в порядке, милая. Ну, если не считать разбитого сердца, от которого он страдает.

Ее слова мало влияют на мое эмоциональное состояние, и тихие слезы продолжают катиться по моим щекам, стекая вниз и впитываясь в майку.

— Он знал, что ты отключилась на диване. Он напугал меня до полусмерти, появившись, как призрак, глубокой ночью, а затем спустился в кабинет, подхватил тебя на руки и отнес сюда—

— Как долго он оставался?

Она качает головой. — Понятия не имею. Я не вторгалась. Когда я проверяла тебя этим утром, он уже ушел.

С каждым сказанным ею словом на сердце у меня становится тяжелее.

— Что произошло на прошлой неделе, Калли?

— Можно? — Спрашиваю я, кивая на кружку, которую она принесла, нуждаясь в чем-нибудь, в чем угодно, чтобы пройти через это.

Обхватив кружку руками, я потягиваю горячий кофе, позволяя ему согреть меня изнутри.

— Это было все, — признаюсь я. — Он... он невероятный, Джослин. И никто на самом деле этого не видит. Это разбивает сердце. Я ненавижу, что он чувствует, что должен выставлять себя напоказ перед всеми, как будто он им понравится, включают его только в том случае, если он этот безжалостный, жестокий солдат, а не человек, которого он скрывает под маской.

Она снова берет меня за руку, поощряя продолжать разговор.

И я делаю это. Я рассказываю ей все. Облегчение от того, что я наконец-то рассказала кому-то — кроме Алекса, который пережил это вместе с нами, — снимает такой груз с моих

плеч, что я удивляюсь, почему я не сделала этого раньше.

— Мои родители никогда этого не примут, — говорю я наконец. — Вот почему он ушел.

— Калли, — предупреждает она с грустью и состраданием в голосе. — Волновало ли девушку прошлой ночью, которая была в том сексуальном, откровенном платье, что подумали ее родители?

Я вспоминаю тот момент, когда прошлой ночью вошла в коридор, и то, насколько сильным заставило меня почувствовать себя мое неповиновение, и качаю головой.

— Я была так горда тем, что ты вот так постояла за себя. Я ждала этого. Я наблюдала, как ты становишься ближе за последние несколько месяцев, когда тебе наконец надоело их дерьмо. Ты должна принять это, Калли.

— Это не так просто, — бормочу я.

— Ничего стоящего никогда не бывает, милая. Это то, что делает жизнь такой...

— Тяжелой.

— Вызовом, — поправляет она. — Тебе нужно поговорить с ним. Этот мальчик ни за что не поверил ни единому слову из того, что он сказал тебе перед тем, как ты покинула тот дом. Он так же напуган этим, как и ты. Любовь ужасна, Калли. Открыть свое сердце — это, безусловно, самое страшное, что он когда-либо делал. И судя по тому, что я подслушала, за свою короткую жизнь он совершил несколько тревожных поступков.

Я киваю, зная лишь о некоторых из них.

— Он через многое прошел.

— Я ни в малейшей степени в этом не сомневаюсь, милая. И именно поэтому ему нужно, чтобы ты сражалась за него.

Я киваю, не в силах не согласиться ни с чем из того, что она сказала.

— Он провел свою жизнь, пытаясь вести свои собственные битвы, чтобы ни на кого не полагаться. Он ожидает, что ты уйдешь, потому что он не верит, что достоин чего-то столь прекрасного и невероятного, как ты.

— Но он такой, — возражаю я.

— Так докажи это ему. Не доказывай его правоту, прислушиваясь к его страхам и позволяя ему уйти от того, что, я думаю, вам обоим нужно.

Мой телефон начинает звонить на кровати между нами, освещая улыбающееся лицо Стеллы.

— Тебе почти восемнадцать, Калли. Впереди тебя ждет вся твоя жизнь. Тебе нужно решить, есть ли у тебя характер, чтобы сделать это тем, чем ты хочешь, или тебя заставят жить так, как хочет для тебя твоя мать.

Я киваю, на грани того, чтобы снова потерять контроль над своими эмоциями, поскольку мой телефон продолжает звонить.

— Я оставляю тебя с этим. Если я тебе когда-нибудь понадобится, я рядом, хорошо, милая? Зона, свободная от осуждения. Всегда.

Она наклоняется вперед и целует меня в лоб, прежде чем встать и направиться к лестнице.

Стелла прерывает звонок, прежде чем я успеваю ответить, но я игнорирую его еще несколько секунд.

— Спасибо. Я действительно ценю все, что ты для меня делаешь, — говорю я срывающимся голосом.

— Я просто хочу видеть тебя счастливой, милая. В какой бы форме это ни было.

Она ушла, прежде чем у меня появился шанс сказать еще хоть слово, и я остаюсь гадать, почему мне не подарили мать, более похожую на нее. Понимающая, сострадательная, любит меня такой, какая я есть, а не той версией меня, какой она хочет, чтобы я была.

Мой телефон снова начинает звонить, и на этот раз я провожу пальцем по экрану и отвечаю на звонок.

— Самое время, — бормочет Стелла. — Мы готовы выдвигаться, ты готова идти?

Я оглядываю себя. — Мне понадобится минут тридцать. Я немного торможу.

В трубке раздается смех. — Кто знал, что Джером был тусовщиком. Я надеюсь, он хорошо к тебе относился, малышка Си.

— Ничего подобного не было, так что даже не думай предлагать это. Мы просто поговорили и напились.

— Ну, честно говоря, я и не знала, что в нем есть такое, так что это произвело на меня впечатление.

Я не могу удержаться от смеха.

— Ладно, я иду в душ. Только не жди, что я буду выглядеть наилучшим образом.

— Уверена, что смысл спа-салона в том, чтобы разобраться с этим.

— Что ж, у них будет работа, — говорю я, поднимаясь с кровати и подходя к окнам, чтобы выглянуть наружу.

С тех пор, как я вернулась, я держала жалюзи опущенными, не желая, чтобы кто-нибудь заглядывал. Но после разговора с Джослин я чувствую себя немного легче, свободнее, и внезапно мне хочется, чтобы солнечный свет вернулся в мой маленький дом.

Я нажимаю кнопки, чтобы поднять жалюзи, и послеполуденное солнце медленно заливает комнату. Тепло касается моей кожи, и я сразу чувствую себя немного лучше. Немного сильнее.

— Хорошо, просто спускайся, когда будешь здесь.

— Конечно. Скоро увидимся.

Я вешаю трубку и минуту или две просто смотрю в сад, радуясь, что никого не вижу поблизости.

Со вздохом я разворачиваюсь на каблуках с намерением направиться в ванную, но меня останавливает стук в дверь.

— Да, — кричу я, надеясь, что это Джослин возвращается, чтобы поговорить еще раз по душам.

Но, к сожалению, в поле зрения появляются идеально уложенные светлые волосы мамы, и я проглатываю стон.

— Разве ты не должна уже быть в спа? Я думала, у вас назначены встречи раньше, чем у нас.

— Да, Стелла скоро заедет за мной, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы.

— Хорошо, хорошо. Я просто хотела указать тебе эти даты для твоего дневника.

— Даты для чего? — спрашиваю я, морщась. Последнее, что мне нужно, это еще один ужин, как прошлой ночью, или мероприятие, которое мне придется пережить сегодня вечером.

— Всего несколько встреч. И немного посидеть няней у тети Селены.

— О, на этот раз ты даешь мне знать? — Я нахальничаю, зарабатывая строгий, равнодушный взгляд холодной женщины передо мной.

— Каллиста, — отчитывает она, как будто я все еще ребенок. — Пожалуйста, просто открой свой дневник, чтобы я знала, что ты их записала.

— Беспокоишься, что я могу забыть? — Спрашиваю я, доставая свой iPad и открывая приложение «Планировщик».

Я перелистываю несколько страниц вперед, видя, что она все еще находится на последней неделе учебы. Вид этой книги заставляет меня осознать, как легко было забыть реальную жизнь, пока я была заперта с Деймоном.

Но прежде чем я перейду к этой неделе, мой взгляд останавливается на том, что я пропустила на прошлой неделе.

Мое сердце подскакивает к горлу, желудок переворачивается в панике.

— Что случилось? — Спрашивает мама, когда я смотрю на маленькое красное сердечко, которое нарисовала в прошлую субботу.

Если бы я не была так шокирована, я могла бы быть впечатлена тем, что она заметила что-то неладное.

— Н-ничего. Я просто кое-что пропустила на прошлой неделе. Что мне нужно записать? — Спрашиваю я, мои руки дрожат, а голова кружится, когда она перекладывает лист бумаги через прилавок.

Я быстро записываю их. Если она замечает состояние моего почерка, то не комментирует.

— Отлично. Теперь тебе нужно поторопиться. Нам нужно, чтобы ты выглядела идеально сегодня вечером. А это значит, что тебе понадобится весь спектр услуг.

— Конечно, — бормочу я, когда она разворачивается и выбегает из моего подвала, как будто это пространство оскорбляет ее. В любой другой день меня мог бы обидеть ее комментарий о полном спектре услуг, но прямо сейчас мой мир выходит из-под контроля.

— Черт, — выдыхаю я, хватаясь рукой за стойку, когда дверь наверху лестницы с грохотом закрывается. Мое тело раскаляется докрасна, паника начинает захлестывать меня.

У меня задержка на неделю.

У меня не бывает задержек.

Дрожащей рукой я перелистываю месяц назад и считаю, говоря себе, что, должно быть, я что-то напортачила.

Я должна была это сделать, потому что ничего другого просто не остается.

Четыре недели. Так и должно быть.

Я возвращаюсь дальше. Это бессмысленно, потому что я знаю, что старательно отслеживала свой цикл.

Когда у меня впервые начались месячные, они были чертовски неустойчивыми. Но за последний год или около того они успокоились до такой степени, что я могу точно определить день. Или я могла, пока Деймон не перевернул мой мир с ног на голову.

Я отступаю назад, мои икры ударяются о диван, и я опускаю задницу вниз.

Я оцепенела. Совершенно, блядь, оцепенела.

26

ДЕЙМОН

— Эта вечеринка сегодня вечером — хорошая идея? Спрашиваю я, оглядываясь на всех.

Мы в квартире Тео. Все девочки отправились в спа, и Алекс не оставил мне особого выбора, когда протащил мою задницу через парадную дверь, требуя, чтобы я хоть раз

попытался быть нормальным после того, как бросил их прошлой ночью.

На самом деле у меня не было отговорки, и я едва мог спорить, когда он показал мне свое щенячье выражение лица.

Он уже потратил достаточно времени, пытаясь вытянуть из меня правду о том, куда я исчез прошлой ночью, и зол, что я продолжаю отказываться говорить ему. Хотя, на самом деле, он знает. Он видит это в моих глазах. В этом нет ничего нового. Он так же хорошо, как и я, знает, как сильно она мне нужна.

К моему удивлению, он не вмешивается в мои дела, кроме этого. Я не уверен, что он меняет тактику в надежде, что сможет получить ответы, которые хочет от меня, разыгрывая другие карты. Но пока я просто рад, что он заткнулся по этому поводу.

— Все спланировано, — уверенно говорит Тео. — Приманка на месте, и мы все знаем план, верно? — спрашивает он, оглядывая всех.

— Не хочешь ввести меня в курс дела?

— Если бы ты задержался здесь прошлой ночью, ты бы уже знал, — подхватывает Алекс, зарабатывая на себе убийственный взгляд от меня.

— Мы позволяем итальянцам думать, что мы устраиваем вечеринку в отеле. Это самое безопасное место, и после Нового года мы усилили меры безопасности. Вполне логично, что мы все хотели бы там быть.

— Все это кажется слишком сложным для кровавой вечеринки по случаю дня рождения.

— Ты знаешь, какая у меня мама, — ворчит Нико. — Мой папа гарантирует, что она получит то, чего она хочет. — Он закатывает глаза.

— Однажды ты станешь таким, — указывает Тоби, — убедишься, что у твоей маленькой женщины есть все, что ей нужно для счастья.

Он с отвращением усмехается. — Единственное, что любая женщина получает от меня, это мой член.

— Такой старый романтик, — поддразнивает Себ.

— Что ты об этом знаешь, — бормочет Нико. — Что, черт возьми, ты такого романтического сделал?

Мы все смотрим на Нико так, словно он сошел с ума.

— О, я не знаю. Я преследовал Стеллу через полмира и сказал ей, что я к ней чувствую. У меня есть татуировка, которую я позволил нанести на себя, не видя ее, просто слепо доверяя ей. Что-нибудь из этого годится?

— Ты позволил ей вырезать свои инициалы на твоём бедре, — указывает Алекс.

— Это чертовски романтично, братан, — бормочу я.

Он отрывается от смеха. — Ты собираешься попытаться сказать мне, что не хотел бы, чтобы имя твоей девушки навсегда отпечталось на твоей коже? — Он поднимает бровь, глядя на меня.

— Я не—

— Подожди... — Тео радостно лает. — У Деймона есть девушка?

— Нет. Он лжет. Ни одна девушка никогда не стала бы меня терпеть, — бормочу я в надежде, что смогу прекратить этот гребаный разговор.

— К черту это, чувак, ты просто находка, — уверяет меня Себ. — Девчонкам нравится все это мрачное и задумчивое дерьмо.

— Стелле, похоже, нравится твоя психованная сторона, — морщась, говорит Тоби.

— Чем темнее, тем лучше, мой друг. — Себ подмигивает.

— Хотя это и не совсем брак, не так ли? — Тео ухмыляется.

— О да, потому что ты встал на одно колено и попросил свою девушку. — Алекс сильно закатывает глаза, и Тео дает ему отмашку.

— Так у тебя есть девушка или нет? — спрашивает Нико, глядя на меня слишком пристально.

— Конечно, черт возьми, нет. Я не собираюсь связывать себя в ближайшее время. — Но эти слова имеют горький привкус, когда слетают с моего языка. — Так где же настоящая вечеринка, если не в отеле? — спрашиваю я, видя, что никто не очень-то вдается в подробности.

— Это нам знать, а тебе выяснить, — поддразнивает Тео.

— Не разыгрывай это дерьмо со мной, Чирилло, — мрачно предупреждаю я.

— Ты не на дежурстве, чувак. — Я, черт возьми, почти рычу на Нико, когда он присоединяется.

Я, блядь, знал, что приходить сюда было плохой идеей.

— Если это так, то, думаю, я проведу ночь один в своей квартире. — Я пытаюсь встать, но быстрее, чем я ожидал, Алекс обхватывает пальцами мое предплечье и тянет меня обратно вниз.

— Ты работаешь сегодня вечером. Нам нужна вся рабочая сила, которую мы можем получить, — говорит он мне.

Я смотрю на них всех, пока они пялятся на меня, как на деталь, которая не совсем подходит.

— Для протокола, я думаю, что это чертовски глупая идея, учитывая текущие обстоятельства.

— Босс одобрил это. Он уверен.

— Да, и я почти уверен, что он тоже не ожидал, что Жнецы будут штурмовать Новый год, но это чертовски точно случилось, не так ли?

Все они остаются немыми.

— Что? О чем ты мне не договариваешь?

Нико и Тео обмениваются взглядами, которые меня чертовски бесят, потому что, если бы это было всего месяц назад, я был бы прямо в гуще событий, каким бы ни был этот план. Я чертовски ненавижу быть оторванным от чего-то, что должно быть моей жизнью.

Семья — это моя жизнь, и я был вынужден жить на окраине, наблюдая, как мои братья живут моей жизнью со стороны.

— Черт. Это ловушка, не так ли? Все это подстроено? — спрашиваю я, внезапно осознавая, что происходит.

Малейшее подергивание губ Тео — вот и весь ответ, который мне нужен.

— Это гребаная ошибка, — рывкаю я, вскакивая со своего места, прежде чем у Алекса появляется шанс что-либо предпринять в этот раз.

— Все на месте. Наши змеи передали разведданные, гарантирующие, что итальянцы пойдут прямо в нашу ловушку, и у нас достаточно солдат и подкрепления, чтобы их обезвредить.

— А что, если это пойдет не так, а? Они не раз доказывали, что мы не единственные, у кого есть змеи в тылу врага. Что, если они уже знают все это и собираются появиться в реальном месте и убить нас всех? — Мое сердце бешено колотится, когда я думаю о том,

что Калли снова оказалась в центре этого дерьма.

— Этого не случится. У Дэмиена и Эвана все под контролем, — уверенно говорит Тео.

— Я доверяю боссу, Тео, правда. Я доверяю всем вам. Но этим гребаным итальянцам? Ни единого гребаного шанса. Говорю вам, это взорвется у всех перед глазами. Мне плевать, насколько хорошо, по вашему мнению, это было спланировано. Это гребаное самоубийство.

Тео поднимается на ноги, готовый бросить мне вызов в этом. Его глаза удерживают мои, когда он стоит грудь к груди со мной.

— Что именно ты хочешь сказать, солдат? Что ты не с нами?

— К черту это, Тео. Ты знаешь, что я прикрою тебя, несмотря ни на что. Я просто не думаю, что тебе стоит посылать девочек в это сегодня вечером.

Его челюсть подергивается, когда он смотрит на меня, но в его глазах нет ни тени сомнения.

Он верит, что все будет хорошо.

Итак, что еще я действительно могу сказать?

Я должна доверять ему. Я должна доверять боссу и следовать планам, как делал тысячу раз.

Просто на этот раз все по-другому.

Калли будет там, и я отказываюсь подвергать ее какой-либо опасности. Никогда.

— Машины будут здесь через тридцать минут, — указывает Нико.

— А как насчет девочек? Я уже знаю, что Айла встречается со мной там вместе со своими родителями. Но как насчет остальных?

Что насчет Калли?

— Они прибывают отдельно. Они готовятся вместе с Селеной и Кассандрой, — сообщает мне Себ.

— И что мы делаем, пока они остаются легкой добычей?

— Тебе нужно остыть, чувак, — предлагает Нико, отчего моя кровь почти вскипает.

— Остыть? Ты, блядь, издеваешься надо мной, Чирилло? Ты собираешься отправить свою мать, свою сестру, всех остальных, кого ты, блядь, любишь, в самый разгар итальянской войны, — кричу я.

— До этого не дойдет. Что мы делаем, так это доставляем их в безопасное место.

— Тогда посадите их в гребаный самолет и увезите их нахуй отсюда. Какого-нибудь секретного места для вечеринки недостаточно.

— Тебе нужно с головой окунуться в игру, иначе ты останешься тем, кто в этом не участвует, — предупреждает Тео.

— Я, блядь, буду там. Это моя работа, — киплю я.

Напряжение разливается по комнате, воздух становится ядовитым и опасным, пока мы с Тео продолжаем смотреть друг на друга, ни один из нас не желает отступить.

Телефонный звонок, наконец, прорезает атмосферу, прежде чем Тео достает телефон из кармана и подносит к уху.

— Да, босс. Мы готовы.

Дэмиен что-то говорит на другом конце провода, но я не могу разобрать его слов.

— Девочки? — спрашивает Тео. — Хорошо. Да. Окей. — Он бросает взгляд на Нико. — Да, у нас получилось.

Не прощаясь, Тео вешает трубку и опускает телефон обратно в карман.

— Все идет хорошо. Мы направляемся в отель, заходим внутрь, чтобы встретиться с нашими девочками, которых видели заходящими внутрь, чтобы подготовиться.

— Где они сейчас? — Спрашиваю я, ненавидя то, как панически это звучит.

Глаза Тео прищуриваются, глядя на меня, в их темных глубинах плавает подозрение. Но впервые мне насрать, видит ли он больше, чем я хочу показать.

— Направляются к месту проведения. В отеле проводятся ремонтные работы. С подземной автостоянки часто приходят и уходят люди.

Отрывая свой взгляд от моего, он поворачивается к Нико и начинает с ним приглушенный разговор.

Чья-то рука опускается на мое плечо, и меня тащат назад.

— Нико прав, тебе нужно остыть, братан. Ты начинаешь выглядеть немного невротичным, — тихо говорит Алекс, чтобы его слова не были услышаны.

— Не говори мне, что тебя это устраивает, — умоляю я.

— Братан, я—

— Нет, — шиплю я. — Не называй меня, блядь, «Братан». Мы не можем позволить ей оказаться в центре всего этого.

— О, так теперь ты признаешь, что тебе не все равно, — поддразнивает он меня.

— Конечно, мне, блядь, не все равно. Я, блядь, люблю— Я обрываю себя, прежде чем произнести слова, которые не имеют права срываться с моих губ. — Они все нужны нам в безопасности. Мы не должны бросать их на съедение волкам.

— Ты просрал свою веру вместе со своей уверенностью? — Спрашивает меня Алекс. Он так серьезен, что у меня сжимаются кулаки. — Дэмиен, Эван, Харон, все это спланировали до мелочей. Никто из них не стал бы подвергать риску никого из нас, не говоря уже о девочках. Оторви голову от сердца и включись в игру, хорошо?

Я глубоко вздыхаю, желая, чтобы я могла впитать немного силы от его уверенности. Но все кажется неправильным. Так чертовски неправильно. Но если никто из них этого не чувствует, тогда какого хрена мне с этим делать?

— Машины здесь, — объявляет Нико.

Все встают, поправляют костюмы и проверяют оружие.

Ожидание витает в комнате, когда каждый из нас смотрит друг другу в глаза.

Несмотря на то, что никто из них не согласился со мной, когда я выступил против Тео, я вижу беспокойство в их глазах, и это, черт возьми, заставляет меня чувствовать себя лучше из-за всего этого.

Я просто чертовски надеюсь, что я ошибаюсь.

27

КАЛЛИ

Каким-то чудом к тому времени, когда Стелла появилась в моем подвале, мне удалось взять себя в руки настолько, что она не стала сразу задавать мне вопросы.

Она просто предположила, что я чертовски бледна из-за похмелья, и впервые с тех пор, как я проснулась после того дерьмового шоу, я была рада этому.

Счастливая, с оттенком чувства вины и чертовой тонны страха.

Мои руки продолжают дрожать на коленях, когда мы впятером сидим на шезлонгах вокруг бассейна в мамином спа-салоне.

Мама, Айрис и Клио проходят курс лечения — не то чтобы они решили проводить с

нами какое-то время.

Я получила чертовски убийственный взгляд, когда прибыла — поздно — со Стеллой. Очевидно, она еще не смирилась с моим выбором платья и отсутствием уважения к ее желаниям прошлой ночью. С чем я более чем согласна.

У меня нет свободного времени или энергии, чтобы разбираться с ее дерьмом прямо сейчас. Я слишком занята, тихо сходя с ума, пока девочки обсуждают со мной сегодняшнюю вечеринку.

В этом нет ничего особенного, хотя и не так мало, как вчерашний интимный ужин. По сути, это просто способ для мамы расхаживать вокруг да около, демонстрируя любые смехотворно дорогие украшения, которые мой отец купит ей на день рождения, и рассказывая всем, кто захочет слушать, что на ней надето и насколько это редкий дизайн.

Я видела это снова и снова, и это никогда не становится легче проглотить.

Я понятия не имею, как мой папа с этим мирится.

Стон прорезает воздух, когда я наблюдаю, как этот вечер так живо разыгрывается в моем сознании, и я не понимаю, что он исходил от меня, пока жгучие взгляды всех вокруг не заставляют мою кожу покалывать.

— Все в порядке? — спрашивает Эмми.

— Да. — Каким-то образом мой голос звучит ровно, вместо дрожащего эмоционального беспорядка, которого я ожидала. — Я просто думаю о том, что может произойти сегодня вечером.

— Похоже, это должна быть веселая ночь, — вмешивается Бри. Она единственная здесь, кому посчастливилось не получить приглашения на сегодняшний вечер.

Если бы я только могла поменяться с ней местами.

— Ты должна просто прийти, — говорит Джоди, и то, как Бри смотрит на нее в ответ, заставляет меня думать, что это не первая ее попытка.

— Оставь это в покое, Джо-Джо, — вздыхает Бри. — Я уже говорила тебе, у меня есть планы на сегодняшний вечер. И я не намерена позволить этому свежему воску пропасть даром. — Она показывает на свою промежность, и Джоди стонет.

— Твой парень — счастливчик, — вмешивается Стелла. — Лекси — чудотворец с восковой полоской. Там, внизу, он проведет лучшее время в своей жизни.

— Чертовы мужики, сестричка, — кричит Бри, поднимая руку, чтобы дать пять Стелле.

— Есть какие-нибудь новости о Саре сегодня? — спрашивает Эмми, меняя тему.

— У нее была хорошая неделя. Она снова прогрессирует. Они надеются попытаться разбудить ее на следующей неделе, если все останется по-прежнему.

— Это хорошо, правда? — спрашивает Эмми, когда Джоди выглядит менее чем взволнованной такой перспективой.

— Я надеюсь на это. Я просто боюсь того, как она собирается приспособиться к своей новой реальности.

— Шаг за шагом, — мягко говорит Стелла. — И вы с Джесси будете сопровождать ее на каждом шагу. И кто знает, может, в конечном итоге это повлияет на нее. Часто люди находят лучшее в себе в самых дерьмовых ситуациях.

Джоди вздыхает, когда мой желудок снова сжимается, слова Стеллы попадают слишком близко к месту.

— Кэл, ты в порядке? — спрашивает Эмми, ее глаза подозрительно сужаются.

— Да, — говорю я, проглатывая свое беспокойство.

— Ты действительно страдаешь сегодня, да? Может быть, тебе стоит не торопиться пить сегодня вечером, — предлагает Бри, как насадка в группе.

Поверь мне, я буду действовать медленнее, чем медленно.

Мой желудок переворачивается, когда моя собственная возможная новая реальность обрушивается на меня, и я вскакиваю на ноги.

— Извините, мне просто нужна минута.

Внезапно запах бассейна, влажность — всего этого становится слишком много, когда я несусь в ванную, чертовски надеюсь, что они не все собираются последовать за мной.

— Калли? — Зовут Стелла.

Я машу рукой за спину. — Водка, — бормочу я, к их большому удовольствию, и я просто молюсь, чтобы этого было достаточно, чтобы скрыть настоящую причину, по которой я схожу с ума.

Мне нужно знать правду.

Мне нужно взглянуть на доказательства того, что я не могу правильно сосчитать до четырех, и знать, что это ложная тревога. Потому что так и должно быть, верно?

Я не могу быть...

Меня тошнит, и я тащусь к раковине, но ничего не получается. Неудивительно, учитывая, что меня вырвало кофе, который дала мне Джослин, и с тех пор я ничего не ела.

— Чертов ад, — стону я, кладу руки на стойку и наклоняюсь, втягивая голову в плечи.

Я делаю глубокий вдох, надеюсь, что это поможет унять бушующий во мне буйство эмоций.

Мне не нужно быть здесь прямо сейчас. Мне нужно найти магазин, и мне нужно—

Я снова вздыхаю, реальность того, что мне нужно сделать, потрясает меня до глубины души.

Что, черт возьми, скажет по этому поводу моя мать—

— Калли? — Обеспокоенный голос с другой стороны комнаты прерывает мои мысли и вселяет панику.

Я в спешке встаю и снова тянусь к раковине, когда комната кружится вокруг меня.

— Я в порядке. Вчерашняя водка действительно вымотала меня.

— Да, — с подозрением соглашается Бри. — Это действительно так.

Она подходит ко мне, сдвинув брови, и от нее исходит беспокойство.

— Ты уверена, что это все?

— Это и страх перед тем, что произойдет сегодня вечером, — слабо отвечаю я. — Почему ты спрашиваешь? — Я мысленно пинаю себя за то, что спрашиваю, когда я должна что-то делать, чтобы снять напряжение прямо сейчас.

— Ты просто кажешься... другой.

— Происходит много дерьма, и я п-просто— Мой голос срывается, и я проглатываю остаток этого заявления.

— Калли, — шепчет Бри, подходя ближе и беря мою руку в свою. — Что бы это ни было, ты можешь поговорить со мной. Ты можешь доверять мне, ты это знаешь. Что-то случилось...

— Я опаздываю, — выпаливаю я, мои глаза расширяются от шока из-за моей вспышки.

— О, эм... Я не думаю, что твоя следующая встреча состоится еще некоторое время. Я думаю, нам принесут поесть—

— Я не имею в виду свою встречу. Я имею в виду... Я опаздываю. Типа...

опаздываю. — Мои глаза умоляют ее услышать мои невысказанные слова.

Я ни за что не смогу признать правду вслух. Это мне никоим образом не поможет. Но, черт возьми, мне нужно, чтобы кто-нибудь знал. Мне нужно, чтобы кто-нибудь сказал мне, что все будет хорошо. Мне нужно, чтобы она сказала мне, что я слишком остро реагирую, и что такого рода вещи происходят постоянно, и что это ничего не даст.

Это занимает пару секунд, но в конце концов у нее отвисает челюсть и расширяются глаза.

— О, уже немного поздно, — бормочет она. — Сколько?

— Неделя, — признаюсь я.

— И это нормально или...

— Нет. Ненормально. Бри, скажи мне, что я не такая... Скажи мне, что он не...

— Скорее всего, это ложная тревога. Вы предохранялись, верно?

— Д-да, я принимаю таблетки, но мы никогда не использовали... о, черт. Каждый буквально собирается убить меня. Он возненавидит меня, и я останусь одна и... — Мое дыхание учащается до такой степени, что я его не контролирую, а зрение затуманивается, когда я теряю контроль над реальностью.

Руки сжимают мои предплечья, и я знаю, что она обращается ко мне, но я ничего не слышу. Нет ничего, кроме оглушительного звука белого шума, проносающегося мимо моих ушей.

— Калли. Калли. КАЛЛИ. — Громкость голоса Бри и нежное пожатие моих плеч наконец выводят меня из паники.

— Я собираюсь извиниться и пойти, и достать тебе тест, хорошо? Тебе нужен ответ.

— Нет, ты не можешь просто уйти отсюда. Они будут задавать вопросы, а я даже не сказала им, что—

— Ш-ш-ш, — успокаивает она, беря мое лицо в свои руки, точно так же, как это делала Джослин ранее.

Мои глаза наполняются слезами, когда я смотрю в ее добрые, поддерживающие глаза.

— Доверься мне, хорошо? Я достану то, что тебе нужно, а потом ты сможешь решить, что делать дальше, когда у тебя будут факты. Глубокий вдох.

Я делаю то, что мне говорят, и, в конце концов, все возвращается на круги своя.

— Теперь, если ты не хочешь, чтобы они все знали, тебе нужно подтянуть свои бикини для больших девочек и быстро собраться.

Я киваю, потому что, как бы я ни ненавидела лгать им, я также знаю, что не смогу справиться с тем, что они все знают об этом. По крайней мере, пока.

Шаг за шагом. Сначала они должны знать, что я трахалась с дьяволом.

— Я прикрою тебя, хорошо?

Бри притягивает меня в объятия.

— И они тоже, когда ты будешь готова рассказать им, что происходит, — ободряюще шепчет она мне на ухо.

Я ожидала, что Бри сразу найдет способ улизнуть, и была на грани нервного срыва, когда наконец вернулась к шезлонгам, соврав девочкам лишь наполовину о том, что мы двое задержались, разговаривая в туалете. Но на самом деле, прошло пару часов, прежде чем она объявила, что только что получила секс-вызов от своего постоянного партнера и отчаянно

нуждается в кричащем оргазме. И в ту секунду, когда она начала подробно описывать нам, что именно он может делать своим языком, мы все выпроводили ее из комнаты, чтобы она могла пойти и трахнуть его на заднем сиденье его машины.

Остальные попались на крючок, леску и грузило. Я не была уверена, была ли я впечатлена или смущена репутацией Бри. Ее лучшая подруга и глазом не моргнула по поводу ее распутных манер, поэтому я могу только предположить, что для нее такой вид деятельности более чем нормален.

Как бы я ни была благодарна за нее прямо сейчас, я не могу отрицать, что это оставляет горький привкус у меня во рту, когда речь заходит о Нико.

Я знаю, они оба утверждают, что там ничего нет. И вполне может быть так. Но я клянусь, что в моем брате что-то меняется всякий раз, когда она находится в комнате. Он может быть придурком и игроком эпических масштабов, но, в конце концов, он мой старший брат, и все, чего я хочу для него, это, чтобы он был счастлив.

Остаток нашего пребывания в спа-салоне проходит как в тумане, и когда мы наконец уходим, мой макияж снова темнее, чем я обычно выбираю, волосы уложены идеально, и я первые в жизни крашу свои ногти в черный цвет.

Я хочу сказать, что я сделала это не для него, но я бы солгала.

Когда Джослин вышла из моей комнаты ранее, у меня было полное намерение позвонить ему, попытаться поговорить с ним. Даже если это было просто для того, чтобы поблагодарить его за прошлую ночь. Но затем реальность постучалась в дверь и разрушила все мои планы к чертям собачьим, и вот я здесь, стою посреди ванной в одном из платиновых люксов отеля Prestige, держа в руках тест на беременность, на который я должна пописать, чтобы узнать свою судьбу.

Я ожидала, что вечеринка будет в The Empire, и именно туда изначально поехала наша машина. Но потом нас вывели, заставили сесть в разные машины и снова уехали.

Все наши вечеринки проходят в The Empire, и то, что мы сейчас находимся где-то в другом месте, не помогает справиться с беспокойством, струящимся по моим венам.

Проведение этой вечеринки вообще кажется сейчас безумием.

Меня буквально на неделю изгнали из города из-за угрозы со стороны итальянцев. И вот мы здесь, все главные игроки семьи Чирилло, собрались под одной крышей на чертов день рождения моей матери? Это кажется совершенно нелепым.

Но кто я такая, чтобы сомневаться в великих Дэмиене и Эване Чирилло?

Они снова и снова доказывали, что знают, что лучше для всех нас. Так что я просто должна довериться им и отложить хотя бы этот вопрос в сторону.

У меня есть более неотложная проблема, с которой мне нужно разобраться.

Разрывая упаковку, я вытаскиваю палочку изнутри и смотрю на нее, мое сердце бешено колотится в груди.

Я всегда надеялась, что однажды сделаю это. Я просто никогда не представляла, что мне будет семнадцать, одинокая — я думаю — и я буду стоять одна в ванной отеля.

Если я думала, что моя жизнь была жалкой до того, как в нее вошли Стелла и Эмми, то мне, вероятно, следует пересмотреть это прямо сейчас, потому что это определенно низко, даже для меня.

Я перечитывала инструкции снова и снова, но это не мешает мне проделать это снова, прежде чем снять крышку и подойти к унитазу.

Моя рука дрожит, когда я держу ее в том месте, которое, я надеюсь, будет

правильным. Не могу сказать, что я когда-либо уделяла много внимания направлению моего потока.

К черту мою жизнь.

Я делаю свое дело, надеваю крышку и кладу тест вверх дном на край раковины, пока мою руки, пытаюсь думать, о чем угодно, кроме того, что я только что сделала.

Я стою там, считая секунды, и когда у меня остается двадцать, меня окликают по имени через дверь, и ручка дребезжит.

— Кэл, какого хрена ты так долго?

Клянусь всеми святыми, что я заперла дверь в ту же секунду, как переступила порог, но, к моему ужасу, дверь распаивается ни на секунду позже того, как Эмми нажимает на ручку.

Быстрее, чем я думала, что это возможно, я запикиваю тест обратно в пакет и запикиваю его на дно моего клатча. Бри уже позаботилась о коробке, прежде чем отдать его мне, в надежде, что она будет менее заметной.

— Какого черта ты делаешь? Нюхаешь кокаин с толчка или что-то в этом роде?

— Что? — Я ахаю, хотя сказать «да» на это обвинение, вероятно, было бы лучше, чем реальность. — Нет, конечно, нет. Я была... эм... просто разговаривала по телефону.

Инструкция, которую я бросила рядом с туалетом, бросается мне в глаза, и мое сердце подскакивает к горлу.

— С...

— А-Алексом, — заикаюсь я.

— О да. Он хочет увидеть тебя в этом сексуальном платье раньше всех остальных, да?

Мои щеки пылают, когда я борюсь с тем, чтобы не сводить с нее глаз и не обратить внимания на то, что валяется на полу.

— Что-то в этом роде, — бормочу я, позволяя ее воображению разгуляться от этой мысли.

— В любом случае, — начинает она, легко принимая мою ложь, — очевидно, мы на самом деле не остаемся здесь на вечеринку.

— Что? — Спрашиваю я, морща лоб, когда воспринимаю эту информацию. — Тогда где же это, черт возьми?

— Понятия не имею. Селена только что постучала и сказала, что машины будут через две минуты и что мы должны быть готовы.

Я смотрю на нее, не веря своим глазам.

— Я знаю столько же, сколько и ты. Но, между нами, здесь что-то замышляют.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Пожалуйста, не говори так.

— Ты сам это говорила ранее. Устраивать эту вечеринку — это безумие, учитывая все происходящее. Мальчики что-то задумали.

— Господи, — бормочу я, поднимая руку, чтобы потереть лицо, но передумываю из-за количества косметики, которая его покрывает.

— Я принесла тебе подарок. Ты знаешь... на всякий случай. — Эмми открывает свою сумку и передает мне пистолет. — Я слышала, что в наши дни ты чертовски крутой стрелок, так что это может пригодиться.

— Где, черт возьми, я должна его спрятать? — Спрашиваю я, глядя вниз на свое тонкое, облегающее черное платье.

— Ах... ты готова взорвать разум Алекса или Джерома?

— Э-э... Не совсем, нет, но я сомневаюсь, что у меня есть выбор в этом прямо сейчас.

Эмми опускается на пол передо мной, и я максимально использую возможность немного пошаркать, чтобы у нее не было шансов увидеть бумагу, лежащую на полу позади нее, когда она достает что-то еще из своей сумки.

— Что это? — спрашиваю я, хотя на самом деле это чертовски очевидно.

— Очевидно, кобура. Мы просто пристегиваем ее вот сюда. — Она раздвигает высокий разрез моего платья в пол и оборачивает черную ткань вокруг моего бедра, закрепляя ее, а затем засовывает пистолет в ремни. — А теперь ты выглядишь чертовски сексуально. Парни обосрут кирпичами, когда увидят тебя.

— Эмми, — шиплю я. — Я не могу разгуливать с пистолетом, пристегнутым к бедру.

— Кто сказал? — спрашивает она, снова пытаюсь встать и приподнимая свое платье, чтобы показать мне спрятанное оружие. — У Стелла тоже имеется.

— Иисус.

— На всякий случай. Если это какой-то план выманить итальянцев и стереть их с лица Земли, тогда мы хотим быть готовыми помочь нашим мальчикам, верно?

— Конечно, — шепчу я, чувствуя себя очень, очень неловко из-за всего этого.

Интересно, отпустили бы они меня домой, если бы я рассказала им правду. Конечно, они бы не хотели, чтобы я приближалась к этому дерьмовому шоу, если я...

Мой желудок сжимается еще до того, как я думаю об этом слове.

— Эмми, Калли, — зовет Стелла. — Нам нужно идти.

— Пойдем, — говорит Эмми, беря меня за руку и таща из ванной, подальше от улик, которые я оставила на полу.

Я хочу вздохнуть с облегчением, но неизвестность того, что ждет меня в оставшуюся часть ночи, делает это невозможным.

Прежде чем отправиться в путь, нас всех загружают в затемненные внедорожники на подземной парковке отеля.

— Любой бы подумал, что мы долбаный премьер-министр, — выдыхает Джоди, когда несколько машин обгоняют нас, а остальные пристраиваются сзади.

— Тогда можно с уверенностью предположить, что вечеринка состоится в неизвестном месте, — объявляет Стелла, когда мы выходим из отеля и смотрим, как машины разъезжаются по разным съездам.

— Не слишком ли это все для дня рождения твоей мамы? Без обид, — говорит Джоди, озабоченно хмурясь.

— Да, это безумие. Я хочу сказать, что удивлена, что она позволяет этому случиться, если все это часть работы. Но она никогда не откажется даже от нескольких минут в центре внимания.

Среди нас четверых воцаряется тишина, пока нас везут по улицам Лондона Бог знает куда.

По мере того, как проходят минуты и мили, вскоре становится очевидно, что мы уезжаем из города, что, вероятно, к лучшему. Хотя, почему мы не могли сделать это раньше, до того, как оделись, выше моего понимания. Конечно, это было бы безопаснее?

Прошло больше часа, когда машина, наконец, остановилась возле модного загородного клуба, в котором я никогда раньше не была.

Повсюду развешаны волшебные гирлянды, и два швейцара ждут, чтобы поприветствовать нас. Это подходит их почетному гостю сегодня вечером, это точно.

— Необычно, — бормочет Джоди.

— Ты ожидал чего-то меньшего? — спрашивает Эмми.

— Думаю, что нет.

Двери открываются, и мы все выходим.

Беспокойство пробегает по моему позвоночнику, мою кожу покалывает от осознания того, что за мной наблюдают.

Внезапно у главных дверей появляются четверо парней в костюмах, и я немного расслабляюсь, когда глаза Алекса встречаются с моими, прежде чем опуститься на мое тело.

Даже отсюда я вижу, как желание пронесется по его чертам. На меня это не должно влиять, но сейчас все в таком беспорядке, что я даже не задаюсь вопросом о том, как сжимается низ моего живота.

Одетый в свой черный костюм, он так похож на своего близнеца, что это нервирует.

Тео, Себ и Тоби выходят вперед и забирают своих девочек, пока Алекс направляется ко мне.

— Черт, малышка Си. Ты выглядишь потрясающе, — выдыхает он, его глаза изучают каждый дюйм меня.

— Спасибо, — выдыхаю я, заставляя себя выдавить улыбку. Ту, на которую он не повелся.

— Что случилось?

Мои губы приоткрываются, чтобы заверить его, что со мной все в порядке, но, когда слова слетают с моего языка, они совсем другие.

— Это не просто обычная вечеринка, не так ли?

— Что заставляет тебя так говорить?

— Ну, уход инкогнито из The Empire и The Prestige. Тот факт, что я чувствую на себе миллион пар глаз прямо сейчас. Мне продолжать?

— Не о чем беспокоиться, хорошо? У Дэмиена и твоего отца все под контролем.

В прошлом эти слова принесли бы мне некоторое утешение. Но сегодня я изо всех сил пытаюсь их найти.

Я не знаю, что это, но глубоко внутри меня ноет, что сегодня вечером что-то пойдет очень, очень не так.

Наклоняясь к Алексу, я шепчу: — Он здесь?

— Конечно. Он внутри. И он хочет поговорить с тобой.

Выпрямляя спину и отбрасывая свои страхи в сторону, я беру Алекса под руку. — Тогда показывайте дорогу, добрый сэр.

— Это было бы для меня удовольствием.

28

КАЛЛИ

Мое тело дрожит с головы до ног, когда Алекс ведет меня через фойе, заставленное массивными букетами любимых цветов моей мамы. Но на самом деле я ничего этого не вижу.

У меня кружится голова, а кровь приливает к ушам с такой скоростью, что я не могу не удивляться, как я еще держусь на ногах.

— Ты в порядке? — Алекс дышит мне в ухо, посылая дрожь по моей спине.

Натягивая на лицо фальшивую улыбку, я поворачиваюсь к нему. — Конечно.

— Да, хорошая попытка, малышка Си. Это дерьмо может сработать с Нико, но ты здесь

никого не обманешь.

— Он пришел ко мне прошлой ночью, — признаюсь я.

— Да, я знаю. Хотя на самом деле он никогда не произносил этих слов.

— Он присматривал за мной, когда я отключилась в кабинете. Отнес меня в постель. Укрыл одеялом.

— Кто знал, что у дьявола есть такая милая сторона, — поддразнивает Алекс.

— Он ушел до того, как я проснулась. Я не думаю, что он хотел, чтобы я знала.

— Итак, как ты узнала?

— Его маленькая помощница сдала его, — говорю я, легкая улыбка растягивает мои губы, когда я думаю о Джослин и ее отчаянно необходимом совете этим утром.

— Помощница?

— Похоже, он обвел Джослин вокруг своего мизинца.

— Ого, вау, — выдыхает Алекс. — Я думаю, в этом есть большой смысл.

— Разговор с ней помог. Это заставило меня взглянуть на вещи под другим углом.

— И? — спрашивает Алекс, когда мы входим в большой зал, где проводится вечеринка.

Показные золотые и пурпурные украшения проходят мимо меня, как и все люди, которые уже здесь, готовые отпраздновать еще один год, когда моя мать пытается контролировать мою жизнь.

И все же, единственное, что я вижу, — это он.

Клянусь, мое сердце замирает при виде него. Мой желудок сжимается, руки дрожат, а грудь ноет так, как будто кто-то только что вонзил в нее нож.

Он одет, как и все мужчины здесь, в свой черный костюм Чирилло, и выглядит так же сексуально, как я и предполагала.

— Они всего лишь друзья, — шепчет Алекс, как будто девушка, прижавшаяся к его боку, и есть причина, по которой я останавливаюсь, как только мой взгляд падает на него.

— Я-я знаю. — Айла, прижимающаяся грудью к его руке, — буквально наименьшая из моих забот прямо сейчас.

Но, несмотря на то, что я знаю, что это правда, это не останавливает зеленоглазого монстра, поднимающего свою уродливую голову, пока я продолжаю наблюдать, как они разговаривают друг с другом.

Они всегда были близки, но я никогда не воспринимала это так, как сейчас.

— Кэл, — предупреждает Алекс, чувствуя мое внутреннее смятение. — Это ты. Он не видит—

— Я знаю, — уверяю я его, сжимая его руку. — Просто это не так просто.

— Но это может быть. Вам двоим просто нужно поговорить, разрядить обстановку. Ты нужна ему, Кэл. И я подозреваю, что он тоже нужен тебе.

Прямо сейчас, ты ни за что, черт возьми, не поверишь.

Мой клатч раскаляется докрасна у меня под мышкой. Ответ на мою судьбу сидит внутри, умоляя меня вытащить его и подтвердить, собирается ли моя жизнь измениться навсегда.

— Мне просто нужно в убор—

— Ты не убегаешь от этого, — заявляет Алекс, обнимая меня крепче, прежде чем начать вести нас ближе к бару.

Мы проходим половину огромной комнаты, прежде чем попадаемся Айле на глаза.

Она изучает нас — или, скорее, меня — некоторое время. У меня мурашки по коже от

осознания того, что она прямо здесь и сейчас явно решает, достаточно ли я хороша для ее лучшего друга.

Мы двое всегда хорошо ладили, но мы никогда не были настоящими друзьями. Мы всегда были слишком разными. Или, может быть, с тем, как я прорывалась через оковы, которые окружали меня всю мою жизнь, мы не так уж и непохожи, в конце концов. Просто мне потребовалось больше времени, чтобы обрести внутреннюю силу и уверенность.

Решив, она наконец кивает головой, показывая Деймону, чтобы он повернулся. Мое сердце подскакивает к горлу, когда предвкушение разливается по венам.

В последний раз, когда я смотрела ему в глаза, на нем была маска «наплевать», и я была по-настоящему заперта. С какой стороны этого сложного человека я собираюсь познакомиться сегодня?

Клянусь, время вокруг нас останавливается, когда он поворачивается.

Я перестану дышать, и все вокруг меня перестает существовать, пока я просто жду.

В ту секунду, когда наши взгляды встречаются, кажется, что кто-то буквально вырвал мир у меня из-под ног.

У меня подгибаются колени, и если бы не Алекс, то я бы лежала в куче посреди комнаты.

— Черт, Калли. Ты в порядке? — спрашивает Алекс, когда Деймон отталкивается от бара и подходит. Его длинные ноги за считанные секунды заполняют пространство между нами.

— Что случилось? — спрашивает он, явно увидев, как у меня подкосились ноги. Беспокойство сочится из его темных, бурных глаз, в то время как мои собственные наполняются слезами.

Качая головой, я изо всех сил пытаюсь сдержать свои эмоции.

Сегодняшняя ночь уже имеет все предпосылки для полной катастрофы. Последнее, что мне нужно, это выставить себя на посмешище и вызывать нежелательные вопросы у моего брата. Или у кого угодно, на самом деле.

Что мне нужно сделать, так это убежать так быстро, как я могу, с Деймоном прямо рядом со мной. Вероятность этого невелика.

— Н-ничего. Рада тебя видеть, — вежливо говорю я, заставляя себя улыбнуться.

Он хмуро смотрит на меня, прежде чем его глаза с беспокойством переключаются на Алекса. Он просто пожимает плечами, когда они вступают в раздражающий тихий разговор, в центре которого, очевидно, я.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно, — честно говорю я, как раз в тот момент, когда официант появляется рядом с нами с подносом шампанского и виски.

Все тянутся к бокалу, Деймон мгновенно опрокидывает его и ставит обратно.

— Мисс? — вежливо спрашивает официант.

— Нет, спасибо. Можно мне стакан воды, пожалуйста?

— Конечно, я сейчас подойду к тебе. — Я мило улыбаюсь ему.

— Вау, у тебя, должно быть, была действительно хорошая ночь, если ты еще не села на коня, — объявляет Айла.

— Да, это было что-то. Извините, я—

Но прежде чем я успеваю развернуться и убежать, голоса позади меня становятся громче, и я быстро оказываюсь в середине нашей группы.

— Это мило, вся банда вместе. Плюс эта липучка, — говорит Нико, подмигивая Айле.

— Пошел ты, Чирилло. Я лучший человек в этой компании, и ты это знаешь.

Я смотрю на них двоих и стону.

Пожалуйста, ради любви к Богу, не говори мне, что он трахал и ее тоже.

— Вода? — спрашивает Джоди, когда официант возвращается с моим напитком и новым подносом для всех остальных.

— Я просто не могу с этим справиться. Пока нет.

Она с подозрением изучает меня, и мое лицо вспыхивает. Конечно, Бри ничего ей не сказала. Она обещала мне, и я доверяю ей.

— Бывала там не раз. Был один раз, когда мы с Бри отправились на выходные в какой-то парк отдыха, и, клянусь, я не могла выносить даже запаха алкоголя по крайней мере неделю после того, как мы вернулись. Впрочем, ты скоро вернешься в седло и будешь страдать от очередного похмелья.

— Могу я хотя бы покончить с этим, прежде чем мы начнем говорить о следующем?

Она смеется, прежде чем завязать разговор с Тоби и Нико.

Я оглядываюсь на своих друзей, счастье наполняет мое сердце, хотя к нему примешивается беспокойство.

Все кажутся такими беззаботными и счастливыми, но я все еще не могу избавиться от беспокойства внутри меня. Беспокойство, которое не имеет ничего общего с тестом в моем клатче.

Черт.

Отступая от них, как только они все отвлекаются, я пытаюсь, наконец, сбежать.

Поиск ответа посреди этой вечеринки может быть худшим решением, которое я когда-либо принимала, или это может быть лучшим, и я, возможно, смогу выдержать бокал или пять этого шампанского. Видит Бог, мне бы не помешало отвлечься парой бокалов прямо сейчас.

Мой взгляд прикован к указателю туалета, поэтому я не замечаю парня, на которого собираюсь наехать, пока он не заговорит.

— Привет, как ты себя чувствуешь? — говорит знакомый голос, прерывая мою миссию одинокой женщины, чтобы запереться в кабинке.

Поднимая взгляд, я замечаю, что добрые, но усталые глаза Джерома встретились с моими.

Смех вырывается из моего горла, поскольку мои эмоции продолжают разбрасываться, как на долбаных американских горках.

— Бывало и лучше, не могу лгать. Ты?

— Почти уверен, что я мертв. Что, черт возьми, было в той водке?

— Наши мучительные смерти? — невозмутимо говорю я.

— Похмелье в сторону, это была хорошая ночь. Я просто хотел сказать спасибо, что выслушала меня. Я действительно ценю это.

— Джером, — вздыхаю я.

— Не надо, — предупреждает он. — Прошлой ночью у меня был свой момент. Я в порядке.

Я улыбаюсь ему, видя силу в его чертах, которой не было прошлой ночью.

— Я догоню тебя позже, хорошо? Мне просто нужно... — Я киваю в сторону ванной, и он улыбается мне, наконец, отпуская меня.

Я вздыхаю с облегчением, уходя.

— Каллиста.

— Во имя любви ко всему святому, могу я, пожалуйста, просто сходить в чертову ванную? — Бормочу я себе под нос.

Хорошо, что мне на самом деле не нужно отлить, иначе у меня были бы серьезные проблемы к настоящему времени.

Я оборачиваюсь на звук глубокого голоса моего отца и позволяю ему осмотреть меня.

— Когда моя малышка успела вырасти? — он дышит, его глаза становятся мягкими, когда он на несколько секунд забывает о том, что был младшим боссом семьи, и просто становится моим отцом. — Ты выглядишь прекрасно. Но что-то подсказывает мне, что это платье произвело на твою мать примерно такое же впечатление, как и то, которое ты выбрала прошлой ночью.

На моих губах появляется ухмылка, и я уверена, что вижу вспышку гордости в его глазах.

— Можно и, так сказать. Думаю, действительно хорошо, что она этого не видела.

Я выдвигаю ногу вперед, позволяя ткани раздвинуться на бедре, и обнажаю оружие.

— Господи, Калли. Я не уверен, что это необходимо, — выпаливает он в шоке.

— Ты вооружен, папа? — Невинно спрашиваю я.

— Э-э... конечно, я вооружен.

— Тогда нет причин, почему я не должна быть такой же.

Его рот открывается и закрывается, казалось бы, не в состоянии подобрать слов для ответа.

Позволяя своему платью упасть обратно на место, я делаю шаг вперед, сокращая пространство между нами.

— Что на самом деле происходит сегодня вечером, папа? Мы не ходим на вечеринки под прикрытием. Мы не прячемся. Никогда.

Он нервно сглатывает, и это все, что мне нужно знать, что мои подозрения верны.

— Тебя не касается, что у нас происходит на заднем плане, милая.

— И это вполне может быть правдой. Но можешь ли ты стоять здесь и сказать мне без всяких сомнений, что никто из людей, которых я люблю, сегодня вечером не подвергается риску?

Когда его ответ приходит не сразу, горький смех срывается с моих губ.

— Я должна забрать своих друзей и убраться к черту подальше от этого места, — предупреждаю я.

— Мы все предусмотрели, Калли. Нет причин, по которым что-то должно произойти.

— Но это может случиться?

— Всегда есть риск, милая.

— Но этот шанс недостаточно велик, чтобы отправить тех, кого ты любишь, в подполье, как на прошлой неделе? — спрашиваю я, изогнув бровь.

— Это было направлено против тебя. Это было по-другому.

— Значит, если это место взорвется позже вечером, и я не увижу завтрашнего дня, это другое дело, не так ли?

— Калли, — предупреждает он, его мягкий, отеческий голос уступает жестокости солдата, которая скрывается за ним. Переключение между ними настолько знакомо мне со всеми мужчинами в моей жизни, что это почти нормально.

— Что? Я просто спрашиваю. Я знаю, что ты любишь маму безоговорочно и все такое,

но я просто хочу, чтобы все знали, что это действительно плохая идея.

Его темные глаза смотрят в мои, и, клянусь, я вижу в них проблеск нерешительности.

Он знает. Он тоже это чувствует.

— Эван, дорогой, — мурлычет мама откуда-то из-за его спины, заставляя нас прекратить нашу молчаливую битву воли. Не то чтобы у меня когда-либо был шанс победить его. — Нам нужно пойти и занять свои места. Они хотят, чтобы скоро принесли закуски.

— Хорошо, мы сейчас придем. Правда, Калли? — Говорит папа, переводя мамин взгляд на меня.

Выражение ее лица становится жестче, ее взгляд опускается на мое платье.

— Я не могу дождаться, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. — Сначала мне просто нужно в туалет. — Я делаю шаг назад, на этот раз готовая убежать.

— Нет времени. Зайдешь позже. Твой папа подготовил речь. Ты не можешь это пропустить.

— Но мне просто нужно—

— Давай, Калли, — говорит Алекс, подходя ко мне сзади и обнимая меня за талию, защищая. Движение, которое моя мама, конечно, не пропускает.

— Я думала, Джером был твоим кавалером сегодня вечером? — спрашивает она, нахмурившись.

— Она с нами обоими, верно, Кэл? Втроем веселее.

С его губ срывается ворчание, когда я пихаю его локтем в ребра, но я на самом деле не это имею в виду, потому что я бы заплатила, чтобы увидеть, как мамино лицо становится таким же багровым, как и при его комментариях.

— Тогда показывай дорогу. Я более чем готова ко всему интересному, — поддразниваю я.

Положив руку мне на поясницу, он подталкивает меня к большому столу, за которым уже собирается остальная часть нашей группы.

— Я действительно думал, что у твоей мамы тогда глаза вот-вот вылезут, — шутит он мне на ухо.

— Можешь ли ты представить, если бы это было правдой, и я пришла домой, чтобы сказать ей, что у меня было два парня? Я думаю, она действительно могла бы умереть.

Он усмехается. — Может быть, нам стоит попробовать. Как только все уляжется, может быть, мы с Деймоном могли бы появиться, чтобы пригласить тебя на свидание и посмотреть, как у нее взрывается голова.

— Ты злой.

— Я должен как-то пригласить тебя на свидание, малышка Си.

— Ты можешь пригласить меня на свидание в любое время, когда захочешь. Только не ожидай никаких дополнительных преимуществ.

— Тьфу, но это забавные моменты.

— Тебе нужна девушка, — заявляю я. — Кто-нибудь здесь привлек твое внимание?

— Ты хочешь сказать, что здесь есть девушки, кроме тебя?

— Ты милый, и ты творишь чудеса с моей уверенностью. Но я серьезно. Ты заслуживаешь милую девушку, которая будет мириться с твоими странностями.

— Я бы предпочел непослушную девушку, которая будет потакать моим странностям.

— И вот я думала, что вы все были милыми и невинными.

— Сними розовые очки, малышка Си. За этим столом нет милых и невинных. — Он

отодвигает для меня стул как раз в тот момент, когда Джером подходит с другой стороны, обнаруживая свое имя на табличке рядом с моим. Как предсказуемо. — О, может быть, и есть, — шутит Алекс.

— Веди себя прилично, — предупреждаю я через плечо.

Я дрожу, когда он проводит пальцами по моему почти обнаженному плечу, и я клянусь, воздух действительно потрескивает, когда Деймон смотрит на своего брата. Не думаю, что я когда-либо была свидетелем такого обещания боли за всю свою жизнь.

Но, будучи Алексом, ему, похоже, абсолютно наплевать, когда он садится на свое место и поворачивается туда, где мой отец звякает ножом о стакан, чтобы привлечь всеобщее внимание.

29

ДЕЙМОН

Гнев и потребность в моей девочке захлестывают меня, когда я наблюдаю, как Алекс нагло прикасается к ней у меня на глазах.

Я знаю, что он делает. Айла тоже.

Но в этом, блядь, нет необходимости.

Мое сердце бьется в груди, как гребаный басовый барабан, мои чувства обострены, пока я жду, что что-то произойдет.

Неважно, сколько раз все пытались убедить меня, что мы все здесь в безопасности, я отказываюсь в это верить.

Я полностью за то, чтобы подразнить итальянцев и сбить их с толку, оказавшись не там, где они ожидают нас видеть. Но девочки, Калли, не должны быть в гребаной гуще событий.

Есть так много других вещей, которые мы могли бы сделать, чтобы вытащить их из их укрытий и уничтожить.

Мои кулаки сжимаются под столом, но Калли замечает, как напрягаются мои плечи, потому что одновременно на ее лбу появляются морщинки.

Образ того, как она чуть не упала на пол, когда наши взгляды впервые встретились ранее, все еще разыгрывается в моем сознании, и я все еще в таком же замешательстве по этому поводу, как и тогда.

Я знаю, что между нами напряженные отношения, но это было...

Теплое дыхание Айлы с привкусом виски пробегает по моей шее.

— Я не говорю, что не верила тебе или что-то в этом роде, но, черт возьми, эта девушка так сильно увлеклась тобой.

Мое сердце подпрыгивает к горлу от ее слов, мои глаза все еще прикованы к моей девочке, когда она разговаривает с Джеромом, хотя ее внимание каждые несколько секунд переключается на меня, как будто она не может оторвать от меня глаз.

— Да? — Спрашиваю я, ненавидя то, что звучу как полная надежд девочка-подросток, но в то же время мне на это насрать.

Все, что меня волнует в этот момент, — это она, и я уверен, что, если сегодня вечером случится худшее, я увезу ее как можно дальше от этого как можно быстрее.

— Да, и сексуальное напряжение между вами двумя возбуждает даже меня. Ты думаешь, кто-нибудь заметил бы, если бы я—

— Пожалуйста, не заканчивай это предложение. Мне действительно не нужно знать, чем это закончится.

Она посмеивается рядом со мной, пока Эван продолжает растягивать слова о том, какая замечательная у него жена.

Никто за нашим столом не слушает, даже Нико или Калли, так что я и глазом не моргну, пропустив все это мимо ушей. Насколько я могу судить, Кассандра помещена на контроле, ей так глубоко засунули палку в задницу, что даже лучший в мире доктор не смог бы ее высвободить.

Наконец, Эван призывает нас поднять тост, как только официанты разольют новые бокалы шампанского, и я с радостью соглашаюсь с ним в части, посвященной выпивке в его речи.

Я проглатываю шипучее дерьмо, морщась, когда оно, кажется, взрывается у меня в горле.

— Тьфу, — жалуюсь я.

— Вот, — говорит Айла, передавая мне бутылку виски, которую она прятала... черт знает где.

Я смотрю на нее в замешательстве.

— С одной стороны нож, с другой виски, — говорит она, постукивая себя по бедру.

— У меня нет слов, — говорю я, беру бутылку и делаю глоток.

Калли по-прежнему не пьет. Вместо этого она просто ставит свой бокал обратно на стол после того, как подняла его вместе со всеми остальными.

Мои брови сходятся вместе, когда я наблюдаю за ней.

Несмотря на макияж, ее кожа бледная. Она выглядит измученной, что, я думаю, не так уж необычно после адского похмелья, но это точно не помогает решить ни одну из моих проблем прямо сейчас.

Она ахает, когда обнаруживает, что я снова смотрю на нее, ее голова слегка качается, как будто она отчитывает меня, прежде чем она смотрит через мое плечо.

Оглядываясь назад, я нахожу, что она с тоской смотрит на ванную.

Во мне поднимается жар, когда грязные, порочные мысли, которые мне определенно не должны были приходить в голову во время вечеринки по случаю дня рождения ее матери, заполняют мой разум.

Но прежде чем у нее появляется шанс сделать перерыв, появляются официанты, и перед нами появляется еда.

От аромата у меня сразу урчит в животе, а рот наполняется слюной, когда я смотрю на равиоли, грибы и трюфели.

Нико и Алекс, как всегда, сразу же набрасываются на еду, не дожидаясь, пока всем принесут их тарелки. Не то чтобы всем за нашим столом не было насрать. Я почти уверен, что Кассандре было бы что сказать по этому поводу, если бы ее собственный столик не был слишком занят, пуская дым ей в задницу.

Пока все едят, в комнате воцаряется тишина, но я по-прежнему почти не отрываю глаз от моей девочки, пока она сама раскладывает еду по тарелке.

И Алекс, и Джером замечают и проверяют ее, и меня чертовски убивает, что я не могу сделать то же самое.

Не успели мы закончить с закусками, как перед нами приземляется горячее, в очередной раз останавливая побег Калли.

Еда невероятно аппетитная. Оленина нежная и совершенная, но я не наслаждаюсь ею так сильно, как, я знаю, наслаждался бы, если бы сидел рядом с ней, выясняя, что на самом

деле вызвало эти тени в ее глазах, которые она разыгрывает как затяжное похмелье.

Чем больше я наблюдаю за ней, тем больше считаю эту историю чушью.

Возможно, мое присутствие выводит ее из себя, но, черт возьми. Я ненавижу это.

Наконец, она откидывается назад после того, как в очередной раз раскидала еду по тарелке, кладет салфетку на стол и извиняется.

Я заставляю себя смотреть в стол, не желая, чтобы кто-нибудь застукал меня, когда я смотрю, как она уходит.

— Какого черта ты ждешь? — шепчет Айла мне на ухо.

— Я не могу, Ай. Что, если Нико заметит?

— Серьезно? — спрашивает она, бросая на него быстрый взгляд. Я слежу за ее взглядом и вижу, как он откидывает голову назад и громко смеется над чем-то, что ему рассказывают Тоби и Джоди. — Он и глазом не моргнет.

У меня в кармане жужжит телефон, и я вытаскиваю его, обнаруживая сообщение от придурка с другой стороны стола.

Алекс: Я прикрою тебя. Просто иди и забери свою девушку.

К черту все.

Я следую за ее движением, отодвигаю стул и направляюсь в ванную, как будто ничего необычного не происходит.

К счастью, другие женщины не движутся в том же направлении, и мне остается только надеяться, что ни одна из них уже не в ванной, потому что это может быстро стать неловким.

Дверь в дамскую комнату как раз закрывается, когда я мчусь по коридору и ловлю ее, проскальзывая внутрь и щелкая замком, который, к счастью, нахожу изнутри.

Калли как раз собирается проскользнуть в одну из кабинок, когда мой голос пререзает воздух.

— Остановись.

Она немедленно делает то, что ей сказано, ее спина выпрямляется, плечи напрягаются, но она не оборачивается. Она ничего не делает, и это вызывает волну страха, захлестывающую меня.

— Калли, пожалуйста. Мне просто нужно—

— Ты не должен быть здесь, — говорит она слабым, надломленным голосом.

Мои ноги несут меня через комнату без каких-либо указаний от моего мозга, пока я не оказываюсь прямо за ней. Ее запах наполняет мой нос, и мои мышцы болят от потребности заключить ее в свои объятия и никогда не отпускать.

— Прости, — выпаливаю я. — Прости за все, что я наговорил с того момента, как разбудил тебя тем утром. Все это было чушью собачьей. Ты была прав. Я был напуган. Я всего лишь трус, и я не заслуживаю второго шанса с тобой, но...

Она поворачивается, ее глаза находят мои, когда ее крошечные ладошки опускаются на мою грудь, шок от этого движения заставляет меня сделать шаг назад.

— Заткнись. Просто заткнись, — рычит она. — Меня тошнит от того, что ты указываешь мне, что я должна делать, что я должна думать. Когда ты устраиваешь это дерьмо типа «Я тебя не заслуживаю» и отстраняешься, ты ничем не лучше тех, кто пытается контролировать мою жизнь.

— Ты не думаешь, что я способна принимать свои гребаные решения? Приходить к собственным выводам о том, кто достоин моего времени, а кто нет? Моей любви?

Весь воздух вырывается из моих легких, когда она произносит эти последние слова.

— Я л-люблю тебя, Калли, — выпаливаю я. — Я-я был таким чертовски долгое время. Т-ты — это то, что н-нужно м-мне. Единственная, кого я когда-либо видел. Единственная, кого я к-когда-либо хотел.

Она тает передо мной. Весь ее прежний гнев улетучивается, как только мои слова достигают ее ушей.

— Так что доверься мне, я тоже знаю, чего хочу, — шепчет она. — Перестань возводить стены, думая, что знаешь лучше меня. Только я знаю, чего я хочу, что я чувствую.

Я киваю, поскольку она просто продолжает смотреть на меня, мои слова все еще витают вокруг нас, когда я, черт возьми, почти истекаю кровью по всему полу из-за нее.

— Так... — Я делаю паузу, пытаюсь взять себя в руки. Ее руки скользят вверх по моей груди, пока она не обхватывает мою челюсть, придавая мне необходимую силу. — Чего ты хочешь?

— Тебя, Николас. Я хочу тебя. Я хочу страшного солдата и ранимого маленького мальчика, который живет внутри тебя, и все, что между ними. Я хочу твой страх, твою тревогу, и я хочу разбить это с тобой и доказать тебе, что все это у тебя в голове, потому что ты чертовски невероятный.

У нее вырывается дыхание, и ее сумка падает на пол, когда я прижимаю ее спиной к стене позади нее и прижимаюсь губами к ее губам.

— Черт возьми, ты идеальна, — рычу я в наш поцелуй, прежде чем погрузить свой язык в ее красные губы, чтобы найти ее.

Стон, полный похоти и первобытной потребности, вырывается из моего горла, когда она жадно погружается в поцелуй прямо рядом со мной.

Наклоняясь, я зацепляю рукой ее колено и поднимаю ее ногу, чтобы она обернулась вокруг моего бедра, но я замираю, когда мои пальцы что-то задевают.

— Что за— Я отстраняюсь от ее захватывающего поцелуя и смотрю вниз на ее бедро. — Трахни меня. Ты только что стала еще сексуальнее.

— Николас, — стонет она, прижимаясь ко мне.

— Черт возьми, Ангел. Я чертовски хочу тебя. Проведи со мной ночь. Я хочу, чтобы ты снова была в моей квартире. Я хочу, чтобы ты была в моей постели.

— Да, — стонет она, когда я целую ее в шею. — Да, я хочу всего этого.

— Хорошо, — выдыхаю я, мои губы касаются точки ее пульса, и на губах появляется улыбка, когда я чувствую, как сильно я на нее влияю. — И тогда ты можешь рассказать мне, что тебя действительно беспокоит сегодня вечером.

Она напрягается, и мгновенно, как будто эти несколько моих слов высосали весь воздух из комнаты.

— Ч-что ты имеешь в виду?

Я отстраняюсь, беру ее лицо в свои руки и пристально смотрю глубоко в ее глаза.

— Я знаю тебя, Калли. Я вижу тебя. И я знаю, что это оправдание похмелья — чушь собачья. Тебя беспокоит что-то еще.

Ее губы приоткрываются, чтобы ответить, но комнату оглашает грохот в дверь ванной.

— Алло? Здесь кто-нибудь есть, — зовет кто-то.

— Черт, — шипит Калли. — Тебя здесь поймают.

— Все в порядке, — уверяю я ее. — Я спрячусь в одной из кабинок. Ты делаешь то, что тебе нужно, затем выходишь, как будто ничего не произошло.

— Что я скажу о замке?

— Несчастный случай? Что ты была на автопилоте? — Я пожимаю плечами.

— А как насчет тебя?

— Ангел, тебе не нужно беспокоиться обо мне. Я выбирался из ситуаций и похуже, чем эта.

Женщина по ту сторону двери снова стучит.

— Сегодня вечером, да? Я и ты.

— Да. Я сделаю так, чтобы это произошло.

— Я люблю тебя, — снова говорю я в спешке, прежде чем поцеловать ее в кончик носа и проскользнуть в одну из туалетных кабинок.

Калли глубоко вздыхает, прежде чем ее каблуки стучат по кафельному полу и спускает воду.

Секунды кажутся часами, прежде чем она, наконец, подходит к двери и открывает ее.

— О боже, мне так жаль. Я понятия не имею, что произошло, — говорит она, звуча более чем убедительно. Маленькая шалунья.

Женщина, которая ждала, что-то говорит в ответ, но я слишком занят, заново переживая наши несколько совместных моментов, чтобы сосредоточиться.

Просто жаль, что это не продолжается, и я не могу заглушить звук того, как она мочится в кабинке рядом со мной, прежде чем она издает самый неподобающий леди пук, который я когда-либо слышал в своей жизни.

Кто сказал, что жизнь в мафии должна быть гламурной?

Кажется, проходит вечность, прежде чем она уходит, и как раз в тот момент, когда я думаю, что могу сбежать, входят еще две женщины.

К черту мою жизнь.

Хорошая работа, Калли стоит каждой секунды этого.

К счастью, когда я наконец возвращаюсь к столу, десерты как раз раздают, а Нико и Тео погружены в беседу.

— Повеселился? — спрашивает Айла, выглядя глупо самодовольной, несмотря на тот факт, что это не она перепихнулась в туалете.

— Тебе обязательно должно это так сильно нравиться? — спрашиваю я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на нее в ту секунду, когда моя задница ударяется о стул.

— О, черт, — выдыхает она, протягивая руку, чтобы потереться о мои губы. — На самом деле это не твой цвет. Мне кажется, тебе больше подойдет темно-фиолетовый.

— Я запомню это в следующий раз, — невозмутимо заявляю я.

Передо мной ставят чизкейк с какой-то причудливой сахарной начинкой сверху, и, изучив его секунду, я рискую поднять взгляд на Кэл.

Ее щеки розовые, а губы припухли от моего поцелуя.

И я снова чертовски возбужден.

Алекс ухмыляется мне, когда я одергиваю брюки, как будто он может точно видеть, что я делаю под столом.

Нуждаясь в отвлечении, от которого я не кончу, я оглядываюсь на Нико и Тео.

— Что происходит? — спрашиваю я, серьезность их разговора заставляет волосы у меня на затылке встать дыбом.

— Муравьи нашли мед, — загадочно отвечает Нико, за что Стелла закатывает глаза.

Насколько я знаю, ни одна из девочек не осознает, что на самом деле происходит, но ни

одна из них не глупа, и они должны что-то подозревать.

— Все по плану? — Спрашиваю я, мою кожу продолжает покалывать.

— Ага. Чего еще ты ожидал, чувак? Тебе нужно иметь немного гребаной веры. До дна, парни, — призывает он, поднимая свой стакан виски со стола. — Чертовски хорошая ночь, чтобы быть Греком.

Взгляд Калли прожигает мне щеку, и когда я оборачиваюсь, я нахожу страх в ее светло-голубых глазах.

Она знает.

И она тоже это чувствует.

30

КАЛЛИ

Что бы ни произошло за пределами этой вечеринки, кажется, это повышает чувство уверенности у всех, кто меня окружает, даже у тех, кто так же невежественны, как и я.

Но я этого не чувствую.

Мое сердце так переполнено после услышанных слов Деймона в ванной, но чувство вины, которое сопровождает их, угрожает поглотить меня и никогда не отпустить.

Я должна была рассказать ему, что я на самом деле чувствовала, вместо того, чтобы запинаться на словах, когда наша новая реальность нависла надо мной.

И я до сих пор не знаю долбанного результата этого теста.

Я смотрю вокруг, как все шутят и смеются, доедая десерты, а напитки разливаются легче, чем раньше.

Наклоняясь, я шепчу на ухо Алексу.

— Что случилось?

— Все прошло хорошо с... да, — говорит он, чувство вины проступает на его лице, извиняясь за свою неопределенность.

— И сейчас мы здесь в безопасности?

— В безопасности, как никогда.

— Как обнадеживает, — бормочу я.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? Ты почти ничего не ела — слова Алекса обрываются, когда земля содрогается от того, что, как я могу только предположить, является взрывом, прежде чем воздух прорезают выстрелы.

— Ублюдки, — гремит кто-то, прежде чем женщины начинают кричать, а мужчины выкрикивать приказы.

Все происходит как в тумане, когда кто-то хватается за плечо и тащит за наш стол, который внезапно перевернули, чтобы мы могли спрятаться за ним.

— Я, блядь, знал, что это плохая идея, — рывкает Деймон, прежде чем скрыться за Тео и Нико.

— Нет, подожди. Вернись, — кричу я, страх, которого я никогда не знала, давит на меня, пока я едва могу дышать.

— Доверяй нам делать нашу работу, Кэл. — Алекс хватается за лицо и целует в лоб, прежде чем тоже уйти, как раз в тот момент, когда по комнате разносится очередная очередь выстрелов.

Все разрушается, и взрывы сотрясают землю у нас под ногами, когда наступает хаос.

— Черт, — кричит кто-то позади меня, и когда я оглядываюсь, я нахожу Джерома с

кровью, льющейся из его бедра.

— Черт, в тебя стреляли? — Спрашиваю я, адреналин бьет ключом, когда я бросаюсь к нему на помощь.

— Н-нет, — заикается он, глядя на рану широко раскрытыми глазами. — Это было стекло.

— Ладно, хорошо. У тебя есть пистолет? — Спрашиваю я, просовывая руку в его куртку в надежде найти его за поясом.

Обхватывая пальцами холодный металл, я вытаскиваю его и вкладываю ему в руку.

Когда я снова встречаюсь с его глазами, я не могу не слотнуть нервно. Он выглядит чертовски напуганным.

— Ты справишься, Джи. Любой, кто не один из нас, пристрели их, хорошо? Мы собираемся выбираться отсюда.

Но пока я это говорю, раздается еще один зловеший треск, когда что-то рушится.

— Они взорвали вход, — кричит знакомый голос. — Нам нужно найти выход.

— Они заходят с черного хода, — кричит кто-то другой.

— Найди укрытие. Убери этих ублюдков.

Мое сердце бьется со скоростью миллион миль в минуту, когда я прислушиваюсь к хаосу из-за нашего безопасного столика. Но это ненадолго.

Я снова смотрю на Джерома, видя, как кровь отливает от его лица, заливая ковер.

— Черт.

Продвигаясь вперед, я оглядываю стол, и мои глаза расширяются при виде кровавой бойни.

Дальний конец здания полностью разрушен, комната разрушена, все окна разбиты, и есть... Меня тошнит, когда я нахожу пару ног, торчащих из-под стула.

О, черт.

— Джером, нам нужно выбираться отсюда.

Где-то по другую сторону стола гремят шаги, за которыми следуют выстрелы с близкого расстояния, и я в панике вытаскиваю пистолет из кобуры.

Я поднимаю его, но, когда человек, которому принадлежат шаги, появляется за столом, я вздыхаю с облегчением, когда обнаруживаю, что это всего лишь Джоди.

— Что, черт возьми, происходит? — шиплю я, хотя на самом деле не ожидаю ответа, которого уже не знаю.

Это итальянцы.

Кусочки моей недостающей головоломки начинают вставать на свои места.

Они думали, что обманули их.

Они думали, что вывезли их в другое место и что мы в безопасности. Насколько они были чертовски неправы и насколько они были чертовски глупы?

— Эмми и Стелла в порядке, они вон там. Они собираются выйти через боковую дверь. Они просили меня передать тебе, что встретят нас у твоего дома.

— А как насчет парней?

В глазах Джоди темнеет от беспокойства, прежде чем она проглатывает это и набирается сил, которые мне действительно чертовски нужны прямо сейчас.

— Это то, чему их обучают, Калли. Они справятся.

— А если они этого не сделают?

— Вон там есть дверь, — говорит она, кивая подбородком в сторону стола, который

скрывает ее от нас.

Мы загнаны в угол, что, возможно, сейчас безопасно, но нам крышка, если парням не удастся взять это под контроль. Мы легкая добыча.

— А как насчет Джерома?

— Ты можешь идти? — спрашивает его Джоди.

— Я не знаю, — слабо говорит он.

— Давай просто скажем «нет», — говорю я пессимистично.

Волна страха пробегает между нами, когда крики и стрельба становятся громче.

— Нам нужно что-то сделать, — говорит Джоди.

Мы втроем преодолеваем чертову милю, когда что-то подозрительно близко от нас взрывается.

Мои руки дрожат, и пот стекает по спине, когда я пытаюсь привести в порядок голову.

Что бы сделал папа?

К черту это, он втянул нас в этот гребаный беспорядок.

Что бы сделал Деймон?

— Нам нужно отвлечь их внимание, затем нам нужно бежать.

— Я ранен. Это отвлеч—

Стрельба ударяет в стол, скрывающий нас, и наши глаза широко распахиваются от надвигающейся смерти, когда они встречаются.

Черт. Я не могу умереть сегодня ночью. Мне нужно взглянуть на этот чертов тест.

Я не могу умереть, пока не узнаю правду.

Когда все стихает, я снова выглядываю и вижу мужчин в балаклавах, закрывающих их лица.

Черт. Я действительно чертовски надеюсь, что один из них — Ант, который сможет вытащить меня из этого.

— Возьми пистолет Джерома. Мы стреляем и убегаем. Нам просто нужно молиться чтобы их выстрелы были дерьмовыми.

— Это самоубийство, — говорит Джером.

— У тебя есть идея получше? — Джоди огрызается, заставляя его побледнеть еще больше.

— Нет, я... — Что-то трескается, прежде чем стена рядом с нами рушится.

— О, черт.

Взрывы гремят один за другим, стрельба льется дождем, и замирающее сердце осознает того, что мы слишком медлительны, проникает глубоко в мои кости.

Мы умрем здесь.

И во всем виноваты мои родители.

Мои глаза горят от слез, моя надежда тает, когда моя рука ложится на живот.

Воздух разрывает крик, когда над столом пролетает тело, пули по-прежнему попадают в него каждые несколько секунд.

— Что за—

— Деймон, — кричу я, облегчение переполняет меня, когда я влетаю в его объятия.

— Все в порядке, Ангел. Я вытащу тебя отсюда, хорошо?

Я отстраняюсь и смотрю на его лицо.

Его глаза темны, как глубокая ночь, и почти каждый дюйм его тела забрызган кровью.

В одной руке у него пистолет, а в другой нож с красным оттенком.

— Тебе тоже нужно пойти. Я не уйду без тебя.

— Нет времени на споры, Калли.

Стрельба стихает, оставляя у меня звон в ушах.

— Когда я скажу «уходи», ты потащишь его окровавленную задницу к этой двери, и ты не остановишься, пока не окажешься во внедорожнике, который высадил тебя здесь. Он ждет тебя. Стелла и Эмми тоже.

— Но—

— Встретимся у тебя.

— Ты обещаешь?

— Я, черт возьми, обещаю, Ангел.

Бросив нож на пол, он запускает окровавленные пальцы в мои волосы и прижимается губами к моим.

Всего на эти несколько секунд все исчезает, и мы снова вдвоем на том пляже. Но в ту секунду, когда он отстраняется, все пропало.

— Готова? — спрашивает он.

Он поднимает мою руку, поднимая мой пистолет, как будто мне нужно в кого-то выстрелить.

Поднимая Джерома с пола, Деймон призывает нас помочь ему, прежде чем перезарядить пистолет и приготовиться.

— Три. Два. — Мое сердце сбивается с ритма, когда я пытаюсь сосредоточиться, кровь приливает к ушам и все вокруг расплывается. — Один. Черт возьми, беги.

Я делаю то, что мне говорят, потому что это Деймон. Было бы глупо делать что-либо, кроме того, что он говорит, в подобной ситуации.

Позади нас раздается стрельба, когда мы с Джоди наполовину тащим Джерома к дверям.

— С вами все в порядке? — Кричу я, когда мы вываливаемся в темноту садов за ее пределами.

— Да, — соглашается Джоди, в то время как Джером только стонет. Я принимаю это как согласие, потому что я не могу справиться ни с чем другим прямо сейчас.

Мы продолжаем бежать так быстро, как только можем, с почти мертвым грузом между нами, в то время как бойня продолжается позади нас.

Земля содрогается от очередного взрыва, и я глупо рискую оглянуться.

Крик вырывается из моего горла, когда я смотрю, как рушится часть здания, в котором мы только что были.

— С ним все будет в порядке, Калли, — уверяет меня Джоди, напоминая, что она была свидетельницей того поцелуя. — Мы должны продолжать.

Мы пробираемся сквозь деревья, оставляя едва устоявшее здание позади.

Внедорожник стоит в конце подъездной дорожки с включенными фарами.

В ту секунду, когда нас замечают, Стелла и Калли выскакивают и бросаются к нам, отбирая у меня вес Джерома.

— Калли, садись в гребаную машину, — кричит Эмми, когда я останавливаюсь и оборачиваюсь, наблюдая за тем, как темный дым поднимается в небо.

Я как раз собираюсь двинуться, когда сквозь деревья проносится тело. Я инстинктивно поднимаю пистолет, когда вижу, что он прикрывает лицо, мой палец на спусковом крючке и я готова стрелять.

Но наши взгляды встречаются, и мое сердце уходит в пятки.

Он снимает свою балаклаву, и у меня вырываются рыдания, когда я смотрю на мальчика, которому я по глупости доверяла.

Моя собственная глупость обрушивается на меня.

— Калли, — выдыхает Ант. — Прости. Мне чертовски жаль.

Жгучие слезы текут по моим щекам, когда я смотрю на него, все еще держа пистолет поднятым.

— Я вытащу их, всех их. Я, блядь, обещаю тебе.

Это глупо. Но когда он произносит эти слова, у меня нет выбора, кроме как поверить ему, даже в разгар этой кровавой войны.

— Тебе, блядь, лучше это сделать, или это не последний раз, когда ты смотришь в дуло моего пистолета, Антонио Санторо. — Убежденность, стоящая за моими словами, шокирует меня.

Он кивает один раз, прежде чем крикнуть мне, чтобы я убиралась отсюда нахуй, и бежит к зданию.

Двое моих лучших друзей хватают меня за плечи, оттаскивают назад и, черт возьми, чуть не швыряют на заднее сиденье внедорожника.

— УХОДИ, — кричит Эмми.

— Нет, — кричу я, оборачиваясь, чтобы выглянуть в заднее окно. — НЕЕЕЕТ.

Руки обвиваются вокруг меня, и я сажусь на колени Стеллы, пока они все держат меня, не давая мне окончательно разлететься на миллион кусочков по всему салону.

— С ними все будет в порядке. Для них это обычный рабочий день, — шепчет Стелла мне на ухо, прежде чем прижаться своим лбом к моему. — Они лучше итальянцев.

Образ Анта, стоящего там и все еще дающего мне обещания после всего, через что мы прошли, заполняет мой разум, и я плачу сильнее.

Я могу потерять всех.

С одной стороны, обратная дорога до дома, кажется, пролетает мимо меня в мгновение ока, но в ту секунду, когда Стелла вытаскивает меня и поддерживает, кажется, что прошел миллион лет с тех пор, как я наблюдала, как взрывается это здание с Деймоном внутри.

Еще один всхлип вырывается из моего горла, когда входная дверь распахивается и Джослин бежит к нам.

— Калли, — плачет она, подхватывая меня на руки и помогая Стелле затащить меня внутрь.

Она направляет нас на кухню, где мы находим маму, Селену, Айрис, Клио, Айлу и... Джанну.

Черпая силы где-то глубоко внутри себя, я сбрасываю с себя опору и устремляюсь вперед.

— Это все твоя вина, — кричу я в бледное мамино лицо. — Если бы ты не чувствовала необходимости выпендриваться, этого бы никогда не случилось. — Мой голос даже не похож на мой собственный, когда я продолжаю ругать ее. — Мы могли потерять их всех, и это все твоя вина.

— Не могли бы вы трое отвезти ее куда-нибудь? — Требует Джослин, не оставляя места для споров.

— Джанна, посмотри на Джерома, пожалуйста, — просит Джоди, когда они с Эмми опускают потерявшего сознание Джерома на диван.

Она подбегает, когда меня в очередной раз грубо выводят из комнаты.

— Я не могу их потерять. Я не могу. Я не могу их потерять, — причитаю я, прежде чем меня заставляют сесть на диван в кабинете.

Образы моего отца, Нико, Деймона, Алекса, Тео... черт. Я смотрю на Джоди, когда она присоединяется к нам, и опустошение на ее лице снова выводит меня из себя.

Она через слишком многое прошла, чтобы потерять Тоби.

Мои рыдания снова становятся громче, прежде чем диван прогибается по обе стороны от меня.

— Вышей это, — требует Эмми, ставя передо мной стакан с какой-то янтарной жидкостью.

— Я не могу, — шепчу я.

— Ты можешь. Проглоти это на одном дыхании. Это поможет.

— Я не могу. Я могу бы—

— К черту твое похмелье, Калли. Джоди просто придется смириться, если тебя стошнит на нее, — говорит Стелла, заставляя меня поднять глаза и обнаружить Джоди, сидящую на кофейном столике передо мной, ее руки на моих коленях в знак поддержки.

Я сдаюсь, беру стакан у Эмми и выпиваю его.

Чувство вины переполняет меня в ту же секунду, как я это делаю, но, когда жидкость обжигает мне горло, а затем начинает согревать живот, я не могу отрицать, что это помогло.

— Что, черт возьми, мы собираемся делать? — спрашиваю я после самого долгого молчания, когда мы все теряемся в наших страхах.

— Мы ждем их возвращения, а затем дарим им лучшую ночь в их чертовой жизни, — объявляет Эмми.

— Значит, Алексу сегодня чертовски не повезло, — говорит Джоди, заставляя меня в панике поднять глаза. — Я позвоню Бри ради Нико. — У меня даже не хватает духу поморщиться при этой мысли.

— И Деймону, — добавляет Стелла.

— Может быть, наконец-то близнецы Деймос сведут Калли с ума, — шутит Эмми, в то время как Джоди смотрит на меня понимающими глазами.

Наклоняясь вперед, я беру ее руку в свою и сжимаю, молча благодаря ее за молчание.

Джослин врывается с подносом напитков и закусок, но никто из нас к ним не прикасается.

Мы все слишком беспокоимся о наших мальчиках.

Часы над камином продолжают зловеще тикать, отсчитывая каждую секунду, пока их здесь нет. И по мере того, как минуты превращаются в час, а затем в два, я начинаю терять надежду. Глядя на девочек, я нахожу то же выражение, запечатленное в их чертах.

— Фары, — внезапно объявляет Стелла, прежде чем вскочить с дивана и броситься к окну. — Черт. Они здесь. Они здесь, — почти кричит она, черт возьми, когда бежит к двери.

Мы все следуем за хлопающей входной дверью и шаги наполняют коридор.

Мы втроем выходим из комнаты, и мое сердце наполняется надеждой, что я вот-вот увижу Деймона. К черту то, что все думают, потому что я собираюсь броситься прямо в его объятия и разрушить все иллюзии, что я все еще их невинная принцесса.

Только когда я смотрю вверх, я нахожу только четырех из них.

Тео, Тоби, Себ и Алекс стоят перед нами с мрачными выражениями на лицах.

Движение позади меня снова дает мне надежду, но появляются только дядя Дэмиен и

Гален.

— Где остальные? — требую я.

Где мой папа, мой брат, мой— я проглатываю эту мысль, слезы снова наполняют мои глаза, и мое сердце разбивается в миллионный раз за последние несколько дней.

— Прости, Калли. Их нет с нами.

— Нет. Я качаю головой, отказываясь верить, что сегодняшняя ночь была моей последней ночью с самыми важными мужчинами в моей жизни. — Нет.

Мои колени подгибаются, но как раз перед тем, как я падаю на пол, сильные руки подхватывают меня и притягивают к его груди.

Я смаргиваю слезы и обнаруживаю, что стеклянные глаза Алекса смотрят на меня в ответ.

— Я держу тебя, Калли. Хорошо? Я, блядь, держу тебя.

Его руки охватывают меня, отрезая от остальных, когда я разбиваюсь на части, неверие, горе и леденящий душу страх овладевают каждым дюймом моего тела.

Я рыдаю, пока у меня не горят глаза и не начинается болеть горло от крика, но Алекс ни разу не отпускает меня.

Когда я, наконец, чувствую, что могу отстраниться от него, я нахожу коридор вокруг нас пустым, а слезы окрашивают щеки Алекса точно так же, как и мои.

— Я нашел это, — говорит он хриплым от эмоций голосом, поднимая мой клатч.

Я смотрю на это с недоверием.

О Боже.

Я тянусь к нему дрожащими руками, когда его глаза прожигают мне макушку, вероятно, удивляясь, почему я тянусь к нему, как к святому граалю.

Я забываю, что он наблюдает за мной, отбрасывая любые опасения по поводу того, что я потенциально собираюсь ему рассказать. Ничто из этого не имеет значения. Ничто, кроме правды, не имеет значения.

Я открываю сумку и нахожу маленький пакетик именно там, где я его оставила, — рядом с телефоном.

— Калли? — спрашивает Алекс, наблюдая за каждым моим движением.

Протягивая руку внутрь, я вытаскиваю палочку из открытого конца фольги и смотрю на экран, ожидая ответа.

— Черт возьми, Калли. Это что—

Конец... пока.